

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

157

ПАМЯТНИКИ
ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

157

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (отв. секретарь),
Н. Н. Гурина, А. Н. Кирйичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, В. В. Кропоткин,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. В. Шелов

СТАТЬИ

А. Н. РОГАЧЕВ

**О МЕТОДИКЕ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
(опыт археологических раскопок
палеолитических стоянок в Костенках на Дону)**

Разработка новой методики полевого исследования жилищ и поселений в 1930-х годах позволила первобытной археологии проникнуть в неизвестную до тех пор область фактов и явлений первобытной истории человечества и благодаря этому в корне изменить представления об условиях жизни, производственной и домашнехозяйственной деятельности людей в эпоху палеолита. Открытие этой области исторических фактов, по-новому осветивших уже накопленные и собираемые археологические материалы, вооружение первобытной археологии марксистско-ленинской теорией первобытнообщинного строя привели к пониманию первобытной археологии как конкретно-исторической науки¹. Советским исследователям палеолита в 1930-х и 1950-х годах удалось постигнуть, говоря словами П. П. Ефименко, внутренний смысл, причинность и историческую обусловленность хода развития первобытного человечества — процесса, отображенного в смене археологических памятников.

Важной заслугой советских исследователей палеолита является подключение археологических фактов к обоснованию марксистско-ленинской теории первобытнообщинного строя. Благодаря этому теория первобытнообщинного строя получила свою завершенность, а картина развития первобытного человечества воплотилась в конкретные исторические формы, глубочайшие истоки которых восходят к начальному этапу развития человечества². Выводы основоположников марксизма об общем доме как материальной основе древних форм общин и о коммунистическом домашнем хозяйстве древних общин как материальной основе первобытнообщинного строя подтверждаются теперь и археологическими материалами, относящимися не только к эпохе верхнего палеолита, но и к ашельско-мустьерскому времени. Все это позволило первобытной археологии обрести свою методологическую базу — метод научного исследования в общем-то очень скудных исторических источников, дало ей возможность глубокого диалектического понимания связи разновременных археологических, этнографических и исторических (письменных) источников.

Методические и методологические основы первобытной археологии как исторической науки и ее общие задачи впервые в достаточной мере были определены в 1923 г. В. А. Городцовым. В трудах советских археологов 1930-х и 1950-х годов первобытная археология имела преимущест-

венно социологическое направление и отождествлялась со всеобщей историей первобытного общества, что и порождало «социологический схематизм». Но в дискуссиях 1950-х годов в основном была завершена разработка методических и методологических основ первобытной археологии как марксистско-ленинской конкретно-исторической науки, которая изучает по вещественным источникам первобытную историю определенных народов и стран и на этой основе развивает и совершенствует свой метод — теорию первобытнообщинного строя, а также участвует в обсуждении и разрешении вопросов происхождения человека и возникновения человеческого общества, обеспечивая научный анализ вещественных остатков деятельности людей. Советская первобытная археология естественно волилась в единое русло материалистической исторической науки, стала ее неотъемлемой составной частью, подобно древневосточному, античному и славяно-русскому разделам археологии, составляющим вспомогательные части древней и средневековой истории народов и стран. В отличие от них первобытная археология имеет несравненно большие трудности в разрешении исторических, хронологических и генетических вопросов, и из-за полного отсутствия письменных источников и недостатка накопленных материалов она вынуждена во многих случаях освещать социальный исторический процесс гипотетически и схематически, придерживаться лишь принципа конкретно-исторического подхода, не ставя перед собой задачу написания «конкретной истории общин и племен».

Превращение первобытной археологии в конкретно-историческую науку, достигающую адекватных исторической реальности выводов, исключает серьезные и значительные успехи археологов-одиночек. Требуется организация исследовательских усилий коллективов специалистов, имеющих различную подготовку и опыт работы. Простое добросовестное описание памятников без их исторического объяснения не является историческим исследованием, если не обеспечен анализ фактов, не освещены и не поставлены проблемы истории.

С самого начала полевых исследований археолог должен стремиться к выявлению высоких качеств археологических материалов как исторических источников. Непоправимы ошибки и упущения, сделанные на этих начальных этапах исследования. Добросовестные наблюдатели всегда испытывают чувство огорчения и досады от того, что не были в свое время тщательно установлены и документированы те или иные факты и явления.

Методические приемы в полевых археологических исследованиях определяются характером памятников, предметом науки и состоянием разработанности главных проблем и частных вопросов первобытной археологии, их нельзя свести к некоторому числу чисто технических правил. Исследование археологического памятника от начала полевых работ и до издания отчета представляет единый творческий процесс сбора фактов, их документации и интерпретации.

В процессе исследования культурного слоя палеолитической стоянки, по опыту работы Костенковской экспедиции³ Института археологии АН СССР, необходимо отделить несколько основных этапов или моментов.

Раскопки памятника производятся на возможно более широкой площади, по возможности с полным исчерпанием данной линзы культурного слоя. Исследование памятника начинается с местной разведки, имеющей целью наилучшую организацию работ. Затем идет анализ обнаженного слоя путем поквadratной расчистки до основания, т. е. до обнажения подстилающих его пород. Этот этап завершается анализом пола жилищ и древней поверхности поселения, выявлением остатков наземных и углубленных в землю сооружений. Их изучение составляет дальнейший этап, или момент, исследования. Иногда археологические раскоп-

ки завершаются контрольным вскапыванием площади поселения для исследования основания породы, вмещающей культурный слой.

Самым трудоемким надо считать исследование заполнения ям, в которых часто бывают сложные нагромождения костей животных, а в некоторых местах наряду с этим — чистый суглинок, провалившийся с кровли. Заполнение могил исследуется, как и заполнение ям, вскрытых на поселения или внутри жилища.

Широкая площадь раскопа позволяет маневрировать, выбирать наилучшую позицию для наилучшего решения задач документации фактов и явлений. К концу работы, как правило, выясняются многие вопросы и сомнения, естественно возникающие в ходе исследования.

Исследование палеолитических жилищ и поселений для советских ученых никогда не было узкоспециальной историко-культурной темой. Они стремились раскрыть социологическую сущность памятника и поэтому при раскопках обращали внимание на развитие и укрепление оседлости, домашнехозяйственную деятельность, сложность собираемых материалов, характеризующих различные стороны производственной, хозяйственной, идеологической и духовной жизни, т. е. на то, что определяет в своей совокупности социальные условия жизни людей. В статье «О древнейшем заселении территории СССР» С. Н. Замятин отмечал необходимость и важность стационарных раскопок палеолитических стоянок на широкой площади и с полным основанием утверждал: «Я считаю, что этот способ исследования является гордостью нашей советской науки, что он позволил по-новому осмыслить доступные нам памятники и открыл новую страницу в истории изучения культуры палеолитического человека»⁴.

Советские исследователи палеолита единодушно осудили систему последовательного, полного, квадрат за квадратом, уничтожения культурного слоя. М. Я. Рудинский, раскопавший таким приемом Журавскую стоянку, в дальнейшем уже не применял эту так называемую кессонную систему наблюдения и документации культурного слоя⁵. Мало чем отличается от этой поквдратной системы и так называемый послойно-штыковой метод, при котором последовательно и полно уничтожается культурный слой, только несколько большими участками, с отвалом земли в сторону законченных исследованием децанок⁶.

Сторонники этих устаревших приемов выставляют в качестве преимуществ 1) их экономическую выгодность; 2) гарантию полной сохранности коллекций фауны и костяных вещей, снимаемых сразу же после их расчистки; 3) большую точность документации в чертежах, обеспечиваемую якобы этими методами. Однако диктуемое этими методами произвольное взрезание культурного слоя по вертикали и по горизонтали не позволяет наблюдать объекты в их целостности и исключает возможность уточнения фиксируемых наблюдений путем тщательного сравнительного анализа различных участков поселения в процессе их исследования. Этот главный недостаток перечисленных приемов делает их преимущества эфемерными. Применение этих приемов ведет к тому, что ошибки и упущения, выявляемые лишь в процессе взаимоувязки и осмысления разрозненных чертежей, осознаются в тот момент, когда уже нет возможности проверить и уточнить измерения и наблюдения.

Методические приемы полевого исследования палеолитического культурного слоя, сложившиеся в Костенковской экспедиции, во многих отношениях противоположны упомянутым методам.

В Костенковской экспедиции в процессе исследования палеолитической стоянки в каждый момент имеется возможность наблюдать в натуре общую картину изучаемого культурного слоя. Это достигается его одновременным вскрытием на широкой площади, размеры которой определяются границами скопления культурных остатков, а в случае очень

больших скоплений — возможностью исследования вскрытого слоя в данном сезоне полевых работ. Коротко говоря, полевое исследование палеолитической стоянки, как и остатков любого древнего поселения, сводится к выяснению и установлению взаимной связи культурных остатков и их отношения к вмещающей породе. Стоянки обычно залегают в материковом грунте, поэтому не имеют внешних признаков, сохранившиеся остатки обитания людей на них в большинстве случаев ничтожны. Очень часто только в результате тщательного исследования памятника устанавливается полная нарушенность культурного слоя, и проявленные усилия кажутся неоправданными. Но больше всего напряженного внимания в течение всего периода раскопок требуется в случае залегания культурных остатков в материке. Из-за этого заполнение ям, вырытых человеком на поселении, очень часто ничем не отличается от породы, в которой они вырыты, лишь примесь культурных остатков позволяет установить наличие искусственных ям.

Предлагаемая система исследования палеолитических стоянок на широкой площади позволяет легче преодолевать объективные трудности. Исследователь на протяжении всего процесса раскопок в натуре видит как общую картину культурного слоя, так и ее детали, что позволяет с точностью, полнотой и объективностью наблюдать и документировать факты. Широкая площадь раскопа с момента обнажения культурного слоя и до анализа его основания (пола) позволяет маневрировать с целью выяснения каких-либо непонятных деталей и явлений, обеспечивает наиболее выгодные позиции для их наблюдения и документации, а также поиск ответов на встающие в процессе раскопок все новые и новые вопросы и на любом этапе исследования дает возможность выверить и уточнить ранее сделанные измерения и наблюдения. Загадочные и вначале непонятные явления при сосредоточении на них внимания в конце концов находят объяснение, если археолог не спешит со снятием рассчитаемых материалов и не отрезает тем самым возможность для уточнения наблюдений.

Известно, что общая разведка памятников, преследующая цель их выявления и предварительного ознакомления с культурным слоем и коллекцией, предшествует плановому, ведущемуся на широкой площади и обычно в течение ряда лет изучению палеолитической стоянки. Однако, несмотря на точность и полноту предварительных сведений о памятнике, в процессе его детального изучения часто приходится производить местную разведку. Такая разведка необходима не только для лучшей организации обширных раскопочных работ, но и для получения более полного представления о памятнике в целом, так как детальному исследованию, несмотря на широкую площадь раскопов, подвергается всегда более или менее ограниченная часть поселений. В Костенковской экспедиции в интересах сохранности культурного слоя местная разведка производится только путем его обнажения в траншеях и в шурфах. В тех случаях, когда недостаточно знать только о наличии культурного слоя в том или ином пункте стоянки, но необходимо иметь представление о характере коллекции, разбирается культурный слой и в шурфе, однако с оставлением на месте возможных конструктивных элементов в виде камней, скоплений зольной массы и т. п.

Основная задача при обнажении культурного слоя — изучение пород, покрывающих его и содержащих предметы коллекции, вынесенные по кротовинам, установление его верхней границы. Путем постепенного расширения площади раскопа отыскиваются границы культурного слоя в плане. Обнажив культурный слой, установив границы скопления или скоплений культурных остатков, исследователь получает в какой-то мере контуры общей картины, многие детали которой все более и более проясняются при дальнейших работах. При анализе вскрытого культурного слоя уточняются границы его распространения в плане, прощупы-

ваются на всей площади его нижняя граница как в местах скоплений культурных остатков, так и на их периферии.

При разборке культурного слоя не следует нарушать пол жилища или основание культурного слоя, так как на следующем этапе они становятся объектами специального изучения, а нарушение этой древней дневной поверхности обитания и пола жилища может затруднить понимание и документацию материала всего комплекса.

В процессе разборки культурного слоя остаются на месте в расчищенном виде крупные кости, камни и др. для последующего анализа и документации условий их залегания в связи с другими элементами. В тех же местах, где находки вообще редки и нет других признаков культурного слоя, например вне границ жилища, остаются в расчищенном виде все находки, выбирается только суглинок. Уровень залегания этих находок определяет древнюю дневную поверхность поселения. Для проверки правильности установленного уровня древней дневной поверхности во всех необходимых случаях производится зондирование материка.

По нашему опыту установление пола углубленного в лёсс жилища и его границ представляется делом достаточно простым. Жилые углубления и полуземлянки всегда оказываются заполненными стелящимся по дну более или менее мощным культурным слоем, в большинстве случаев имеющим ясные и определенные признаки в виде окрашенности охрой или большой насыщенности золой, костными и другими остатками обитания.

По мере документации наблюдений производится снятие расчищенного материала и продолжается разборка и анализ культурного слоя. Особое внимание при этом уделяется точному установлению пола. Намечающиеся в отдельных местах ямы, вырытые в полу жилища, удобнее исследовать после освобождения пола жилища от материала, залежавшего на подходах к этим объектам. Разумеется, что в процессе снятия материала ведется его подробное описание, уточняется и детализируется общий план раскопа. Основные материалы, имеющие отношение к конструкции жилища, остаются в расчищенном виде на месте, что в дальнейшем позволяет всесторонне изучить и документировать их в возможно более полном виде.

Разборкой ям, очагов и скоплений очажной массы обычно завершается исследование культурного слоя. Тщательный анализ остатков очагов, расчищенных от остальной массы культурного слоя, производится, как правило, в последнюю очередь, после детальной зачистки пола жилища с расчищенными ямами и углублениями. При расчистке заполнения ям и очажных углублений не следует нарушать материк, так как это затрудняет изучение ям и документацию наблюдаемых фактов. Способ «вычерпывания» заполнения ям наиболее выгоден для сохранения общей картины поселений.

При внимательном анализе пола жилища путем его зачистки по матерiku почти всегда удается обнаружить признаки ям и других углублений в виде локализованных пятен культурного слоя или ничтожной примеси культурных остатков в однородной массе суглинка, схожего с материком, или по отдельным торчащим костям животных. На дне ям обычно находится значительное количество вещей, чаще — в охристом заполнении, расчищая которое можно проконтролировать правильность установления стен ямы. В случае заполнения ям культурным слоем на всю их глубину имеется возможность точно установить и форму их стен. При разборке ям прежде всего нужно обнаружить их дно и лишь после этого уточнить стены, так как в верхней части их заполнение содержит обычно незначительное количество культурных остатков. Если заполнение верхней части ям бывает суглинистым, подобным матерiku, то стены их бывают вертикальными, а размеры и форма определяются по расположению культурных остатков на дне.

В процессе расчистки ямы необходимо маневрировать, искать разные подходы для всестороннего анализа открывающихся явлений, которые часто ставят новые, порой неожиданные вопросы. Ответы на них следует искать, несмотря на кажущуюся ограниченность возможностей в данный момент. Эти возможности могут в ходе дальнейших наблюдений расширяться.

На основании опыта можно дать следующие общие советы ведущим расчистку заполнения ям: во-первых, нельзя без острой необходимости удалять хорошо расчищенные и документированные находки, если они не мешают вести дальнейшую работу; во-вторых, не следует нарушать материковые края ямы, это лишь вредит выяснению общей картины⁷; в-третьих, изучая заполнение ямы, не следует поддаваться соблазну наиболее легкого решения вопроса (например, получать натуральный разрез ямы не всегда целесообразно, внимание исследователя не должно отвлекаться от многих иных деталей заполнения, могущих осветить вставшие вопросы полнее). Производя сверху разборку заполнения ямы, исследователь все время видит разрез ее заполнения в разных его сечениях. Расчисткой соседних участков он имеет возможность наблюдать распространение в разрезе и в плане того или иного характерного явления, не разрушая выгодные для наблюдения остатки. Расчет на то, что натуральный разрез поможет разрешить все сложные вопросы, связанные с ее заполнением, в условиях палеолитических поселений может оказаться ошибочным, и исследователь рискует изучить лишь отдельные ее части. Разрезы заполнения ямы должны составляться по мере ее расчистки с ведением измерений по нивелиру. План должен составляться с наложением дециметровой сетки в установленные точки.

Изучение остатков жилых и хозяйственных построек на палеолитических стоянках направило внимание исследователей на более тщательное рассмотрение условий отложения культурного слоя. Наилучшей сохранностью обладает культурный слой, отложившийся на дне глубоких ям и обширных западин, вырытых людьми во время жизни на стоянке. В сочетании с обычными массовыми отбросами обитания древние нарушения поверхности, образовавшиеся в результате целесообразной деятельности людей, а также остатки строительных материалов (камни, кости, кучки земли и линзы суглинка внутри культурного слоя) являются столь же достоверными остатками человеческого труда, как и сохранившиеся кремневые, каменные и костяные орудия.

Основным документом при изучении стоянок является дневник исследователя с приложенными к нему планами, разрезами, зарисовками и фотографиями, а также обязательной полевой описью коллекции. Содержание записей в дневнике должно носить протокольный характер, здесь нет места различным догадкам и предположениям, которые подменяли бы детальное описание наблюдаемых фактов и явлений. Для удобства дневниковых записей и увязки их с планами и разрезами раскапываемый участок разделяется единой, постоянной квадратной метровой сеткой с обозначением квадратов литерой и цифрой по принципу шахматной доски. Дневниковые записи производятся на месте по объектам исследования или в календарном порядке. Дневник вместе с другими документами должен отражать полную картину изучения памятника. Считается недопустимым подменять дневниковые записи исследователя чертежами и записями вспомогательного персонала экспедиции. Наименьший масштаб полевых чертежей на палеолитических стоянках должен быть не менее 1 : 10, но на практике приходится составлять чертежи в масштабе 1 : 1, 1 : 2 и 1 : 5. Масштаб планов определяется потребностью точнее документировать положение мелких объектов и деталей.

Таковы основные методические требования к исследованию палеолитических стоянок в том виде, как они сложились в Костенковской экспедиции. Разумеется, каждый археолог в зависимости от подготовки,

личного опыта и местных условий производит раскопки по-своему, но все его действия всегда должны быть оправданы наибольшей целесообразностью и удобством вести наблюдения и документацию явлений и фактов. Неограниченные возможности археологии в познании далекого прошлого находятся в прямой зависимости от совершенствования методических приемов полевых и лабораторных наблюдений.

¹ *Рогачев А. Н.* П. П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества.— КСИА, 131, 1972.

² *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

³ Опыт работы Костенковской экспедиции по изучению палеолитических жилищ и поселений освещен в многочисленных работах П. П. Ефименко. Особенно см.: *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху.— Известия ГАИМК, 3-4, 1931; *он же.* Костенки I. М.— Л., 1958. См. также: *Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону.— МИА, № 45, 1955; *он же.* Раскопки палеолитических стоянок и погребений.— Известия на Археологический институт, кн. XXII. София, 1959. В последние годы в экспедиции затеян большой эксперимент по сохранению в здании павильона-музея в натуральном виде уже исследованных объектов многослойного палеолитического поселения Костенки XI (Аносовка II). Достоинства и недостатки этого метода документации фактов требуют специального рассмотрения.

⁴ *Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961, с. 27.

⁵ *Рудинский М. Я.* Журавка.— Антропология, III. Київ, 1930.

⁶ *Рогачев А. Н.* Исследование остатков первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеева на р. Сейм в 1949 г.— МИА, № 39, 1953, с. 139—143.

⁷ В интересах сравнительного анализа заполнения ямы и материка, в котором она вырыта, необходимо сделать небольшой зондаж поверхности поселения за пределами ямы.

С. В. СМЕРНОВ

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА РИХТА

Стоянка Рихта открыта геологом В. К. Песяцким, который в 1973 г. провел предварительное обследование памятника, показавшее перспективность его дальнейшего изучения. Раскопки были осуществлены в полевом сезоне 1974 г. Полесской палеолитической экспедицией¹. На площади стоянки было заложено два раскопа: один — в периферийной части, другой — в центре. В процессе этих работ исследована площадь более 200 кв. м и получен археологический материал, насчитывающий более 12 тыс. кремней.

Урочище Костюки, на территории которого расположена стоянка, представляет собой возвышенный участок склона левого берега р. Рихта, незначительно доминирующий над окружающей поверхностью. В плане он имеет хорошо выраженные мысообразные очертания. С севера к урочищу примыкает смешанный лес, с востока — ежегодно вспахиваемое колхозное поле. С юга урочище ограничено террасовым уступом, достигающим высоты 2—2,5 м, и искусственно осушенной поймой шириной 40—70 м. Центральная наиболее возвышенная часть урочища покрыта выходами гранита в виде отдельных массивных глыб со сглаженной поверхностью. Перепад высот между поймой и самыми высокими точками урочища составляет в среднем 6 м.

Стоянка располагается в восточной части урочища, на поле. Поверхность поля ровная, постепенно понижается на юго-восток, в сторону реки. Участок поля, занимаемый стоянкой, находится на 1,2 м ниже центральной части урочища.

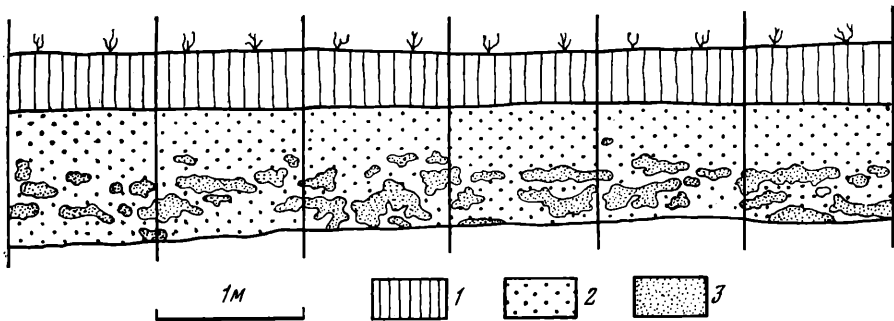

Рис. 1. Разрез восточной стенки раскопа 2 мустьерской стоянки Рихта
 1 — почвенный слой; 2 — песок; 3 — переотложенная морена

Геологические условия памятника характеризуются широким распространением мелкозернистых светло-желтых однородных песков на всей площади стоянки. Верхняя часть песка под воздействием вспашки превратилась в светло-серый слабогумусированный почвенный слой мощностью в среднем 0,3—0,4 м. В песке с глубины 0,75 м прослеживается переотложенная днепровская морена. Она состоит из крупнозернистого песка с частыми включениями мелких окатанных гранитных камней и кремневых конкреций, а в разрезе представлена отдельными пятнами, лентами и линзами различной величины (рис. 1). Цвет — от ярко-оранжевого до темно-коричневого, мощность на всей площади стоянки практически одинакова — от 0,1 до 0,55 м.

Материал стоянки залегал в пахотном слое и в подстилающем его песке. Некоторые из кремней находились непосредственно у верхней границы морены. Собственно в морене никаких археологических находок не встречено. Из этого следует, что стоянка возникла после того, как переотложение морены было закончено.

Культурный слой памятника несколько поврежден, отмечено перемещение материала по вертикали. Большого перемещения находок по горизонтали, т. е. переотложения культурного слоя, по-видимому, не произошло. В пользу этого вывода свидетельствуют следующие наблюдения. Самый высокий участок урочища, как уже отмечалось, превышает по отметкам уровень поверхности площади стоянки на 1,2 м. Если допустить, что материал памятника первоначально находился на высоких участках и в процессе делювиального сноса переместился на более низкие, то тогда невозможно объяснить почти полное отсутствие кремневых изделий на высоких участках. Важное значение имеет и тот факт, что на западном склоне мысообразного выступа обработанных кремней нет. Если бы кремневый материал сползал с центральной, возвышенной части урочища на более низкие участки, то неизбежно обработанные кремни оказались бы не только на восточном склоне, где расположена стоянка, но и на западном, который, кстати, значительно круче восточного. Эти прямые доказательства могут быть подкреплены доказательствами косвенными. Некоторые из кремней, разломанных еще в древности, о чем свидетельствует патина на плоскостях повреждения, в процессе раскопок были обнаружены в непосредственной близости друг от друга.

Материал извлекался отдельно с глубин 0,0—0,2, 0,2—0,4 и 0,4—0,6 м на раскопе 1 м и с глубин 0,0—0,25 и 0,25—0,5 м на раскопе 2.

Находки на площади раскопа 1, занимавшего западную, периферийную часть стоянки, располагались неравномерно. Имеются участки с незначительной насыщенностью материалом — от единичных предметов до нескольких десятков находок на 1 кв. м. В некоторых квадратах количество находок превышает 100. Скопления, зафиксированные на площади

раскопа 1, не имеют четко выраженной формы и границ. Показательно, что именно на площади этих скоплений в процессе раскопок обнаружено основное количество орудий со вторичной обработкой и нуклеусов. На площади раскопа 2 материал распространялся равномерно.

Большое количество нуклеусов, отщепов и пластин, среди которых часты первичные, а также многочисленность обломков и кремневых конкреций различных размеров позволяют утверждать, что первичная обработка кремня и изготовление орудий со вторичной обработкой производились на месте, в условиях стоянки. Кроме кремневых изделий и камней никаких других находок в культурном слое стоянки не обнаружено, что, вероятно, объясняется залегающим материалом в песчаном слое. Коллекция находок, полученная в процессе раскопок, включает обработанные и необработанные кремни. Материалы из обоих раскопов совершенно идентичны.

Прежде всего отметим, что техника первичной обработки камня связана с широким распространением нуклеусов различных форм, среди которых ведущими являются нуклеусы с одной ударной площадкой. На втором месте находятся двуплощадочные нуклеусы различных форм. Третье место занимают дисковидные нуклеусы. В этой группе наиболее выразительны нуклеусы с уплощенной рабочей поверхностью и остатками галечной корки на тыльной стороне. Некоторые из них близки к нуклеусам леваллуасского типа.

Выделяются нуклеусы, предназначенные для скалывания пластин, среди которых большую часть составляют первичные и полупервичные пластины. Наряду с грубыми крупными пластинами встречены экземпляры с параллельными гранями, которые по качеству не уступают пластинам позднепалеолитического времени.

Заготовки Рихтинской стоянки оценивались отдельно по раскопам и глубинам, что позволило получить дополнительные данные в пользу непереложности культурного слоя и гомогенности комплекса находок. Цифровые показатели сведены в таблицу.

Таблица
Технические особенности заготовок Рихтинской стоянки

Технические индексы (по Ф. Борду)	Раскоп 1			Раскоп 2		Обобщенные данные по памятнику
	0,0— 0,2м	0,2— 0,4м	0,4— 0,6м	0,0— 0,25м	0,25— 0,5м	
<i>IL</i>	2,2	3,2	3,8	3,8	2,8	3,2
<i>I_{lam}</i>	6,5	7,2	7,9	6,2	5,6	6,7
<i>IFl</i>	25,0	24,1	24,9	28,2	24,8	25,4
<i>IFst</i>	18,4	15,8	15,3	18,4	15,0	16,6

На исследованной площади найдено более 200 орудий со вторичной обработкой. Бросается в глаза их четкая морфологическая завершенность. Орудий случайных, невыразительных форм в коллекции немного.

Одним из наиболее важных показателей служит большое количество орудий с двусторонней обработкой. Они различны по форме — от овальных до двуконечных, типа блатшпитцен. Двусторонняя обработка проявляется по-разному. Значительная группа бифасов имеет полностью обработанные верхнюю и нижнюю поверхности (рис. 2; 3, 1, 7). Есть группа изделий с частичной обработкой нижней поверхности. На этих орудиях имеются четкие следы уплощения основания при помощи снятия ударного бугорка (рис. 3, б) или обработки нижней поверхности вдоль одного из продольных краев, что придает орудию симметричность

Рис. 2. Орудие типа блат-
штитцен из мустьерской
стоянки Рихта

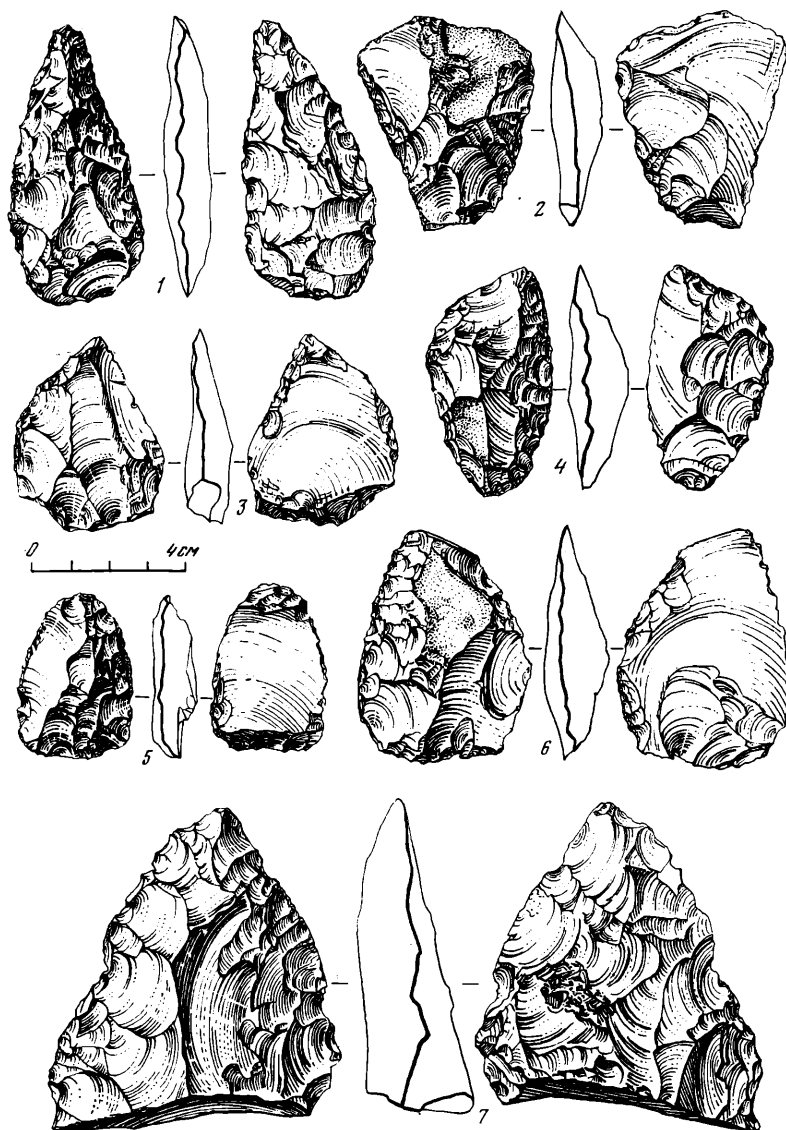
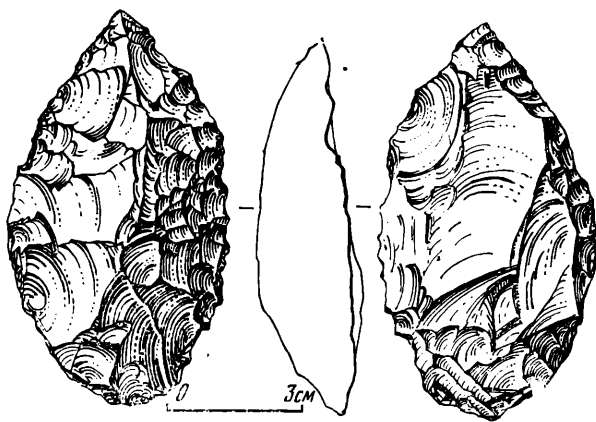

Рис. 3. Кремневый инвентарь мустьерской стоянки Рихта (1—7)

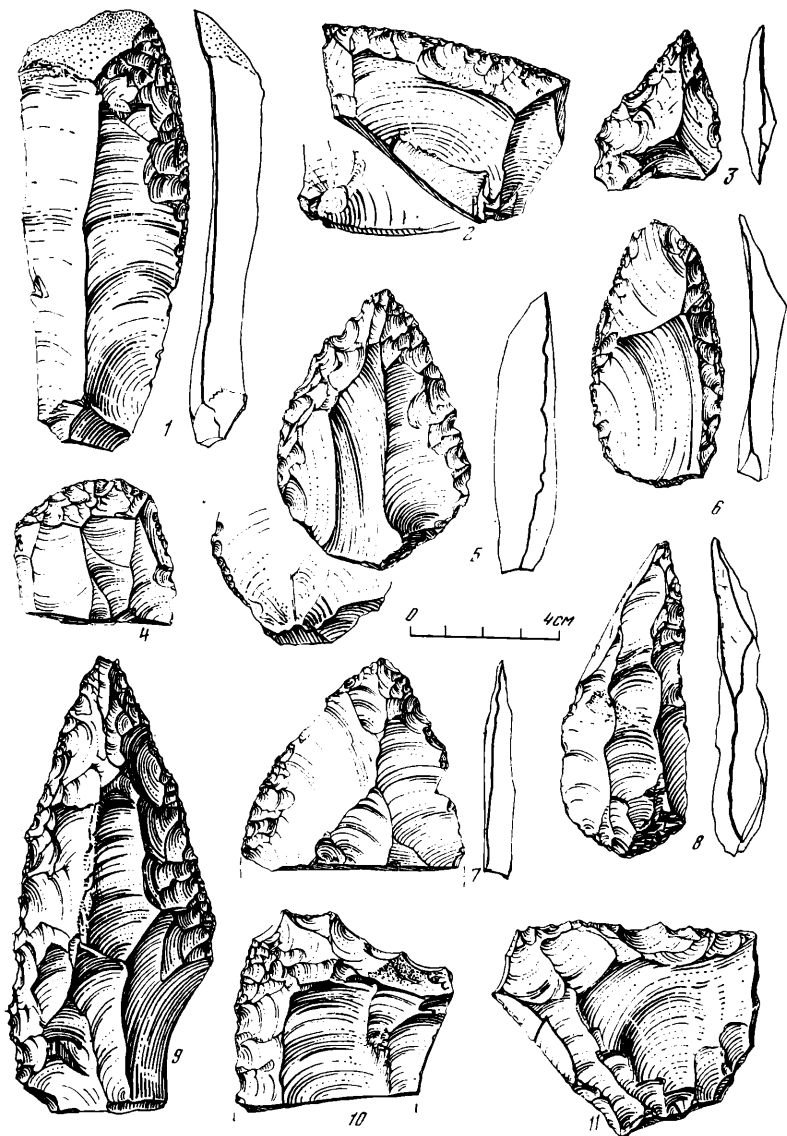

Рис. 4. Кремневый инвентарь мустьерской стоянки Рихта (1—11)

в разрезе (рис. 3, 2). Часто оба указанных признака присутствуют вместе (рис. 3, 4).

Односторонние орудия менее специфичны. Самую значительную группу составляют скребла и скребловидные изделия (рис. 4, 1, 2, 6, 10). Они различны по форме, способу обработки и количеству рабочих краев. Некоторые из скребел снабжены легкой подправкой края со стороны брюшка. Единичными экземплярами представлены скребла с противоположащей ретушью. Скребловидные изделия отличаются от собственно скребел очень незначительными участками со вторичной обработкой.

Очень выразительна группа остроконечников. Типичные остроконечники единичны (рис. 4, 3). Некоторые из орудий этой группы приближаются к скреблам со сходящимися рабочими краями (рис. 4, 5, 7, 9). Есть остроконечник, выполненный на псевдолеваллуаском треугольном сколе (рис. 4, 8), а также остроконечник с легкой подправкой края со стороны брюшка (рис. 3, 3).

В коллекции имеется количественно незначительная, но достаточно выразительная серия зубчатых форм (рис. 4, 11).

В комплексе с другими изделиями найдено несколько скребков. Некоторые из них по внешнему облику не отличаются от позднепалеолитических (рис. 4, 9). Они изготовлены на широких и тонких пластинах с параллельным ограничением верхней поверхности. Эти скребки найдены в условиях, исключающих оценку их в качестве механической примеси более позднего времени. По-видимому, промежуточными формами между завершенными скребками и скреблами можно считать широкие косоретушные пластины, с ретушью, близкой ретуши скребкового типа.

Есть два изделия на отщепах с подработкой нижней поверхности с верхнего и нижнего концов, напоминающие позднепалеолитические орудия с подтеской концов (рис. 3, 5).

Значение рассматриваемого памятника определяется чистотой и непереотложенностью его материала, а также технико-типологическими связями с другими полесскими памятниками, прежде всего с Хотылево². Отметим, однако, что близость в технике раскалывания, отмеченная нами ранее³, возможно, несколько преувеличена. В Хотылево по сравнению с Рихтой, как свидетельствует анализ нуклеусов, леваллуаские приемы получили более широкое распространение⁴.

Рихтинская стоянка относится к микокскому культурно-историческому пласту. На территории Западной Европы Г. Босински выделено четыре типа микокских памятников: Бокштайн, Клаузеннише, Шамбах и Рерсгайн. Последовательность первых трех определяется стратиграфией пещерного памятника Бальве в Вестфалии: Бальве II соответствует Бокштайну, Бальве III — Клаузеннише. Присутствие в инвентаре Рерсгайна листовидных острий указывает на более поздний по сравнению с Клаузеннише возраст, т. е. на финал микока. Шамбах представляет собой другую, параллельную Рерсгайну, микокскую линию развития⁵. На территории ГДР исследован трехслойный памятник Кенигсауэ, датирующийся брерубским временем. Первый и третий культурные слои Кенигсауэ (комплексы А и С), по В. Топферу, находят хронологические и типологические соответствия в материалах Шамбаха, особенно в Шамбахе III и IV⁶.

Указанные построения важны тем, что могут служить своеобразным репером для оценки культурно-хронологического места Рихтинской стоянки. Во всяком случае можно говорить о принадлежности Рихты к позднему этапу существования микокского пласта, непосредственно предшествующему памятникам, типологическое своеобразие которых определяется выразительными сериями орудий типа блатшпитцен. Это подтверждается технико-типологическими связями Рихты и Кенигсауэ (комплексы А и С).

¹ Смирнов С. В. Работы Полесской палеолитической экспедиции.— АО 1974 г. М., 1975.

² Заверняев Ф. М. Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Хотылево на Десне.— В кн.: Палеолит и неолит СССР, VI (МИА, № 173). М., 1971.

³ Смирнов С. В. Новая мустьерская стоянка в Житомирском Полесье.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, ч. I. Киев, 1975.

⁴ Заверняев Ф. М. Нуклеуси Хотылевского нижнепалеолитического местонахождения.— Археология, 1973, № 9.

⁵ Bosinski G. Die mittelpaläolithische Funde im westlichen Mitteleuropa. Köln, 1967.

⁶ Mania D., Topfer V. Königsau. Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit.— In: Veröffentlichungen der Landesmuseum für Vorgeschichte in Halle, Bd 26. 1973.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ТИПА И ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

На некоторых поселениях завершающей поры позднего палеолита Среднего Приднепровья твердо установлены остатки «костяных» жилищ развитого типа¹. Однако по составу жилищ эти поселения, а также и те, на которых присутствие «костяных» жилищ предполагается, выглядят разнородной группой, так как на всех них, кроме Добраничевки и Межиричей, выявлены жилища нескольких типов.

В Елисеевичах К. М. Поликарпович считал жилищем овальное скопление очажной массы и множества костей животных площадью $9,4 \times 8,8$ м, посредине которого располагалась обширная «спальная яма»². По предположению других исследователей, жилище могло находиться на месте скопления черепов мамонта в раскопе 1³. В. Д. Будько рассматривал как жилища «чурингохранилище» — неглубокую чашевидную яму диаметром по верху до 1,53 м с приложенными к стенкам несколькими лопатками мамонта — и яму, раскопанную им в 1963 г., диаметром до 2,5 м, глубиной до 0,7 м, обставленную внутри 11 черепами мамонта⁴. Остатками небольшого жилища или «краевой спальной ямы» считал он и «ход»⁵ — две неровные стенки из вкопанных ребром, преимущественно плоских костей мамонта, которые образуют в плане нечто вроде камеры $3 \times 0,4 - 0,5$ м⁶.

На Юдиновском поселении кроме овального «костяного» жилища размерами около 5×3 м встретились остатки сооружения, представившего большие трудности для рационального истолкования. К. М. Поликарпович считал возможным говорить о жилище размерами $13 \times 8,93$ м⁷. То же сооружение, по заключению В. Д. Будько, имело размеры $17 \times 10 \times 0,7$ м и делилось на семь внутренних помещений⁸.

Иная картина предстает в Супонево. И. Г. Шовкопляс по раскопкам П. П. Ефименко и Б. С. Жукова реконструировал поселение, состоящее из двух зимних жилищ, четырех временных и одной хозяйственной постройки⁹. На Мезинском поселении И. Г. Шовкопляс исследовал совместно с И. Г. Пидопличко остатки «костяного» жилища и по материалам старых раскопок выявил еще два аналогичных жилища и два жилища размерами 4×2 м, связанные с углублениями¹⁰. Основания трех «костяных» жилищ реконструировал И. Г. Пидопличко на Кирилловском поселении по материалам В. В. Хвойки¹¹. И. Ф. Левицкий с уверенностью писал о раскопанном им квадратном жилище размерами 4×4 м на Гонцовском поселении в том же слое, где ранее открыли «костяное» жилище¹².

В целом на упомянутых поселениях выявлены жилища следующих типов: 1) развитого «костяного»; 2) длинного «костяного» (Супонево); 3) большого многокамерного «костяного» (Юдиново); 4) камеры, огражденной вкопанными плоскими костями мамонта (Елисеевичи); 5) ямы, обставленной внутри вдоль стен плоскими костями или черепами мамонта (Елисеевичи); 6) неглубокой ямы с костяной обкладкой по верху вдоль краев (Мезин); 7) обширной линзы культурного слоя с ямой посредине (Елисеевичи); 8) линзы культурного слоя округлой или прямоугольной формы со значительно варьирующими размерами (Супонево, Гонцы); 9) продолговатой линзы культурного слоя (Супонево).

Устанавливая наличие жилищ по материалам своих или прежних раскопок, исследователи нередко готовы были видеть остатки жилищ чуть ли не в каждом поверхностном или углубленном скоплении культур-

ных остатков. Отсюда неустойчивость, подчас единичность критериев, нестрогий подбор аналогий. Во всем этом сказывались разные причины, но прежде всего малочисленность хорошо документированных и с полнотой опубликованных жилищ и поселений.

Обрисованное положение дел с фондом источников побудило меня обратиться к его пересмотру. Прочной базой для проведения работы служили надежно документированные раскопки И. Г. Шовкопляса (Добраничевка, Мезин) и И. Г. Пидопличко (Добраничевка, Мезин, Межиричи) в Приднепровье, а также А. Н. Рогачева (Аносовка II) и П. И. Борисковского (Костенки II) в Костенках. Ориентировочные итоги пересмотра были подведены к 1974 г.¹³ Не вдаваясь в детали, которым посвящены или будут посвящены специальные работы, коснусь основных заключений.

В Елисеевичках устанавливается наличие остатков жилища на месте скопления черепов и других костей мамонта в раскопе 1. Углубленные объекты, принимавшиеся за жилища, были, по-видимому, хозяйственными ямами, а «ход» — заслоном основания жилища от поверхностных вод¹⁴. Внешние стены юдиновского жилища на поверку оказались защитными сооружениями, аналогичными мезинскому и елисеевичскому. Действительное жилище, огражденное черепами мамонта, располагалось внутри заслонов и имело диаметр около 6 м¹⁵.

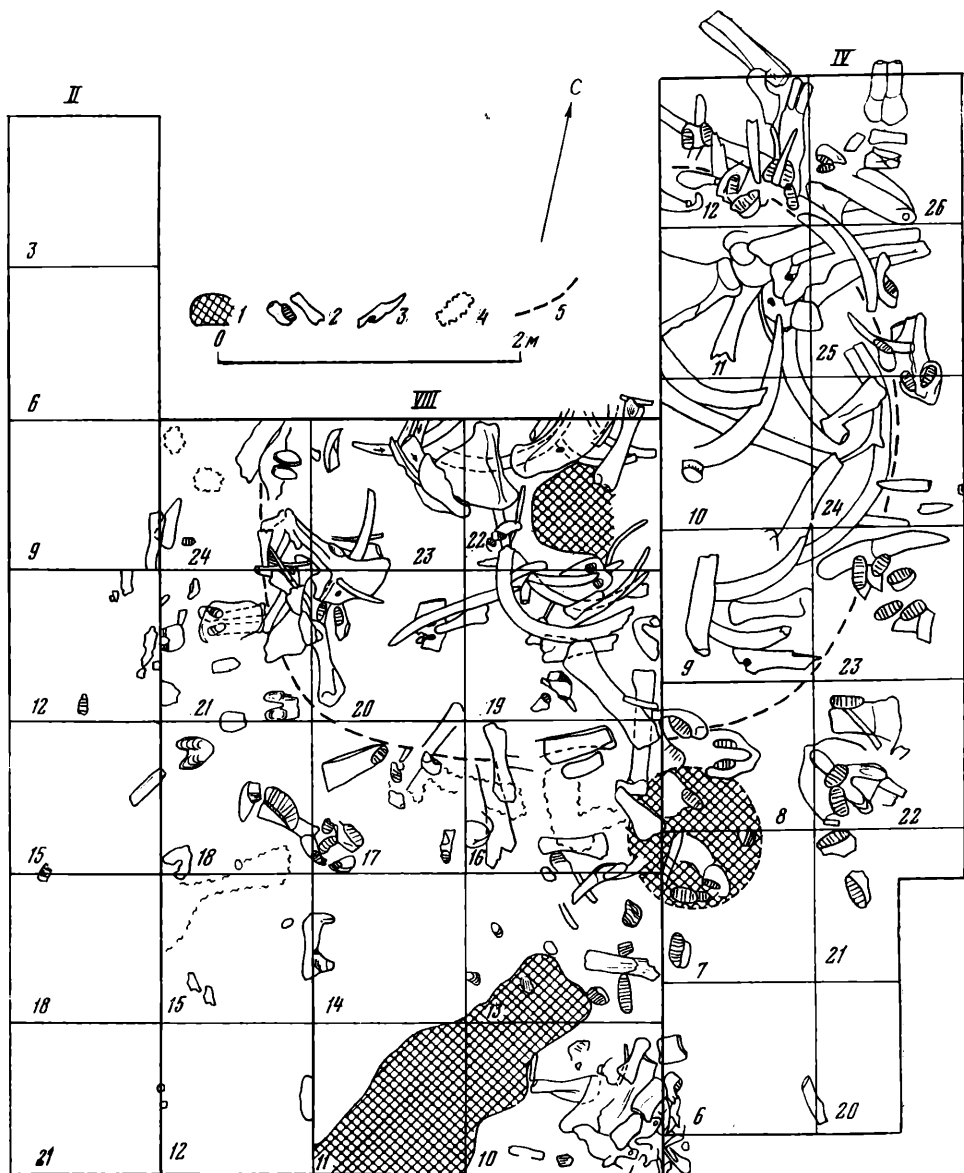
В Супоневе с полной определенностью устанавливается только одно округлое жилище диаметром около 5,5 м. Интерьер поперечником около 4 м был окружен черепами и нижними челюстями мамонта. Внутри ограды сверху концентрировались трубчатые кости, бивни и небольшое количество плоских костей мамонта (рис.). Заслуживают внимания кости с отверстиями, аналогичные встреченным в Юдинове 1¹⁶. Они выполняли какую-то конструктивную функцию — возможно, связанные ремнями, прижимали шкуры к остову жилища.

На мезинском поселении в соответствии с пересмотром имелось два жилища «костяного» типа (1 и 3 по обозначению И. Г. Шовкопляса)¹⁷. Размеры малых полуземлянок (2 и 4; о полуземлянке 2 сведения очень скудны), состав их заполнения, сходного с заполнением ям, а также планировочные соотношения с жилищами 1 и 3 свидетельствуют о них как о хозяйственных ямах. Скопление костей в раскопе В (жилище 5) по очертаниям, расположению и составу костей не похоже на остатки «костяных» жилищ. Отсутствие черепов, нижних челюстей и бивней мамонта нельзя объяснить лишь плохими условиями сохранности, так как в раскопе удалось расчистить даже кости лемминга¹⁸.

Согласно И. Г. Шовкоплясу и И. Г. Пидопличко, ямы возле жилища 1 появились по крайней мере на несколько сезонов раньше жилища и представляют нижний горизонт поселения¹⁹. Однако обращает на себя внимание четкая планировочная связь этих объектов. Маловероятно, чтобы ведущий планировочный элемент — жилище — появился позже ям. В Аносовке II, Добраничевке, Межиричах жилища окружены несомненно синхронными ямами. Кроме того, в ямах возле жилища 1, как и в его завале, обнаружены лопатки мамонта с отбитыми гребнями, по-видимому, оказавшиеся лишними при сооружении жилища. Они лежали в нижних ярусах ям, перекрытых затем лёссовыми прослоями и очагами²⁰.

Материалы В. В. Хвойки недостаточны для реконструкции на Кирилловском поселении определенного числа «костяных» жилищ, но предположение о наличии там именно таких жилищ наиболее правдоподобно. Правдоподобна и плодотворна проводимая И. Г. Пидопличко мысль об однослойности Кирилловского поселения.

Квадратное жилище Гонцовского поселения мыслилось И. Ф. Левицким на месте участка тонкого углистого культурного слоя с довольно значительным количеством орудий и двумя очажками. Однако с двух сторон участок частично обрезан раскопами В. М. Щербаковского, с од-

Остатки жилища в Супоневе

1 — очаги и очажная масса; 2 — кости мамонта; 3 — кости мамонта с отверстием; 4 — следы разложившихся костей; 5 — приблизительная граница интерьера жилища
Римскими цифрами обозначены номера раскопов

ной — недокопан²¹. Первоначальные очертания пятна были, очевидно, более неправильными. Судя по составу материалов и положению относительно известного жилищно-хозяйственного комплекса, данный участок культурного слоя мог служить одним из производственных центров.

Результаты изучения материалов поселений сведены в таблицу. Как видим, с добавлением Костенок II и XI в настоящее время насчитывается девять поселений, на которых единственным типом постоянного жилища был «костяной»²². Характерные для поселений с «костяными» жилищами детали позволяют предполагать, что из таких же жилищ состояли поселения Тимоновка II²³ и Юдиново 3.

Таблица
Поселения среднеднепровского типа

Поселения	Литературные сведения		Результаты пересмотра		Поселения	Литературные сведения		Результаты пересмотра	
	Число жилищ	Число типов жилищ	Число жилищ	Число типов жилищ		Число жилищ	Число типов жилищ	Число жилищ	Число типов жилищ
Гонцы	2	2	1	1	Костенки II	1	1	1	1
Добраничевка	3	1	3	1	Костенки XI				
Елисеевичи	5	4	1	1	(Аносовка II)	1	1	1	1
Кирилловское	3	1	?	?	Супоново	7	5	1	1
Межиричи	3	1	3	1	Юдиново	2	2	2	1
Мезин	5	2	2	1	Итого:	32	9	15	1

Все описанные поселения, исключая Межиричское и Кирилловское, располагаются в междуречье Среднего Днепра и Верхнего Дона, главным образом по левым притокам Днепра. Здесь, вероятно, и находился основной их очаг. Поэтому поселения данной области с характерным преобладанием мамонта в фаунистических остатках, «костяными» жилищами развитого типа и широким использованием костей мамонта для водоотводных, причажных и других конструкций названы поселениями среднеднепровского типа.

Необходимо подчеркнуть отличие этого понятия от понятия «мезинской культуры», или «среднеднепровской этнокультурной области», введенного И. Г. Шовкоплясом. В этнокультурную область входят поселения и с развитым, и с ранними типами «костяных» жилищ, а также поселения, на которых «костяные» жилища отсутствуют. Значительно шире хронологический охват этнокультурной области: от таких ранних поселений, как Радомишль и Пушкари 1, до конца позднего палеолита. Шире и ее территориальные границы²⁴. Долговременные поселения среднеднепровского типа составляют как бы костяк заключительного этапа мезинской культуры.

Происхождение поселений среднеднепровского типа связано, по-видимому, с западной частью области их распространения и с еще более западными районами лесостепи. В южной степной части Восточной Европы на протяжении позднего палеолита фактически отсутствовал мамонт, и уже поэтому там не мог развиваться хозяйственный уклад и тип поселения, генетически непосредственно предшествующий среднеднепровскому. Но в более раннее время поселения, входившие в общую подоснову среднеднепровского типа, здесь развиваться могли, на что как будто бы указывает чокурчинское скопление костей мамонта²⁵. В восточной и центральной части Восточной Европы палеолитические памятники редки, и хотя их выявление только еще начато, маловероятно, что они будут обнаружены в количестве, достаточном для сравнения с юго-западной частью²⁶.

Кроме этих общих соображений, о вероятном местоположении области формирования поселений среднеднепровского типа свидетельствуют пока еще отрывочные данные о распространении поселений с хронологически ранними типами «костяных» жилищ. Пушкаревское поселение находится в западной части, а Радомишльское — за западными ныне известными пределами размещения среднеднепровских поселений. Значительно далее на запад отстоят поселения Молодова I и V. Даже при отсутствии какой-либо генетической связи с ними Молодова I и V показывают, что в юго-западной части Восточной Европы развитие домостроения шло в направлении, благоприятном для появления развитого типа «костяных» жилищ.

Выявление постоянных поселений среднеднепровского типа указывает на преобладание в палеолите поселений, состоящих из однотипных жилищ. Так, среди поселений европейской части СССР, на которых изучено по нескольку жилищ, лишь костенковско-авдеевские, по-видимому, включали жилища двух типов, один из которых еще не получил признанной реконструкции. Впрочем относительно долговременных поселений, вероятно, точнее говорить об однотипности постоянных жилищ. Форма временных построек могла быть иной и более зависимой от конкретных обстоятельств.

В литературе уже давно отмечена исключительная культурно-историческая ценность развитых «костяных» жилищ, поскольку они дают возможность судить не только о плане жилища и поселения, но и о конструкции стен и кровли жилища²⁷. При этом обнаруживается множество интереснейших деталей, которые наряду с особенностями распределения костей мамонта внутри и между комплексами позволяют в известной мере проникнуть в замыслы строителей, в особенности организации работ и характера использования жилищ. Изучение жилищ среднеднепровских поселений не должно быть самоцелью, иначе помимо коллекций кремня, кости и других предметов появятся лишь своеобразные коллекции жилищ, а не всесторонние сведения о жилой обстановке поселений.

Едва ли не наибольшее значение имеют поселения рассматриваемого типа в постановке этнокультурных вопросов. Сомнения, обычно высказываемые по поводу палеолитических жилищ как этнического признака, связаны с сопоставлением слишком обобщенных черт, присущих широкому кругу памятников от Европы до Сибири²⁸. Одни только очертания жилища, его углубленность или использование каких-либо костей в конструкции почти ничего еще не значат в этнокультурном плане. Учету должна подлежать совокупность более детальных сведений о жилищах, связанных с ними объектах и характере обживания поселения.

Однако и такой подход до недавнего времени не мог бы поколебать скептического отношения к данному вопросу, поскольку долговременные поселения, как следовало из их описаний, очень часто состояли из разнотипных жилищ. Теперь мы имеем строго выделенный, четко локализованный тип однородных среднеднепровских поселений. Длительность обитания на них свидетельствует о том, что в их остатках деятельность человека должна была отразиться с большой полнотой. В палеолите эта группа памятников, не считая костенковско-авдеевские площадки, — пока единственная в своем роде. Но среднеднепровских памятников больше, чем костенковско-авдеевских, и жилища изучены на них несравненно лучше. Трудно надеяться, что в скором времени будут обнаружены поселения, столь же сходные между собой и столь же информативные в отношении поселенческой культуры палеолита.

При разработке этнокультурных проблем наиболее важное значение имеет вопрос о критериях установления меры сходства памятников. Поселения с ясно выраженной жилой обстановкой дают в этом плане предельно точную минимальную единицу измерения. Сравнивая жилищно-хозяйственные комплексы поселения, можно узнать, в каких отношениях и до какой степени могут различаться следы материальной деятельности обитавших в них групп людей, связанных ближайшим родством. Поселения среднеднепровского типа дают также возможность и дальнейших сопоставлений, возможность познания этнокультурных процессов в позднем палеолите на уровне археологической культуры или нескольких близкородственных культур. Работа в этом направлении уже ведется М. И. Гладких²⁹.

Успехи последующего изучения долговременных поселений среднеднепровского типа в значительной мере зависят от разработки их хронологии методами естественных наук.

- ¹ Под «костяными» я имею в виду наземные или малоуглубленные (не полуземляночные) жилища, соорудившиеся с широким использованием костей мамонта. Они делятся на несколько типов, из которых развитой соответствует понятию, вложенному А. Н. Рогачевым в термин «аносовско-мезинский тип» (Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине.— КСИА, 92, 1962). Терминология подразделений «костяных» жилищ будет рассмотрена в другой работе. Здесь, при отсутствии оговорок, под «костяным» жилищем подразумевается развитой его тип.
- ² Поликarpович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, с. 63—65.
- ³ Борисковский П. И. Палеолит Украины.— МИА, № 40, 1953, с. 202; Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965, с. 264; Будько В. Д. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение.— Доклады АН БССР, XI, 1965, № 7, с. 707.
- ⁴ Будько В. Д. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение, с. 705.
- ⁵ Будько В. Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 9, 10.
- ⁶ Поликarpович К. М. Работы по палеолиту и эпипалеолиту БССР и Западной области Белоруссии. Минск, 1966, с. 9, 10.
- ⁷ Поликarpович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья, с. 145.
- ⁸ Будько В. Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины, с. 14; Budko V. D. The Palaeolithic Period of Byelorussia and Adjoining Areas.— In: The Origin of Homo Sapiens. Paris, 1972, p. 193, 196.
- ⁹ Шовкопляс И. Г. Житла Супоневської палеолітичної стоянки.— Археологія, V, 1951.
- ¹⁰ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, с. 35—74.
- ¹¹ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, с. 20—44.
- ¹² Левицький І. Ф. Гонцівська палеолітична стоянка.— В кн.: Палеоліт і неоліт України, І. Київ, 1947, с. 222, 223.
- ¹³ Сергин В. Я. Палеолитические жилища европейской части СССР. Автореф. канд. дисс. М., 1974.
- ¹⁴ Сергин В. Я. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей.— КСИА, 141, 1975.
- ¹⁵ Сергин В. Я. О размере первого палеолитического жилища в Юдинове.— СА, 1974, № 3.
- ¹⁶ Они встретились мне и при раскопках пункта Юдиново 3. Доклад о результатах обработки архивных материалов по Супоневу я сделал на заседаниях сектора палеолита и сектора неолита и бронзы ИА АН СССР в 1976 г.
- ¹⁷ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, рис. 15.
- ¹⁸ Рудинський М. Я. Дослід в Мізині в 1930 р. (рукопись в научном архиве ИА АН УССР, ф. 10, д. 11, л. 65).
- ¹⁹ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, с. 90—92; Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища..., с. 107.
- ²⁰ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища..., с. 96, 109.
- ²¹ Научный архив ИА АН УССР, ф. 12, чертёж LVIII.
- ²² Не исключено, что в Гонцах, Мезине и на других поселениях были и временные жилища. Но выявлять их мы еще не научились. Обнаружение временных жилищ не опровергнет, а обогатит представление о выделяемом типе поселений.
- ²³ Грезова Л. В. Результаты раскопок позднепалеолитической стоянки Тимоновка II в 1966—1968 гг. (к вопросу о тимоновских жилищах).— В кн.: Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969, с. 24.
- ²⁴ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, с. 297—303.
- ²⁵ Эрнст Н. Л. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму.— Труды II Международной конференции АИЧПЕ, V. Л.— М.— Новосибирск, 1934.
- ²⁶ Береговая Н. Л. Палеолитические местонахождения СССР.— МИА, № 81, 1960; она же. Открытия палеолита в СССР (1958—1968 гг.).— МИА, № 185, 1972; Черныш А. П. Палеолит и мезолит Поднепровья (карты и каталог местонахождений). М., 1973.
- ²⁷ Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе..., с. 17.
- ²⁸ Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона.— МИА, № 121, 1963, с. 25, 26.
- ²⁹ Гладких М. И. Поздний палеолит лесостепного Приднепровья. Автореф. канд. дисс. Л., 1973.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АНДОЗЕРО М

В 1970 г. во время раскопок неолитической стоянки на северном берегу Андозера (Восточное Прионежье) под культурным слоем неолитического времени было обнаружено темное пятно с интенсивной примесью органических веществ. Оно занимало часть раскопа и уходило в сторону озера. Поскольку памятник расположен на низком берегу, только в сухой сезон 1975 г. удалось вскрыть площадь 200 кв. м, выяснить стратиграфию и характер нижнего культурного слоя.

В отличие от многих озер северо-запада лесной полосы европейской части СССР Андозеро вытянуто в широтном направлении, и на северном берегу его, закрытом от северных ветров, на возвышенных участках находится несколько стоянок. Одна из них — Андозеро 2 — занимает древний берег озера. Здесь хорошо видны прибойный вал и нагромождение морены. От современного берега древний отделен заболоченной низиной шириной до 100 м. На краю древней береговой террасы высотой не более 2 м от современного уровня воды располагались стоянка мезолитического времени, затем — неолитического, а выше по склону холма — поселения эпохи бронзы.

Культурный слой мезолитической стоянки представляет собой песок темного цвета с примесью органических остатков и мелких калыцинированных костей. Среди них встречаются кости птиц, найдена лопатка крупного животного. В углублении овальной формы размером 60×30 см обнаружены кости, но из-за плохой сохранности взять их для определения не удалось. Слой интенсивно насыщен культурными остатками, содержит много орудий, пластин и отщепов из характерного для этой стоянки желтого и красного кремня. Отсутствие керамики и других изделий из перекрывающего неолитического слоя объясняется тем, что стерильная прослойка глины мощностью до 20 см плотно прикрывает нижний культурный слой и исключает смешение материала. Стоянка Андозеро 2 представляет интерес как многослойный памятник с надежной стратиграфией. Мезолитический слой стоянки получил название Андозеро М.

Вещевой материал мезолитической стоянки состоит из сланцевых рубящих и мелких кремневых орудий, разнообразных по форме и назначению. Среди них встречены наконечники стрел, острия, проколки, резцы, многочисленные скребки, ножевидные пластины и изделия из них, нуклеусы. Сочетание крупных сланцевых и мелких кремневых орудий можно считать характерной особенностью комплекса.

Среди сланцевых орудий было шесть топоров, нож из плитки и фрагмент орудия. Все орудия обработаны сколами, частично имеют валунную корку, сохранились следы точечной ретуши и подшлифовка. Короткие топоры с овальным сечением отнесены к типу I. Один из них — из пристого светлого камня — шлифован по всей поверхности, другой — с валунной коркой — обработан пикетажем по прямо срезанному обуху и широкими поперечными сколами — по лезвию (рис. 1, 1, 2). Еще один короткий топор отличается асимметричностью и особенно примитивной обработкой. Это крупное орудие, почти прямоугольное в плане, с круто срезанным обухом, с овальным сечением, поверхность оформлена долевыми сколами и частично пикетажем, а лезвие — широкими сколами.

Плоский топор из пластины сланца отнесен к типу II. Мелкими сколами оформлены лезвие, стороны и обух, остальная часть сохранила естественную поверхность камня (рис. 1, 3).

К типу III отнесены два топора, идентичные по размерам, форме и деталям оформления. Они имеют суженный и одинаково скошенный обух, обработаны сколами, но частично сохраняют валунную поверх-

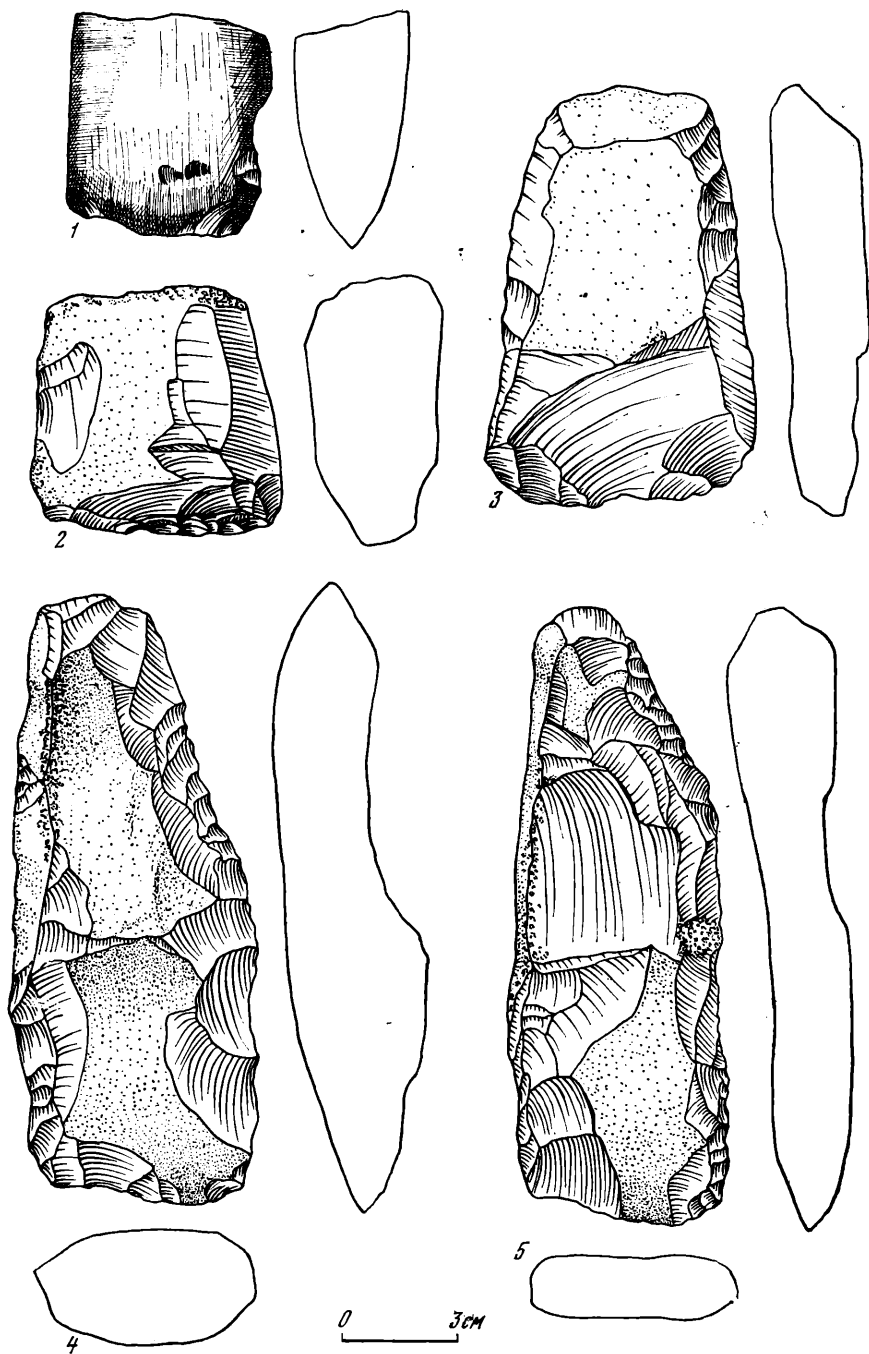

Рис. 1. Топоры стоянки Андозеро М (1—5)

ность, по боковым сторонам подправлены точечной ретушью и пикетажем (рис. 1, 4, 5). По форме и способу обработки сланца все топоры архаичны и отличаются от соответствующих орудий неолитического времени, образцы которых широко представлены в перекрывающем неолитическом слое.

Жители стоянки Андозеро М умели шлифовать камень, о чем говорит находка шлифовальной плитки округлой формы. Из шлифованных изде-

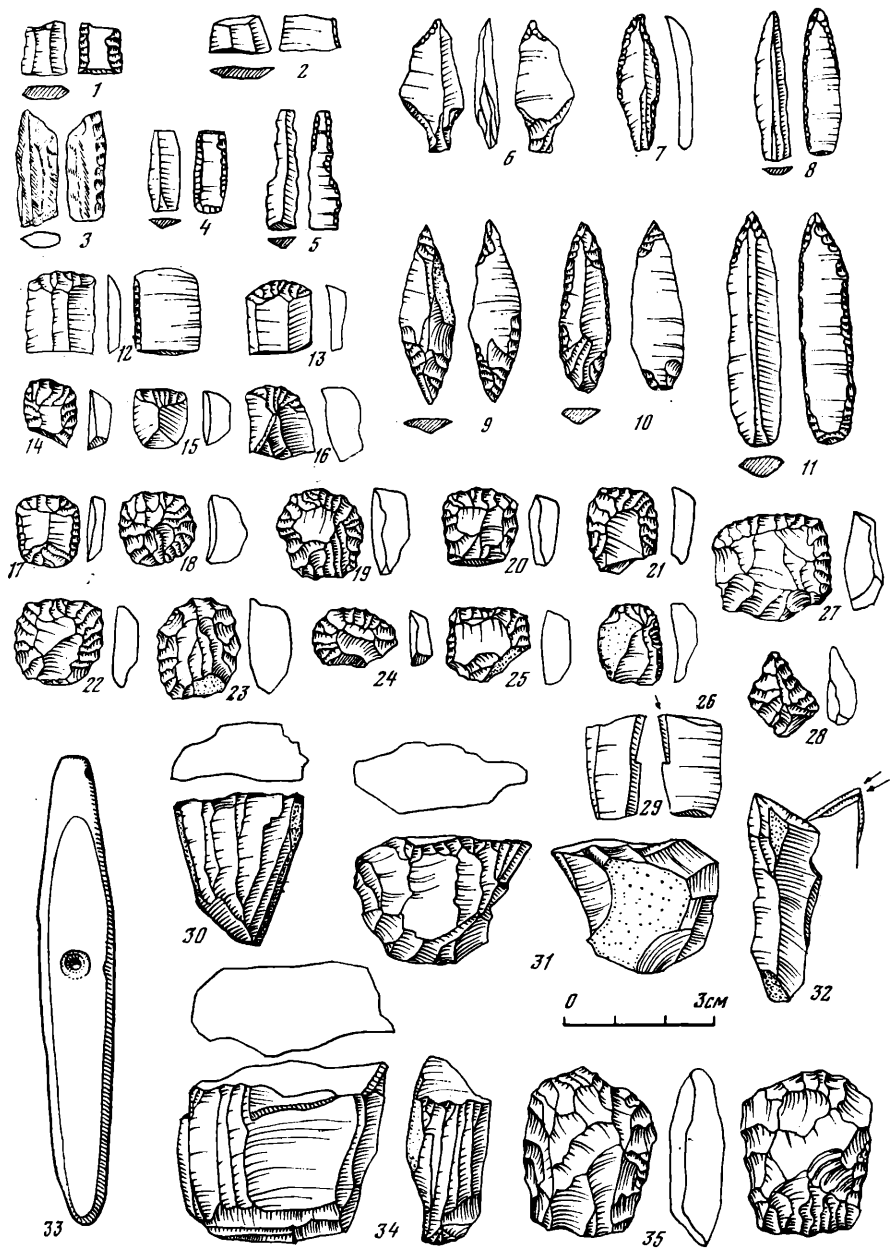

Рис. 2. Каменные орудия стоянки Андозеро М

1—5 — вкладыши из кремня и кварца; 6—11 — наконечники стрел; 12—27 — скребки; 28 — проколка; 29, 31, 32 — резцы; 30, 34 — нуклеусы; 33 — изделия из сланца; 35 — долото кремневое

лий, кроме упомянутого выше топора, найден предмет овальной формы с частичной шлифовкой и незаконченной сверлиной в центре (рис. 2, 33).

Наконечники стрел представлены шестью целыми экземплярами. Четыре из них сделаны из ножевидных пластин с высокой спинкой, оформлены притупляющей ретушью преимущественно с брюшка, имеют усеченное основание (у двух оно выпрямлено специально поперечными сколами). Один наконечник стрелы относится к обоюдоострым, с ретушью у заостренных концов (рис. 2, 9). Наконечник стрелы из пластинчатого

отщепя красного кремня имеет черешок, выделенный длинными сколами (рис. 2, 6).

Вкладыши составных орудий найдены в количестве 14, что составляет значительную часть по отношению к остальному материалу. Среди них преобладают короткие обломки пластин, так называемые сечения. Почти все вкладыши ретушированы с брюшка по одной или двум сторонам (рис. 2, 1—5). Четыре вкладыша довольно длинные — от 2 до 2,5 см. Среди вкладышей есть изделия из кварца, который не встречен больше ни в отщепах, ни в орудиях. Два кварцевых вкладыша массивнее кремневых, но такого же размера. Один из них особенно тщательно обработан ретушью по длинной стороне (рис. 2, 3).

Найдены две проколки. Для изготовления одной из них использован нуклеус, у которого дополнительными сколами и мелкой ретушью со спинки выделены два острия на противоположных концах. Другая проковка похожа на мелкие скребки, но у нее выделено острие (рис. 2, 28).

Скребки — самая многочисленная группа орудий. В большинстве случаев они округлой формы и маленького размера — в пределах 1—2,5 см, с высокой спинкой. Часто они сделаны из отщепов случайных очертаний. Устойчивую форму имеют самые мелкие скребки, квадратные в плане. ретушированные чаще только по рабочему краю (рис. 2, 14—16). Круглые скребки размерами 16—18 см составляют серию. Среди них встречаются совершенно правильные круглые с высокой спинкой (рис. 2, 18, 19, 22, 23), но есть и случайной формы, сохраняющие валунную корку. Скребки на конце ножевидных пластин (рис. 2, 12, 13) исключительно редки — всего два, у одного из них ретуширована еще боковая сторона.

Резцы составляют незначительную часть орудий стоянки, из них только три сделаны на углу сломанной пластины (рис. 2, 29), хотя на многих мезолитических стоянках лесной полосы эта форма была широко распространена. По-видимому, резцы на углу пластины не характерны для данного памятника. В то же время здесь найдены два резца из сколов с нуклеусов. У одного из них вытянутый угол оформлен резцовыми сколами (рис. 2, 32). Для изготовления другого использован низкий плоский нуклеус, угол которого оформлен резцовыми сколами (рис. 2, 31). Еще один резец сделан из расколотого высокого нуклеуса, на нем видна ретушь и заметны стертые от работы места.

Среди кремневых орудий два напоминают маленькие и аморфные рубящие орудия с острым обухом и расширенным лезвием, обработанным длинными сколами. Третье орудие, служившее, видимо, долотом, сделано из плоского нуклеуса и обработано вертикальными сколами, особенно тщательно по рабочему краю у желобка (рис. 2, 35).

Найдено десять нуклеусов. Для них характерна уплощенная форма: с кремневого желвака снимали ножевидные пластины с одной стороны так, что получался нуклеус в виде приземистого блока или конуса, на противоположной стороне которого сохранялась валунная корка. Особенно интересны два нуклеуса в виде плоских квадратных блоков с перпендикулярно расположенными двумя площадками (рис. 2, 3).

Стоянка Андозеро М относится к мезолиту уже по формальному признаку — здесь отсутствует керамика, но кроме того, весь комплекс памятника и отдельные орудия находят аналогии исключительно среди памятников эпохи мезолита. Общую характеристику вещевого комплекса стоянки можно свести к следующему: сочетание крупных сланцевых орудий с кремневыми, преобладание мелких круглых скребков, малое количество концевых скребков на пластине и резцов на углу пластины. По составу и форме орудий стоянка Андозеро М заметно отличается от мезолитических памятников соседних территорий, расположенных к югу и востоку от нее, в частности от памятников Волго-Окского междуречья¹, бассейна Сухоны², Приуралья³, Вычегды и Печоры⁴. В ней наблюдается определенное сходство с памятниками типа стоянки Кунда в При-

балтике и более отдаленное сходство с мезолитом Карелии и культурой Суомусярви в Финляндии.

Для памятников культуры Кунда характерны орудия из рога и кости, которые не найдены или не сохранились на стоянке Андозеро М. Тем не менее отдельные орудия и состав комплекса позволяют сопоставлять эти памятники. Р. Индреко для культуры Кунда выделил четыре основных типа примитивных каменных топоров⁵. Его типы Ia (короткие топоры с овальным сечением) и III хорошо сопоставляются с типами I и III стоянки Андозеро М. Топоры этих типов сближают общие размеры и пропорции, обработка сколами с частичной подшлифовкой, широкие сколы у лезвия.

Р. Индреко обратил внимание на архаичность топоров, в особенности типа III. Он сопоставил их с топорами культур Лингби-Эртебелле, правда, сделанными из рога, но по форме и назначению аналогичными орудиям культуры Кунда и, возможно, служившими их прототипами⁶.

На памятниках культуры Кунда получили широкое распространение составные орудия из кости и рога с вкладышами из коротких обломков ножевидных пластин⁷. Мелкие округлые скребки с высокой спинкой составляют серию на таких стоянках, как Звейниеки II в Латвии (из раскопок Ф. А. Загорскиса)⁸, Умбузи в Эстонии⁹, в меньшей степени они известны в материалах стоянки Кунда¹⁰. На позднемезолитической стоянке Ялевере скребки на отщепах составляют 80% орудий, а концевые скребки на пластинах представлены единицами¹¹. На стоянке Лепакозе К. Янитс отметил заметное преобладание мелких скребков на отщепах по сравнению с орудиями остальных типов¹².

Наконечники стрел из кремня в мезолите Прибалтики немногочисленны. Они могут быть сопоставлены с наконечниками стрел из Андозера М. Со стоянки Сиймусааре в Эстонии происходит наконечник, сделанный из пластинчатого отщепа, который по форме и манере оформления черешка и острия напоминает андозерский экземпляр, но к сожалению, условия его находки не совсем ясны¹³.

С другой стороны, широкое применение сланцевых орудий с частичной подшлифовкой более характерно для мезолитических памятников Карелии и особенно для культуры Суомусярви. Для этой мезолитической культуры на территории Финляндии В. Лухо выделил четыре хронологические ступени развития, получившие название по основным памятникам каждого периода. Сравнивая орудия Андозера М с топорами культуры Суомусярви, можно убедиться, что больше всего сходства между топорами типа III и орудиями, характерными для ступени, или фазы, Ляперля, которая является второй и сравнительно ранней в культуре Суомусярви¹⁴. К этой же фазе относится так называемое остроовальное орудие со сверлиной в центре¹⁵, напоминающее незавершенное изделие Андозера М (рис. 2, 33). Еще одно подобное орудие найдено в Карелии на поздне-мезолитической стоянке Пиндуши IV. Оно рассматривается В. Ф. Филатовой как копьё с отверстием¹⁶. Упомянутые орудия сделаны из сланца, с частичной шлифовкой поверхности.

По отдельным видам орудий Андозеро М обнаруживает сходство с Оленеостровским могильником, хотя сравнение бытовых орудий поселений и могильного инвентаря всегда затруднительно. Все виды кремневых наконечников стрел Оленеостровского могильника представлены на стоянке. Напомним, что в Оленеостровском могильнике особенно многочисленны обоюдоострые и усеченные наконечники на пластинах, но известны также и черешковые¹⁷. Отметим и территориальную близость памятников: Андозеро М расположено примерно в 100—120 км к югу от Онежского озера, на острове которого находится могильник. О дате могильника существуют различные мнения, но многие исследователи относят его к мезолиту¹⁸. Как видим, круг аналогий для стоянки Андозеро М очерчивается достаточно четко в территориальном и хронологиче-

ском отношении. Этот памятник без сомнения близок мезолитическим культурам Кунда-Суомусярви.

Существует мнение, что памятники типа Кунда и Суомусярви относятся к одной культуре. Л. Ю. Янитс, опираясь на исследования А. Европеуса, пришел к выводу, что культура Суомусярви была локальным вариантом культуры Кунда¹⁹. В. Лухо также обращался к гипотезе А. Европеуса, но новые материалы позволили ему сделать вывод о генетической связи культуры Суомусярви с предшествующей культурой Аскола²⁰. Вопрос о характере связей между культурами Кунда и Суомусярви остается дискуссионным. Стоянка Андозеро М представляет, с нашей точки зрения, интерес как памятник, вещевой материал которого сочетает черты обеих указанных культур.

В литературе утвердилось мнение о распространении культуры Кунда на значительном пространстве европейского севера²¹. Р. Индреко отодвигает ее границы вплоть до Урала²². В Восточном Прионежье до сих пор были известны только два памятника, которые можно сопоставить с культурой Кунда,— Нижнее Веретье и Погостище I. Но если учесть известные материалы, включая случайные находки роговых муфт и гарпунов типа Кунда, стоянку Ягорба, а также новую стоянку Андозеро М, то можно сделать вывод о распространении памятников типа Кунда, в частности, в Восточном Прионежье. На этой территории упомянутые памятники приобретают черты сходства с мезолитом Карелии и Финляндии. Восточнее памятники этого типа не известны.

Абсолютная хронология мезолитических стоянок Восточного Прионежья определяется в основном по аналогиям с культурой Кунда. Для самой стоянки Кунда по пыльцевым анализам и С¹⁴ установлена дата от второй половины VII тысячелетия до н. э. до рубежа boreального и атлантического периодов²³. Памятники этой культуры существовали значительно дольше, вплоть до конца V тысячелетия до н. э. Культура Суомусярви датируется временем от середины VII до середины IV тысячелетия до н. э.²⁴ По-видимому, стоянку Андозеро М по аналогии с материалами ступени II Суомусярви и культурой Кунда можно отнести к VI—V тысячелетиям до н. э. Анализ пыльцы Андозера М показал появление широколиственных в песке, на котором расположен культурный слой, и пик ольхи и широколиственных в верхней части мезолитического слоя. Такой состав растительности напоминает состав леса на стоянке Нижнее Веретье²⁵ и позволяет относить оба памятника примерно к одному времени, чем подтверждается хронология стоянки, установленная по археологическим данным.

¹ Кольцов Л. В. Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья.— In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.

² Ошибкина С. В. Мезолитические стоянки бассейна Сухоны.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

³ Бадер Н. О. Мезолит.— МИА, № 166, 1970, с. 96—102; Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита.— МИА, № 126, 1966; Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

⁴ Бузов Г. М. Вычегодский край. М., 1965, с. 47—56.

⁵ Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948, S. 140—149.

⁶ Ibid., S. 146.

⁷ Ibid., Abb. 62, 71; Загорский Ф. Типология и хронология погребений могильника каменного века Звейниекки.— In: Archeologija un Etnografiija, XI. Riga, 1974.

⁸ Коллекция Института истории ЛатвССР.

⁹ Янитс К. Мезолитическая стоянка у с. Умбузи.— АО 1974 г. М., 1975, с. 433; он же. Раскопки мезолитической стоянки у с. Умбузи.— АО 1975 г. М., 1976, с. 465. Коллекция Института истории ЭССР.

¹⁰ Коллекция Института истории ЭССР, № 3410.

¹¹ Янитс К. Раскопки мезолитической стоянки у д. Ялевере.— АО 1970 г. М., 1971, с. 350.

¹² Янитс К. Мезолитическая стоянка в Лепакозе (Центральная Эстония).— Известия АН ЭССР, 24, 1, 1975.

¹³ Сообщение К. Янитса, находки из Вильяндийского музея, № 9305.

- ¹⁴ *Luho V.* Die Suomusjärvi-kultur. Die Mittlere- und Spätmesolitischen Zeit in Finnland.— *SMYA*, 66. Helsinki, 1967, Taf. XXII, 5; XXXIV, 2, 7.
- ¹⁵ *Ibid.*, Taf. XXVIII, 3, S. 79.
- ¹⁶ *Филагова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, рис. 4, 7, с. 27.
- ¹⁷ *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— *МИА*, № 47, 1956, с. 91, рис. 56.
- ¹⁸ *Luho V.* Die Suomusjärvi-kultur..., S. 11; *Zagorskis F.* Die Spätmesolitikum in Lettland.— In: *The Mesolithic in Europe*. Warsaw, 1973, S. 661; *Филагова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере.— *КСИА*, 126, 1971, с. 139.
- ¹⁹ *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, с. 325.
- ²⁰ *Luho V.* Die Suomusjärvi-kultur..., p. 19—24.
- ²¹ *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита..., с. 325—327; *он же.* К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 140—145; *Kozłowski S. K.* Cultural Differentiation of Europe from 10th—15th millenium B. C. Warsaw, 1975, p. 256, 257.
- ²² *Indreko R.* Mesolitische und frühneolitische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. Stockholm, 1964, Abb. 7.
- ²³ *Янитс Л. Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии.— *МИА*, № 126, 1966, с. 118.
- ²⁴ *Luho V.* Dis Suomusjärvi-kultur..., p. 116.
- ²⁵ *Фосс М. Е.* Стоянка Веретье.— Труды ГИМ, 12, 1941.

В. Ф. КОПЫТИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГОРКИ В ПОСОЖЬЕ

Поселение у д. Горки Чериковского р-на Могилевской обл. в настоящее время наиболее важно для характеристики мезолита Посожья как по обилию полученного материала, так и по его типологической выразительности. Памятник расположен на правом берегу р. Сож, в 1,5 км к юго-востоку от деревни, в урочище Угаревка, на первой надпойменной террасе, слегка наклоненной в сторону Сожа, высотой 6—7 м над уровнем реки, шириной до 64 м. У русла реки терраса обрывается крутым уступом, обнажая мощную толщу меловых пород, содержащих большое количество конкреций и естественно расколотых кусков кремня серых оттенков, невысокого качества. Протяженность меловых обнажений у раскопа составляет 272 м.

Поселение открыто К. М. Поликарповичем в 1928 г.¹ Из подъемного материала на размывах берега была собрана коллекция расщепленного кремня, состоявшая из 424 предметов. Среди них было 14 нуклеусов, 2 концевых скребка, 3 боковых резца и 4 ретушированных обломка. Материалы до нашего времени не сохранились и известны только по публикациям К. М. Поликарповича, датировавшего памятник эпипалеолитическим временем.

В 1974—1977 гг. мы заложили на памятнике два раскопа общей площадью 682 кв. м². Раскопы отстоят друг от друга на 30 м и разделены небольшим оврагом, разрушившим часть культурного слоя поселения. Стратиграфия памятника на всей вскрытой площади однородна: 1 — супесь мелкозернистая, неслоистая от темно-серого до белесого цвета (0—0,30 м); 2 — песок скрытослоистый, мелкой зернистости, светло-желтого цвета; иллювиальный горизонт почвы (0,30—0,70 м); 3 — песок со слабовыраженной слоистостью, мелко- и среднезернистый, желтого цвета (0,70—1,05 м); 4 — песок с ярковыраженной слоистостью, средней зернистости, с прослойками ортштейнов, цвет от желтого до грязно-желтого; в нижней части содержит включения в виде линз оглеенного песка

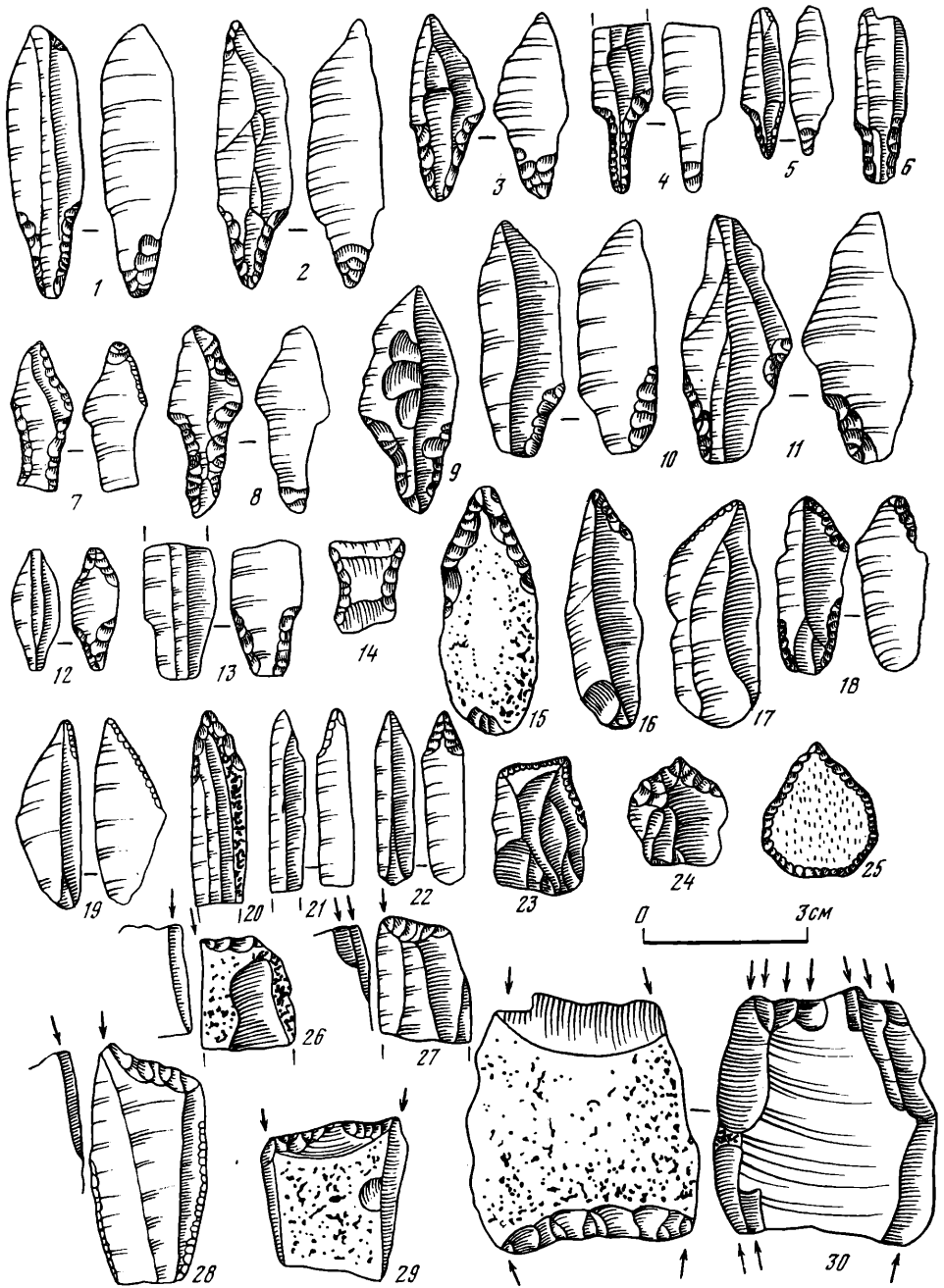

Рис. 1. Кремневый инвентарь поселения Горки (1—30)

(1,05—1,65 м); 5 — песок крупной зернистости с большим включением валунов и гальки — размывтая морена красно-бурого цвета (1,65—2,25 м); 6 — мел белый, содержащий в верхней части мощную (до 0,30 м) прослойку конкреций кремня.

Культурный слой залегает в нижней части подзола и в иллювиальном горизонте почвы на глубине 0,20—0,50 м. У берегового обрыва зафиксирована наибольшая концентрация находок — свыше 200 расщепленных кремней на 1 кв. м. Находки представлены исключительно кремневым инвентарем. Всего в коллекции 27 370 предметов, в том числе 622 изде-

лия со вторичной обработкой и 850 нуклеусов. Обилие кремневого сырья в непосредственной близости от поселения предопределило состав коллекции: 12 204 отщепа, 3741 пластина, 7986 мелких (до 1 см в поперечнике) осколков и 1967 кусков кремня. Среди орудий — наконечники стрел, острия, проколки, резцы, скребки, изделия с выемками, рубящие орудия, частично ретушированные пластины и отщепы, отбойники.

Наконечники стрел (46 экз.; рис. 1, 1—13) по оформлению черешка подразделяются на ряд типов, среди которых наиболее устойчивую серию представляют наконечники, имеющие хорошо выделенный со спинки полукрутой ретушью острый черешок с последующей подправкой плоской ретушью с брюшка (рис. 1, 1—5). Конфигурация черешка, размеры наконечников могут быть различными (рис. 1, 1, 5). В отдельных случаях плоская ретушь с брюшка нанесена по перу изделия (рис. 1, 12). В серии черешковых наконечников стрел (14 экз.; рис. 1, 6—9) часть изделий близка наконечникам гренского типа (рис. 1, 7, 8). В небольшом количестве представлены орудия с черешком, оформленным противоположной ретушью (рис. 1, 10, 11) или ретушью, нанесенной только с брюшка (рис. 1, 13), которые В. Тауте относит к типу Хинтерзее³. Редкостной находкой в коллекции Горок следует считать трапецию (рис. 1, 14). В бассейне Сожа трапеции найдены только в Гренске (1 экз.) и у д. Старый Дедин (13 экз.).

В особую группу выделяются остроконечные орудия, которые по функциональному назначению можно отнести к остриям (37 экз.) и проколкам (21 экз.). У некоторых изделий рабочая часть выделена крутой двусторонней ретушью (рис. 1, 15). Они отличаются не только большей массивностью, но и четкой формой рабочего конца. Другие орудия этой серии обработаны только по одному краю со спинки и с брюшка или противоположной ретушью (рис. 1, 16—21). Проколки представлены средними (рис. 1, 22, 24) и угловыми (рис. 1, 23), есть одна проколка из кварцита (рис. 1, 25).

Резцы (67 экз.) подразделяются на три основных типа: боковые (41 экз.), угловые (18 экз.) и срединно-угловые (8 экз.). Среди боковых резцов есть классические формы (рис. 1, 28), имеющие узкое лезвие, образованное вертикальным резцовым сколом и скошенным, вогнутым, выпуклым или прямым концом, обработанным крутой притупляющей ретушью (рис. 1, 26, 27). Кроме них, найдены дублированные резцы (рис. 1, 29). Очень выразительны боковые резцы из утолщенных отщепов с ретушированной выемкой на конце, близкие по типу к вогнутым скребкам, но ограниченные широкими уплощенными сколами. Среди них есть комбинированные многофасеточные резцы (рис. 1, 30). Резцы угловые (рис. 2, 1, 4), за редким исключением, изготовлены на отщепах с помощью одного, реже — двух узких и коротких сколов, нанесенных по краю параллельно продольной оси орудия. Отличительной особенностью срединно-угловых резцов (рис. 2, 5) является рабочий угол, оформленный двумя резцовыми сколами, из которых один снимает концевую часть заготовки, а другой — ее край, при этом резцовые сколы расположены перпендикулярно друг к другу на краю заготовки.

Скребки — наиболее многочисленная группа кремневых орудий (173 экз.; рис. 2, 10—22). Они изготовлены преимущественно из отщепов. Длина орудий 2,2—6,5 см при ширине 1,5—5,0 см. Концевые скребки (81% всех скребков) имеют выпуклую рабочую часть, оформленную крутой скребковой ретушью (рис. 2, 10, 11). Отдельные экземпляры — с ретушированными краями, обработанными как мелкой притупляющей (рис. 2, 17), так и крутой крупнофасеточной ретушью (рис. 2, 12). Встречаются также скребки с прямым (рис. 2, 14) или скошенным рабочим концом (рис. 2, 18). На лезвиях отдельных скребков имеется небольшой выступ в виде «шипа» (рис. 2, 20). Единичны округлые скребки (рис. 2, 19, 21), причем отдельные имеют высокую форму. Обращают на себя внима-

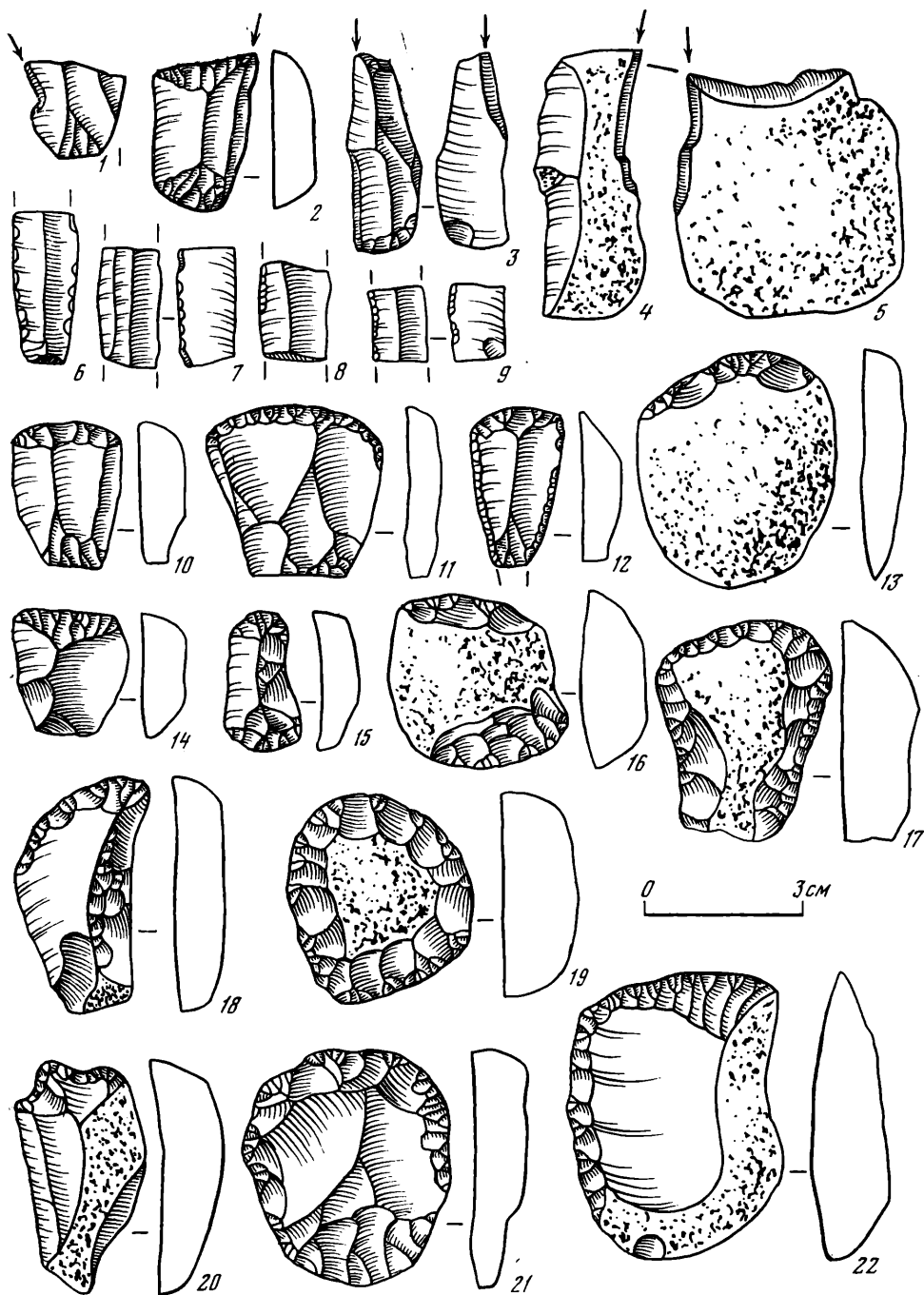

Рис. 2. Кремневый инвентарь поселения Горки (1—22)

ние изделия с лезвием, хорошо заостренным, удлиненными фасетками, имеющими почти режущий край (рис. 2, 22).

Двойные скребки (рис. 2, 15, 16) не составляют ярковыраженной серии и различаются по типам и размерам использованных заготовок. Один из них путем снятия края резцовым сколом превращен в комбинированное орудие — скребок-резец (рис. 2, 2).

Выразительна группа сечений ножевидных пластинок (рис. 2, 6—9),

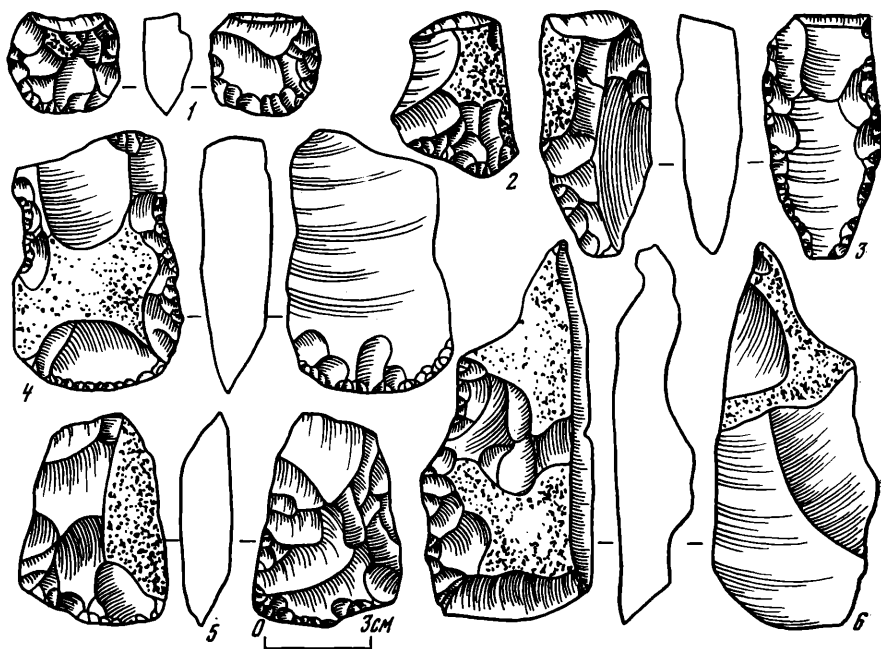

Рис. 3. Рубящие орудия поселения Горки (1—6)

прямых в профиле, имеющих длину от 2 до 3 см при ширине 1—1,5 см, со следами использования, мелкой ретушью по краю и микрорезцовыми сколами на углу.

Рубящие орудия (11 экз.) различаются формой, величиной и техникой обработки. Они, как правило, изготовлены на отщепах и представлены клиновидными (рис. 3, 1) и траншевидными (рис. 3, 6) формами и изделиями типа пик (рис. 3, 3). В коллекции имеются также топорики с перехватом (рис. 3, 4) и острообушны.

В небольшом количестве обнаружены изделия из пластин и отщепов с узкими и широкими выемками, оформленными ретушью со спинки, реже — с брюшка.

До 50% коллекции составляют пластины и отщепы, частично ретушированные по краю. Однако они не образуют устойчивых серий и свидетельствуют о случайном использовании в производственных целях различных заготовок.

Техника расщепления кремня характеризуется большим количеством нуклеусов, полуфабрикатов и отходов производства. Нуклеусы имеют длину 3—6 см при ширине 2—5 см. Подавляющее большинство (до 86%) нуклеусов сохраняет на тыльной стороне участки меловой корки, что объясняется односторонним снятием заготовок, придающим нуклеусам уплощенный вид. Преобладают (до 64%) одноплощадочные, но велико количество и двухплощадочных нуклеусов. Типологическая классификация нуклеусов затруднена: при одностороннем снятии заготовок их форма во многом определяется формой желвака. Среди отщепов преобладают (77%) мелкие (1—3 см в диаметре). Крупные (не выше 7 см) составляют 3%. Пластины и их обломки не отличаются правильностью ограничения и очертаний в связи с невысокой пластичностью сожского кремня.

Судя по общему облику кремневого инвентаря, преобладанию (до 64%) в нем отщепов и изделий из них, наличию мадленских форм скребков и резцов, свидероидных и черешковых наконечников, единичных геометрических микролитов и сечений пластин наряду с остриями и изделиями с выемками, — перед нами позднемеолитический комплекс, бли-

жайшим аналогом которому являются материалы поселений Журавель, Гренск и Печенеж в бассейне Сожа.

- ¹ Поликарпович К. М. Стоянки Среднего Посожья.— В кн.: Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957, с. 60.
- ² Копытин В. Ф. Мезолитические памятники Восточной Белоруссии.— АО 1974 г. М., 1975, с. 389, 390; *он же*. Изучение мезолитических памятников Восточной Белоруссии.— АО 1975 г. М., 1976, с. 421; *он же*. Раскопки мезолитического поселения у д. Горки.— АО 1976 г. М., 1977, с. 407.
- ³ Taute W. Die Stilpitzengruppen im Nördlichen Mitteleuropa.— In: Fundamenta, Reihe A, Bd 5. Köln — Garz, 1968.

О. Л. ЛИПНИЦКАЯ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КРИНИЧНАЯ

Сплошное обследование бассейна р. Сож, проведенное в 20—30-е годы, позволило К. М. Поликарповичу не только собрать обширный подъемный материал на открытых им памятниках, но и дать предварительную датировку отдельных местонахождений. Одно из них было обнаружено на левом берегу ручья Криничного (правый приток Сожа) ¹. Памятник располагается в 2 км к югу от д. Горки Чериковского р-на Могилевской обл., на первой надпойменной террасе правого берега Сожа, превышающей мезенный уровень реки на 5—6 м. В настоящее время около стоянки с юго-запада на северо-восток вытянулась старица Сожа. Коллекция кремневого инвентаря, собранная К. М. Поликарповичем ², состояла из нуклеусов (7 экз.; 1— из «шоколадного» кремня), отщепов (56 экз.), пластин (6 экз.) и орудий (5 экз.).

Дальнейшее изучение памятника продолжил В. Ф. Копытин в 1971—1972 гг. Наряду со сборами подъемного материала была заложена траншея (1×10 м) и выявлен культурный слой. Памятник получил название Криничная ³.

В 1977 г. исследование памятника было продолжено нами. На вскрытой площади 50 кв. м получена коллекция, состоящая из 1541 предмета, в том числе орудий — 81, нуклеусов и нуклевидных обломков — 23, пластин — 177, отщепов — 576 и мелких отщепов и осколков — 278 (рис. 1, 1—29; 2, 1—14).

В процессе раскопок зафиксирована следующая стратиграфическая картина: 1 — дерновый горизонт (A₀) — 1—2 см; 2 — гумусовый горизонт почвы (A₁) — супесь темно-серого цвета мощностью 12—14 см, контакт ее неровный; 3 — подзолистый, или элювиальный, горизонт (A₂) бесструктурной почвы белесого цвета, состоящий из супеси с большим содержанием песка, местами гумусированного, мощностью 8—12 см, постепенно переходящий в нижний горизонт; 4 — иллювиальный горизонт (B) из желтого и светло-желтого песка мелкой и средней зернистости мощностью 35—40 см; 5 — материнская порода (C) — песок желтого цвета средней зернистости, рыхлый.

Культурный слой не имеет четко выраженных верхней и нижней границ. Находки кремневых орудий встречались в подзолистом и иллювиальном горизонтах почвы с глубины 0,1 до 0,6 м. Наибольшая концентрация кремневых изделий зафиксирована в северной части раскопа — до 173 единиц на 1 кв. м. Исходным материалом для выработки подавляющего большинства изделий служили небольшие конкреции сожского кремня темно-серого цвета, невысокого качества. Им очень богаты мело-

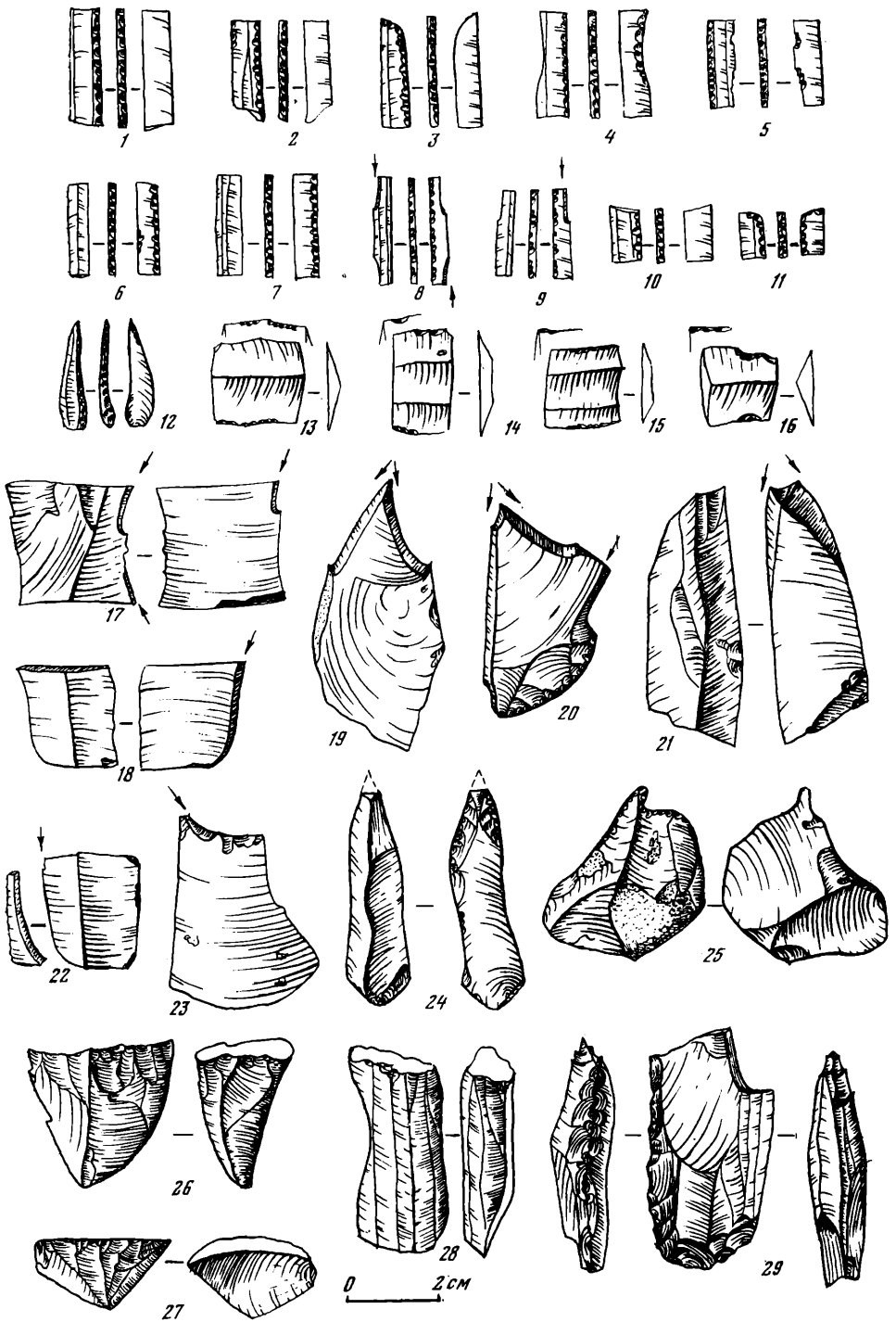

Рис. 1. Кремневые изделия стоянки Криничная (1—29)

вые отложения этого района. Большая часть пластин сделана из пластичного серо-голубого кремня лучшего качества, изредка встречается и «шоколадный» кремль.

О технике расщепления кремня можно судить по нуклеусам, заготовкам и многочисленным отходам производства. Так, о совершенной технике обработки камня свидетельствуют нуклеусы с негативами пра-

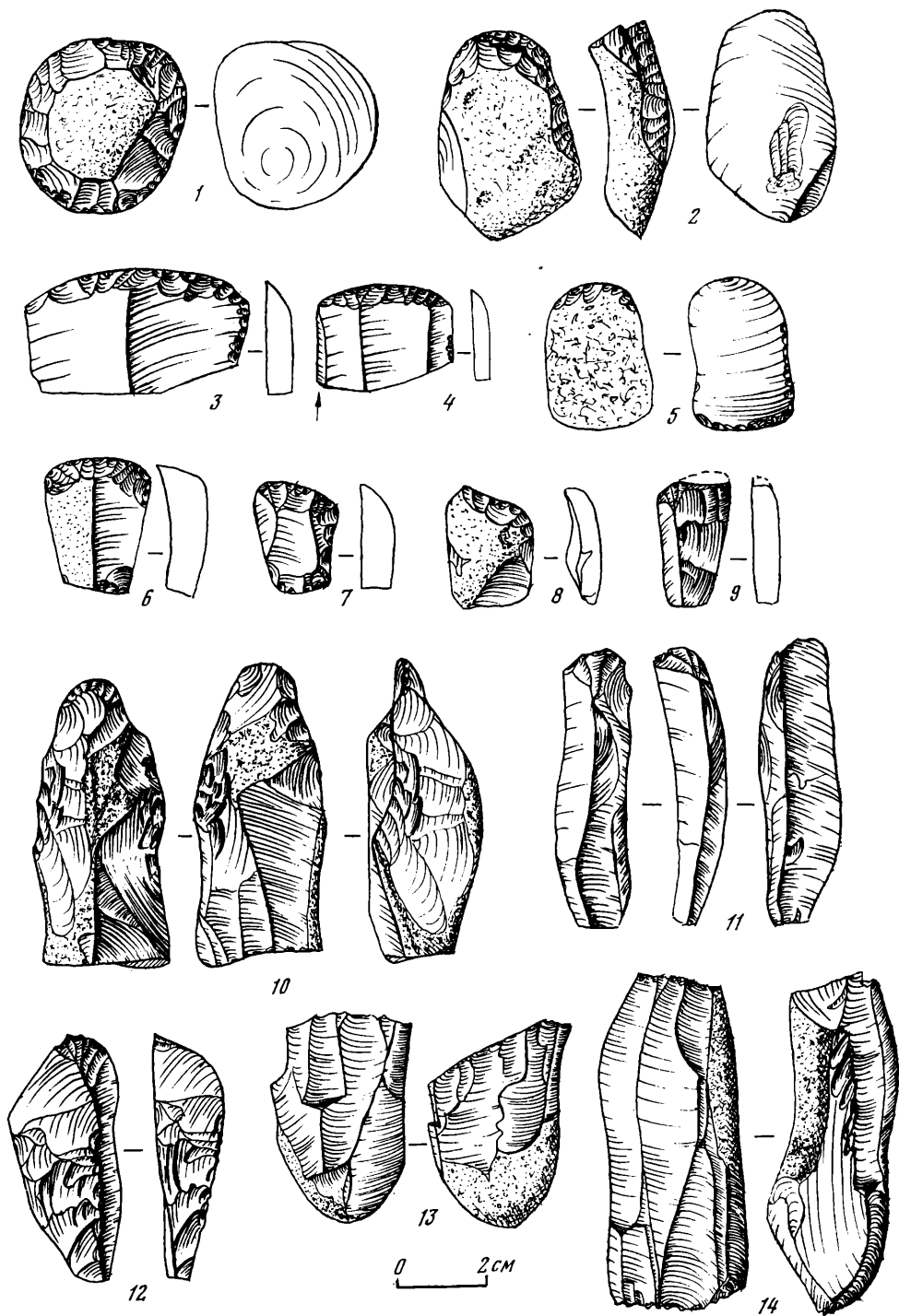

Рис. 2. Кремневые изделия стоянки Криничная (1—14)

вильных тонких ножевидных пластинок. По форме нуклеусы для снятия пластин были в основном призматическими, но встречались и конические (рис. 2, 13, 14), с одной-двумя ударными площадками. Нуклеусы от отщепов, как правило, аморфных очертаний, многоплощадочные. Несколько нуклевидных обломков имели только с одной стороны ряд сколов. Длина нуклеусов колеблется от 3 до 7,5 см при ширине от 3 до

6 см. На территории поселения производилась подправка нуклеусов, о чем говорят найденные здесь узкие поперечные сколы с ударных площадок (17 экз.), широкие, т. е. частично или полностью сбитые, ударные площадки (13 экз.) и продольные сколы с нуклеуса — ребристые пластины (11 экз.).

Наибольший интерес в коллекции представляют микропластинки с притупленным ретушью краем (рис. 1, 1—11). Ширина пластинок 0,5—0,7 см при длине 0,9—2,6 см. У шести пластинок крутая ретушь нанесена со спинки. Одна из них частично подправлена с брюшка плоской ретушью, другая имеет выемку на брюшке, третья отличается скошенным крутой ретушью концом. Четыре пластинки притуплены с брюшка, две из них имеют резцовые микросколы по краям. Несколько выделяется микропластинка, обработанная по краю встречной приостряющей ретушью (рис. 1, 11).

В кремневом инвентаре поселения выделена серия коротких сечений пластин (17 экз.), на краях которых видны следы сработанности в виде зубчатости, выкрошенности, а на углах — легкая подправка ретушью по двум краям (рис. 1, 13—16).

Наиболее многочисленная группа скребков (16 экз.). Большинство из них выполнено на отщепах, два — на пластинах, два — на краевых сколах с нуклеусов. Размеры скребков колеблются от 2,5 до 6 см. По форме и технике обработки рабочего края среди скребков выделяются три типа: концевые, двойные и округлые (рис. 2, 1—9). В качестве заготовки для одного из скребков использован нуклеус, на рабочей скребковидной части которого имеются следы износа, полученного при работе по эластичному материалу.

Резцы можно объединить в три типа: угловые на отщепах, на углу сломанной пластинки и срединные (рис. 1, 17—22). Следует отметить, что два резца изготовлены одинаковой техникой скальвания — боковая резцовая грань закругляется через основание к осевой линии пластины. Рядом с одним резцом обнаружен его резцовый скол. Резцы подобного типа называют резцами с «зализанным» краем⁴.

Кроме того, в коллекции имеются два комбинированных скребка-резца — угловой на отщепе (рис. 1, 20) и на углу сломанной пластинки (рис. 2, 4), две проколки-провертки на отщепах (рис. 1, 25), сверло на ребристой пластине (рис. 1, 24), два острия — одно на тонкой пластинке с крутой ретушью по одному краю, а противоположный подправлен с брюшка плоской ретушью (рис. 1, 12), другое — на отщепе, оформлено крутой ретушью по одному краю.

Единичны изделия с боковыми выемками, они представлены тремя пластинками и одним отщепом.

Среди орудий случайного использования — пластины (12 экз.) и отщепы с частичной ретушью по краю (9 экз.).

Из прочих изделий обращает на себя внимание серия пластинок, микропластинок и их обломков правильного огиаения с острыми режущими краями. Длина их колеблется от 0,7 до 7 см при ширине от 0,4 до 2 см. Часть пластин (23%) обработана тончайшей ретушью и несет следы сработанности по краям.

Перед нами небольшая, но выразительная коллекция изделий со вторичной обработкой, в которой впервые для Посожья представлены микропластинки с притупленным краем. Подобные изделия известны на Северском Донце⁵, Верхней Волге⁶, в Литве⁷, на стоянках Восточного Крыма⁸ и Северного Причерноморья⁹. В Белоруссии пластинки-вкладыши были обнаружены на поселениях Восточного Полесья¹⁰. Все исследователи считают, что пластинки использовались как вкладыши составных орудий. К новым формам орудий на мезолитических памятниках Посожья можно отнести резцы на углу сломанной пластинки с «зализанным» краем.

- ¹ *Поликарпович К. М.* Стоянки Среднего Посожья.— В кн.: Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, с. 53.
- ² Там же, с. 62, 63.
- ³ Собранные коллекции находятся в Могилевском областном краеведческом музее.
- ⁴ *Телегин Д. Я.* О номенклатурном списке кремневых изделий эпохи мезолита — неолита.— Археология, 19, 1976, с. 31.
- ⁵ *Телегин Д. Я.* Мезолит левобережной Украины.— МИА, № 126, 1966, с. 100, рис. 1, 46, 47.
- ⁶ *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор.— МИА, № 126, 1966, с. 180, 183. рис. 2, 15.
- ⁷ *Римангене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, с. 128, 129, рис. 112, 14—16.
- ⁸ *Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977, с. 33, 69, 83, 91, 95, 100, рисунки.
- ⁹ *Станко В. Н.* Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья.— КСИА, 149, 1977, с. 47, 49, 50, рис. 2.
- ¹⁰ *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. М., 1976, с. 46.

Г. Н. МАТЮШИН.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ УРАЛА И СИБИРИ

Недавние открытия на Урале раннепалеолитических памятников (Мысовая, Айдос, Муллино) позволяют по-новому подойти к вопросу о первоначальном заселении этой территории и высказать некоторые соображения о времени и истоках распространения палеолитической культуры на севере Азии и в Америке.

Заселение Сибири и Америки исследователи относят к позднему плейстоцену¹.

Заселение Сибири происходило, как предполагают ученые, из Средней Азии, вдоль горных хребтов Памира и Тянь-Шаня². Большинство исследователей полагают, что первичное заселение Америки могло происходить лишь из Сибири, через Берингию³. Однако палеолитические культуры Сибири, известные до середины 60-х годов нашего века, настолько отличались от американских, что возникла гипотеза о заселении Америки из Восточной Европы⁴. В последние годы Ю. А. Мочанов открыл на севере Азии позднепалеолитические памятники, близкие американским (дюктайская культура) и высказал предположение о центральноазиатских истоках палеолита Сибири и Америки⁵. Однако истоки возникновения культур с техникой двусторонней обработки камня в самой Сибири были неясны.

Открытие на Урале в четких стратиграфических условиях раннепалеолитических стоянок, достаточно выразительных по ассортименту инвентаря, позволяет искать истоки культуры севера Азии и Америки на территории Зауралья и высказать предположение о другом направлении и более раннем, чем это принято думать, времени заселения севера Азии.

Считалось, что палеолит Урала должен иметь сибирский облик⁶. Однако в самой Сибири ранний палеолит до сих пор не был известен. Недавно А. П. Окладниковым и другими⁷ наконец найдены первые раннепалеолитические памятники в Сибири. Но их инвентарь не имеет почти ничего общего с материалами раннепалеолитических памятников Урала.

Первый на Урале раннепалеолитический комплекс обнаружен в 1965 г. при раскопках стоянки Мысовая⁸. Стоянка расположена на западном берегу оз. Карабалыкты (40 км к западу от г. Магнитогорск). Это озеро входит в цепочку почти вплотную расположенных друг к другу и вытянутых меридионально озер межгорья восточного склона Южного Урала: Банное, Сабакты, Суртацды и др. Всего в 1 км к юго-западу от оз. Карабалыкты лежит оз. Сабакты, отделенное с юга от оз. Банного 200-метровой болотистой перемычкой. Из оз. Банного вытекает р. Янгелька, впадающая в Урал. Прямая водная связь с Прикаспием, возможно, способствовала относительно раннему проникновению сюда человека.

С запада к берегам озер спускается один из основных хребтов Южного Урала — Крыкты-Тау. Залесенные вершины гор, обрамляющих западные берега озер, и степи, занимающие их восточное побережье, создают неповторимое разнообразие ландшафтных зон. Обусловленное этим богатство флоры и фауны не могло не привлекать человека в древности.

Антропогенные отложения здесь маломощны. Довольно часто скалы выступают прямо на поверхность. Регион изобилует выходами превосходного кремня. Здесь находится центр яшмового пояса Урала. На южном берегу оз. Карабалыкты выходят пестроцветные яшмы, восточный берег сложен красными яшмами, на остальных берегах и сейчас на поверхности встречаются многочисленные желваки и куски темно-серой яшмы и кремня. Богатство превосходными яшмами и кремнем — одна из причин концентрации здесь населения в каменном веке. Стоянок на берегах озер много. На одном только сравнительно небольшом (диаметр зеркала около 2 км) оз. Карабалыкты располагается более 20 многослойных поселений и крупных однослойных стоянок каменного века (рис. 1).

Изделия ашеле-мустьерского комплекса на Мысовой располагаются в самом низу плейстоценовых отложений, в слое супеси со щебнем, а часть — прямо на скальных породах палеозойского времени и в расщелинах скал. Перекрывающие раннепалеолитический слой супеси и суглинки в верхней части содержат инвентарь, для которого наиболее типичны геометрические микролиты удлиненной формы с боковыми выемками (янгельская культура). Слой с геометрическими микролитами янгельского типа перекрыт метровым неолитическим слоем с богатым инвентарем, остатками жилищ с десятками тысяч изделий из камня и керамикой. Остатки неолитических жилищ в свою очередь перекрыты энеолитическим слоем, а на пониженных участках — и слоем с находками периода поздней бронзы и раннего железа. Насыщенность всех слоев материалом и залегание его в суглинке свидетельствуют о непрерывности культурных горизонтов.

В слое с раннепалеолитическими материалами прослежены три горизонта землероек, один из которых находится над культурным горизонтом, а два — вместе с ним. С. М. Цейтлин, обследовавший памятник в 1970 г., предполагает, что горизонты землероек — это остатки древних погребенных почв. Экстрагляциальность Южного Урала дает основание синхронизировать отложения под горизонтами погребенных почв с эпохами крупных оледенений и соответственно датировать нижний слой временем не позднее рисского оледенения.

Инвентарь нижнего слоя изготовлен из темно-серого и черного кремня и яшм. На некоторых изделиях четко выделяются светлые прослойки, показывающие осадочное происхождение сырья. Большая часть неолитических и позднепалеолитических изделий из верхних слоев также сделана из темных пород камня и яшм, но в отличие от них у раннепалеолитических орудий с одной стороны есть окатанность и они покрыты патиной, настолько густой, что в отдельных случаях она сильно меняет их цвет. Патины — главный и наиболее существенный признак, отличающий

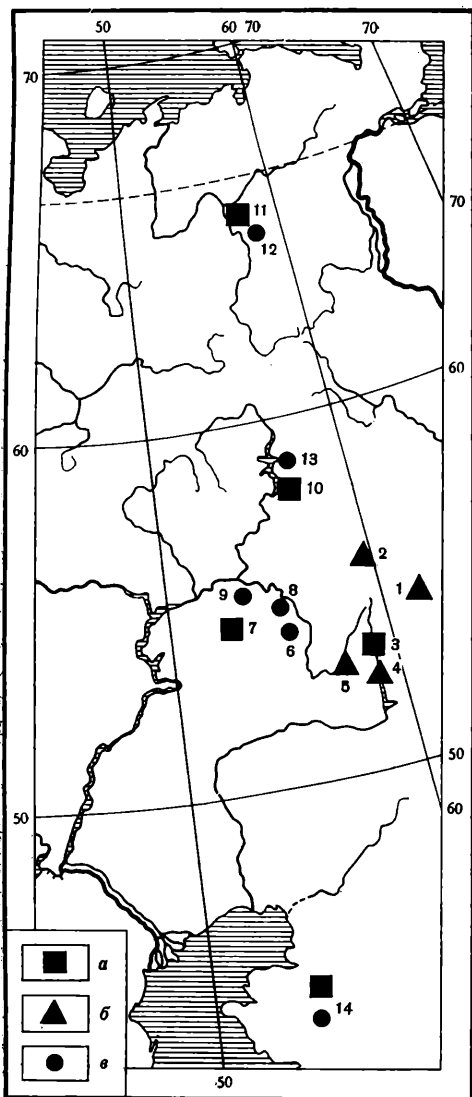

Рис. 1. Распространение палеолитических стоянок на Урале

- а — ранний палеолит и мустье;
- б — стоянки с изделиями из южноуральской яшмы или с геометрическими микролитами янгельского типа;
- в — другие позднепалеолитические стоянки

- 1 — Шикаевка II;
- 2 — местонахождения на р. Юрюзань;
- 3 — Мысовая;
- 4 — Янгелька и др.
- 5 — Каповая пещера;
- 6 — Ильмурино;
- 7 — Муллино;
- 8 — Горнова;
- 9 — Сюньские стоянки;
- 10 — Пещерный Лог;
- 11 — Крутая Гора;
- 12 — Вызовая;
- 13 — стоянка Талицкого;
- 14 — Мангышлакские стоянки

раннепалеолитические изделия от неолитических заготовок в тех редких случаях, когда они залегают на поверхности скал вместе.

Изделий раннепалеолитического облика в нижнем слое насчитывается около 50. Большая их часть — законченные орудия. Особенно интересна серия бифасов и рубилообразных орудий, изготовленных из массивных желваков темно-серого кремня и яшмы. Длина ручных рубил от 8 до 12 см при ширине от 6 до 12 см. Характерным признаком орудий этой группы является массивная пятка, которую удобно захватывать рукой. Противоположный от пятки конец обработан грубоватыми сколами, направленными от края к центру. В профиле рабочий конец образует извилистую зигзагообразную линию. Выделяется массивное овальное орудие, обработанное с двух сторон по краю чередующимися сколами. Некоторые изделия этого типа напоминают ашельские рубила, характерные для памятников раннего палеолита Кавказа⁹ и европейской части СССР¹⁰. Имеются также рубящие орудия типа чопперов и чоппингов, встречающихся в раннепалеолитических памятниках Средней Азии¹¹, Ближнего и Среднего Востока. Некоторые из них удивительно напоминают рубило из Кухи-Пиёз, которое В. А. Ранов считает древнейшим не только для Таджикистана, но и вообще для Средней Азии¹². От га-

лечных орудий Кара-Буры и других мустьерских стоянок Средней и Северной Азии ручные рубила Мысовой стоянки отличаются прежде всего тем, что они изготовлены не на гальках, а на желваках кремня и яшмы. Кроме того, большая часть поверхности у них обработана двусторонней оббивкой, как у ашельских рубил, тогда как у галечных обрабатывается преимущественно только рабочий край.

Вторая группа изделий из камня нижнего слоя Мысовой отличается меньшей патинизацией и характером обработки. С одной стороны, здесь тоже представлены рубила и бифасы, а с другой — остроконечники и скребла, изготовленные на леваллуаских отщепках. Имеются и типичные дисковидные и черепаховидные нуклеусы и т. п. Одна сторона таких орудий патинизирована, тогда как другая имеет относительно «свежий» вид. Например, небольшое ручное рубило, изготовленное на крупном желваке, с небольшим участком корки, обработано с одной стороны крупными сколами от края к середине, густо патинизировано и слегка окатано; с другой стороны плоскости оно подправлено небольшими, относительно свежими сколами, слабо патинизировано и совсем не окатано. Небольшой бифас с одной стороны также более патинизирован и несколько окатан, тогда как с другой — патина менее заметна и не видно следов окатанности. Создается впечатление, что орудия, до того как они были перекрыты плейстоценовыми отложениями, долго лежали на поверхности. Следы окатанности, сохранившиеся только на одной плоскости бифасов, свидетельствуют о том, что орудия не перемещались и не переотлагались, а лежали в одном положении достаточно длительное время. Не исключено, что односторонняя окатанность и патинизация объясняются вторичным использованием бифасов. Так, скребло (или бифас) ашельского времени могло быть позднее, в мустьерское время, превращено в дисковидный нуклеус с помощью леваллуаской техники. В пользу этого говорит более «свежий» характер черепаховидной спинки.

Обращает на себя внимание и то, что остроконечники имеют менее густую патину, нежели бифасы-чопперы. Они совсем не окатаны. Возможно, что в нижнем слое Мысовой концентрируются два разновременных комплекса: один из них — ашельский, а другой — леваллуа-мустьерский. В целом изделия типа бифасов или чоппингов имеют более густую патину и окатанность, чем орудия леваллуаского облика.

К сожалению, стратиграфически эти две группы пока никак не различаются, что, может быть, объясняется маломощностью четвертичных отложений.

В общем же инвентарь нижнего слоя Мысовой стоянки производит впечатление ашельского или леваллуа-мустьерского. Обращает на себя внимание сочетание техники леваллуа с техникой бифасов. Это составляет своеобразие комплекса, а возможно, и всего раннего и среднего палеолита Урала и Сибири. Заметим, что в позднем палеолите этой области оба таких технических приема сосуществуют довольно долго. Не исключено, что это объясняется генетической связью позднего палеолита севера Азии с ранним палеолитом Зауралья.

К сожалению, ранний палеолит плохо изучен на территории не только Сибири, но и Казахстана и Средней Азии. Еще недавно исследователи палеолита этой территории ограничивались лишь определением вероятного характера раннего палеолита¹³, хотя уже около 20 лет назад стали появляться сообщения о раннепалеолитических местонахождениях Казахстана. Наибольшую известность из них получили Борыказган и Танирказан в Кара-Тау, где на поверхности сопок, плато и такыров были собраны грубые рубящие орудия, рубила, массивные отщепы, желваки-нуклеусы и т. п. Х. А. Алпысбаев, опубликовавший эти материалы, находит им аналогии во французских и бельгийских шелльско-ашельских памятниках, в соане Индии, галечных орудиях Африки и называет их шелльско-ашельскими¹⁴.

Южноказахстанские местонахождения представляют известный интерес, но к сожалению, все они — разрушенные памятники. Ни на одном не сохранился культурный слой раннепалеолитического времени. Все находки — подъемный материал с современной поверхности такыров и возвышенностей. Настораживают и ссылки на соан Индии. В настоящее время некоторые исследователи полагают, что соан — псевдокультура. «Орудия» соанского типа — естественные гальки со случайными сколами, большей частью естественного происхождения. Ничего общего с деятельностью древнего человека они не имеют.

Что же касается «леваллуаских» элементов, то они происходят из неолитических памятников Индии и тоже ничего общего с палеолитом не имеют¹⁵.

Интересные местонахождения, относимые к раннему палеолиту, открыл А. Г. Медоев в Центральном Казахстане. Он считает, что на территории Центрального Казахстана и в Монголии в плейстоцене были распространены ашельская, леваллуа-ашельская и мустьерская культуры. Для северных районов Казахстана и Мангышлака, по его мнению, характерны леваллуа-ашельские культуры¹⁶. К сожалению, открытые им местонахождения Сары-Арка и Мангышлака так же, как и южноказахстанские, представлены лишь подъемным материалом. Что касается так называемого шелльско-ашельского этапа, то он, по мнению А. Г. Медоева, является фикцией для Казахстана.

Кажущаяся архаичность найденных здесь изделий отражает лишь промежуточные стадии одного и того же производственного цикла на мастерских, откуда и происходит большая часть материалов, относимых к палеолиту Казахстана¹⁷.

А. П. Окладников считает, что находки Казахстана, относимые к шелльско-ашельскому времени, следует датировать эпохой мустье. По его мнению, для раннего палеолита Средней Азии и Казахстана должны быть характерны чопперы, в противоположность Кавказу и Малой Азии, для которых типичны рубила. Среднюю Азию он включает в зону культур, где, в отличие от Африки, Европы и Южной Азии, вместо рубил шелльско-ашельских форм употреблялись рубила с широким лезвием — чопперы. Иногда они сосуществовали с рубилами¹⁸.

Стоянка Мысовая выгодно отличается от памятников Казахстана и Средней Азии, относимых к раннему палеолиту, тем, что ее ранний возраст подтверждается стратиграфией. Все находки с патиной здесь залегают внизу плейстоценовых отложений, перекрытых суглинками с позднепалеолитическими (раннемезолитическими) материалами. Комплекс находок здесь также достаточно своеобразен. Есть основания предполагать наличие и других палеолитических памятников в Зауралье (рис. 1).

В 1970—1972 гг. А. П. Шокуров при раскопках многослойного поселения Муллино в Предуралье обнаружил комплекс орудий мустьерского облика, перекрытых отложениями плейстоценового возраста, в которых зафиксирована геомагнитная инверсия (Лашамп?). Здесь, как и на Мысовой, мустьерский комплекс был перекрыт слоями с мезолитическим и неолитическим инвентарем. В мустьерском комплексе — скребла, остроконечники, черепаховидные нуклеусы.

Не исключено, что аналогичные мысовским комплексы будут открыты и на восточном побережье Прикаспия, но пока мы ограничимся лишь констатацией своеобразного сочетания техники бифаса и леваллуаского отщепка на Урале.

Что же касается севера Азии и Америки, то, как известно, население этих областей имеет существенную европеоидную примесь, как и аборигены Урала. По мнению М. М. Герасимова, судя по Давлекановскому погребению, наиболее близкое сходство населению каменного века Южного Урала можно найти у индейцев Америки^{19—20}.

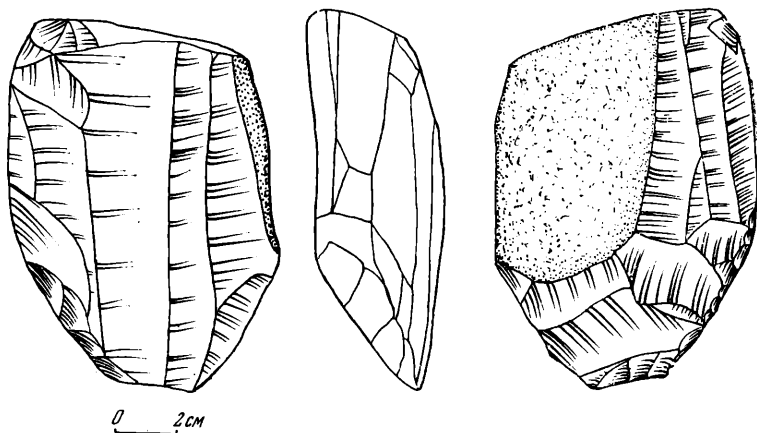

Рис. 2. Нуклеус из Каповой пещеры

Это сходство можно объяснить тем, что север Азии, а в дальнейшем и Америка, были заселены не только с юга, но и с запада, со стороны Урала. Наличие раннепалеолитических памятников на Южном Урале и среднепалеолитических местонахождений на Среднем Урале и в Приуралье позволяет высказать такое предположение в порядке рабочей гипотезы. Давно известно мустьерское местонахождение у Пещерного Лога²¹, где были найдены бифас, небольшое скребло и отщеп. Е. М. Тимофеев и В. И. Канивец исследовали палеолитическую стоянку Крутая Гора вблизи Полярного круга²². Здесь на глубине 9,5 м обнаружено 35 изделий из кремня и кварцита вместе с фауной северного оленя и мамонта (?). Среди изделий — остроконечник, несколько скребел и режущие орудия. Выше, на глубине 4,5 м, здесь располагался слой с верхнепалеолитическими находками. Галечники, в которые был заключен слой с мустьерскими находками, датированы рисс-вюрмским межледниковьем.

Таким образом, человек уже в эпоху мустье проник вдоль Урала далеко на север, чуть ли не до самого Полярного круга. Инвентарь всех мустьерских местонахождений Урала содержит бифасы, что сближает их с Мысовой стоянкой, а не с памятниками Сибири (типа Улалинки) или Казахстана (типа Борыказгана и Танирказгана). Видимо, северные стоянки эпохи мустье на Урале отражают движение населения на север вдоль Урала. Начало этому движению положило население, следы культуры которого зафиксированы в нижнем слое Мысовой.

Вряд ли правы В. Хайнес и Г. Мюллер-Бек, полагающие, что заселение севера Азии шло из Восточной Европы, так как Урал в то время был довольно существенной преградой. Но это не исключает возможности заселения севера Азии с Урала. Напомним, что стоянка Мысовая лежит на восточном склоне Урала, т. е. практически в Сибири. Видимо, не случайно в инвентаре позднего палеолита севера Азии мы встречаемся с двустороннеобработанными орудиями и пластинами. Не исключено, что в подоснове джуктайской культуры лежит и ранний палеолит типа Мысовой.

Принято считать, что и поздний палеолит Урала имеет сибирский облик. Однако последние данные свидетельствуют о том, что здесь относительно рано сложилась совсем иная культура, не имеющая ничего общего с сибирским палеолитом. Показательна в этом отношении стоянка Шикаевка II, расположенная также в Южном Зауралье²³. Здесь геометрические микролиты янгельского типа залежали вместе с плейстоценовой фауной, причем некоторые микролиты лежали под костями мамонтов.

Все это позволяет допустить существование янгельской культуры в плейстоцене. В связи с этим возникает ряд проблем, в том числе и вопрос о принадлежности палеолитических рисунков Каповой пещеры к янгельской культуре.

В пользу такой гипотезы говорят распространение памятников с микролитами из восточноуральской яшмы по р. Белой, в окрестностях Каповой пещеры, и находка в самой пещере нуклеуса янгельского типа.

Этот нуклеус высотой 12,4 см, шириной 9,2 см и толщиной 4,2 см был найден в июне 1899 г.²⁴ Место находки описывается так: «Пещера на правом берегу р. Белой, в 9 верстах от казенного лесничества Вознесенский Бор (р. Иргизла). Нуклеус найден при самой западной стенке между острыми мелкими камнями, он не затронут ни нижней, ни верхней водой. Вблизи лежали с потолка свалившиеся массы камней. Свет с выхода был только что виден». Цвет нуклеуса темно-зеленый, материал — яшма, форма — уплощенная. Негативы от скальвания крупных, шириной до 3 см, пластин, сохранились только с одной его плоскости, заходя на тыльную сторону лишь частично. С противоположной от скальвания стороны нуклеус приострен — возможно, для лучшего закрепления его в процессе скальвания пластин, а возможно, и для вторичного использования в качестве рубящего орудия (рис. 2).

Аналогичные нуклеусы были найдены нами в значительном количестве при раскопках стоянок янгельского типа на озерах восточного склона Южного Урала. Сходен указанный нуклеус с восточноуральскими и по материалу. Вполне допустимо, что он принесен с восточного склона Южного Урала. От Каповой пещеры до стоянок Магнитогорского приозерья всего около 100 км. Практически их разделяет лишь один хребет Урал-Тау. Микролитические изделия из восточноуральской яшмы найдены как ниже Каповой пещеры по течению Белой, на стоянке Акбута, так и выше ее — на стоянках Азопкино и Кага. Все это свидетельствует, что в эпоху каменного века Урал-Тау не был непреодолимым барьером между горными районами и восточным склоном Урала. Конечно, это — только рабочая гипотеза. Дальнейшие исследования определяют степень ее вероятности.

¹ *Равский Э. И., Цейтлин С. М.* Геология енисейского палеолита. — В кн.: Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1964, с. 220—228.

² *Окладников А. П.* Сибирь в древнекаменном веке. — В кн.: История Сибири, т. I. Л., 1963, с. 41—44; *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. — СЭ, 1969, № 1, с. 79.

³ *Сергин С. Я., Щеглова М. С.* Теоретическая реконструкция климата Берингийской суши в ледниковые эпохи. — В кн.: Берингская суша и ее значение для развития голоарктических фаун и флор в кайнозой. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Хабаровск, 1973; *Васильевский Р. С.* О роли Берингии в заселении Алеутских островов. — Там же; *Chard Ch.* New World Origins. — *Antiquity*, 3, 1959, N 129, p. 44—49.

⁴ *Хайнес В.* Охотники на мамонтов на территории СССР и США. — В кн.: Берингская суша... Хабаровск, 1973, с. 191; *Müller-Beck H.* Paleohunters in America: Origins and Diffusion. — *Science*, 152, 1966, N 3726.

⁵ *Мочанов Ю. А.* Древнейшие культуры Америки. — СЭ, 1966, № 4.

⁶ *Бадер О. Н.* Основные этапы этнокультурной истории Урала. — МИА, № 69, 1969, с. 100 сл.

⁷ *Окладников А. П.* Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири. — МИА, № 185, 1972, с. 18; см. также: Палеолит и неолит СССР (МИА, № 79). М. — Л., 1960, с. 5; *Анисюткин Н. Е., Астахов С. Н.* К вопросу о древнейших памятниках Сибири. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

⁸ *Матюшин Г. Н.* Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты — КСИА, 136, 1973.

⁹ *Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М. — Л., 1961, табл. X, I.

¹⁰ *Заверняев Ф. М.* Нижнепалеолитические местонахождения у с. Хотылево. — МИА, № 173, 1971, рис. 1, I, 2.

¹¹ *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, табл. XVIII—XXI.

¹² *Ранов В. А.* Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. — В кн.: Матерьяльная культура Таджикистана, 2. Душанбе, 1971, рис. 3.

- ¹³ Первая глава монографии В. А. Ранова о палеолите Средней Азии так и называется: «О вероятном характере нижнего палеолита в Таджикистане». См.: *Ранов В. А. Каменный век Таджикистана*. Душанбе, 1965, с. 7.
- ¹⁴ *Алысбаев Х. А.* Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Кара-Тау.— Вестник АН КазССР, 1959, 2, с. 44—70; *он же.* Находки памятников каменного века в хребте Кара-Тау.— В кн.: *Археологические исследования на северных склонах Кара-Тау*. Алма-Ата, 1962, с. 16.
- ¹⁵ *Chmielewski W.* Czy istnieje kultura soańska w Indiach? — In: *Z polskich badań nad epoką kamienia*. Warszawa, 1971.
- ¹⁶ *Медоев А. Г.* Ареалы палеолитических культур Сары-Арка. В кн.: *По следам древних культур Казахстана*. Алма-Ата, 1970, с. 200—216.
- ¹⁷ Там же, с. 204.
- ¹⁸ *Окладников А. П.* Средняя Азия в четвертичный период. Нижнепалеолитические памятники.— В кн.: *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы*. Л., 1966, с. 21, 22.
- ^{19–20} *Магюшин Г. Н.* Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале.— СА, 1970, № 4.
- ²¹ *Талицкий М. В.* Палеолитическая стоянка Пещерный Лог.— КСИИМК, XII, 1946.
- ²² *Тимофеев Е. М., Канивец В. И.* Двуслойная палеолитическая стоянка Крутая Гора в Печорском Приполярье.— АО 1967 г. М., 1968.
- ²³ *Беспрозванный Е. М., Крутских Н. А., Петрин В. Т.* Работа Курганского отряда.— АО 1973 г. М., 1974, с. 157, 158.
- ²⁴ Музей антропологии и этнографии, инв. № 514.

А. Г. ГЕНЕРАЛОВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАЗАЧКА

Одним из наиболее интересных районов Южной Сибири в археологическом отношении являются таежная и лесостепная зоны бассейна Среднего Енисея. Находясь на стыке двух более или менее хорошо исследованных областей — Прибайкалья и Западной Сибири, таежный бассейн Среднего Енисея остается малоизученным, и прежде всего это относится к памятникам неолитической эпохи.

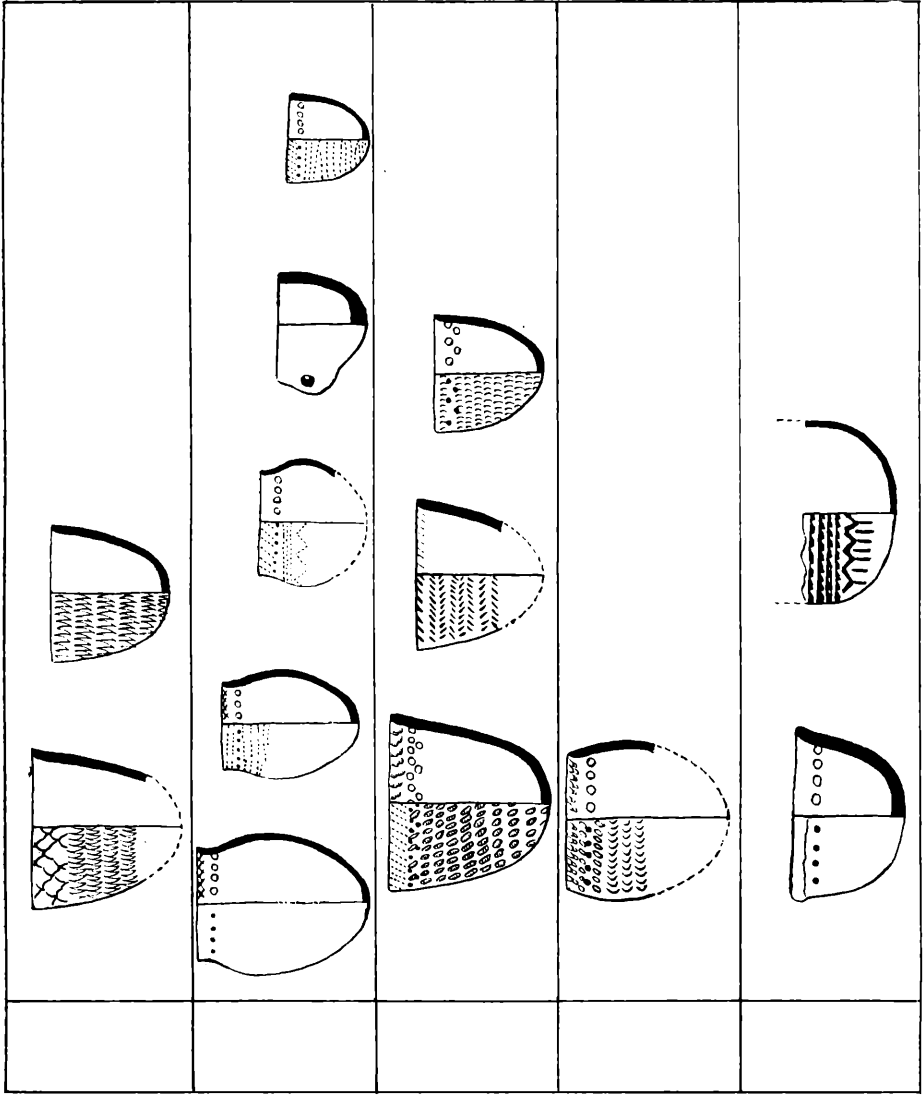
В 1972 г. в приустьевом участке на правом берегу р. Кан, правого притока Енисея, было открыто многослойное поселение Казачка. Стоянка находится на 9-метровой террасе. По геолого-морфологическому районированию Восточной Сибири данная местность является контактной зоной Канско-Рыбинской лесостепи и Енисейского края. Культурные остатки стоянки, относящиеся к финальному мезолиту, неолиту, бронзе и железному веку, приурочены к темным мощным гумусированным прослойкам пойменного аллювия.

Прослойки супеси, разделяющие культурные остатки, позволяют считать это поселение эталонным для выделения этапов древнейшей истории Сибири.

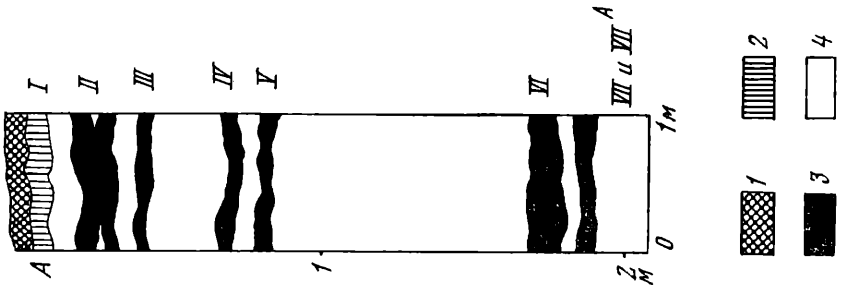
Культурные горизонты VIIa — IV представляется возможным отнести к неолиту (рис., А). Наиболее массовым материалом, который был получен при исследовании этих горизонтов, является керамика (рис., Б).

В самом древнем неолитическом горизонте (VIIa) на поселении Казачка найдены обломки трех сосудов. От двух сосудов сохранились фрагменты с отпечатками «сетки-плетенки» (от одного из них — лишь обломки венчика, форму другого удалось восстановить).

Восстановленный сосуд имеет усеченную яйцевидную форму, дно его округлое, верх венчика прямой, по нему нанесен ряд отпечатков зубчатого штампа. С внешней стороны венчик отграничен прочерченной прерывистой линией, ниже которой идет поясok округлых ямок (некоторые

6

из них сквозные). Сетчатые отпечатки покрывают всю внешнюю поверхность сосуда, а внутри — лишь придонную часть, по всей остальной внутренней поверхности видны следы заглаживания.

У третьего, частично восстановленного сосуда венчик отсутствует. Внешняя поверхность его орнаментирована оттисками мелкого витого шнура, зоной горизонтальных линий «отступающей лопаточки» с зубчатым концом. Ниже идет горизонтальный ряд вертикально прочерченных линий, отделенных от верхней зоны короткими прочерченными линиями в виде зигзага.

При такой малочисленности материала трудно сколько-нибудь точно датировать горизонт VIIa. Сочетание сетчатой и шнуровой керамики было зафиксировано в горизонте VI стоянки Горелый Лес¹. Абсолютная дата этого горизонта 6695 ± 150 лет от наших дней. Сосуды с отпечатками «сетки-плетенки» считаются самыми древними в Восточной Сибири, однако форма сосуда из горизонта VIIa не имеет аналогий в ранних неолитических комплексах соседних территорий. Кроме того, находка в том же горизонте сосуда с отпечатками витого шнура говорит о существовании наряду с древнейшей и более поздней технологии изготовления сосудов. Из этого можно заключить, что керамические сосуды или были заимствованы с соседних территорий, или появились здесь в результате смены населения.

Керамика горизонта VII представлена фрагментами семи сосудов. Один из них, восстановленный наиболее полно, имеет простую закрытую форму. Орнамент по тулову нанесен фигурным зубчатым штампом в виде горизонтальных линий, заполняющих всю внешнюю поверхность. Тем же штампом в технике «отступания» орнамент нанесен с внутренней и внешней сторон венчика, по которому идет поясок округлых ямок. Во всех остальных случаях техника нанесения орнамента на сосудах «отступающая» и «накольчато-отступающая», выполненная фигурным зубчатым штампом и гребенкой. Орнаментальные мотивы однослойные — линейно-горизонтальные. Лишь один сосуд орнаментирован оттисками вогнутой лопаточки, образующей горизонтальные ряды двусложного мотива — «елочки».

Керамика горизонта VI состоит из фрагментов 23-х сосудов, форму которых в большинстве случаев удается восстановить. Все сосуды имеют параболоидную форму и значительные размеры: высота и диаметр устья их почти во всех случаях более 25 см. Венчики асимметричные овальные или скошенные и орнаментированы снаружи и изнутри или по верхней плоскости наклонными отпечатками различного гребенчатого штампа. Почти на всех сосудах под венчиком имеется поясок округлых ямок или сдвоенных ямчатых вдавлений. Орнамент по тулову нанесен гладкими и зубчатыми штампами, прямой и вогнутой лопаточкой, чаще всего в виде горизонтальных линий, опоясывающих весь сосуд от венчика до дна. Иногда применялись и более сложные мотивы — зигзаг, «елочка». Интересен орнамент, нанесенный овальным гребенчатым штампом — так называемым гусенично-гребенчатым, причем по форме, технике нанесения и композиции орнамента некоторые сосуды совершенно аналогичны.

Керамика горизонтов VII и VI очень близка, представляя единый культурный комплекс. Большое сходство наблюдается в элементах (зубчатый штамп и лопаточка) и композиции (горизонтальные ряды отпечатков, идущие по всему тулову сосуда), орнамента, а также в деталях орнаментального оформления венчика.

Орнаментация сосудов горизонтальными поясами различного гребенчатого штампа и в частности гусенично-гребенчатого характерна для многих областей, расположенных к западу от Енисея². В керамике горизонтов VII и VI, видимо, проявилось их влияние. Однако подобная орнаментация известна и на керамике (правда, немногочисленной) некоторых

приангарских стоянок³ и на Верхней Лене⁴. В Минусинской котловине сходные по форме и орнаментации сосуды найдены на стоянке Унжук⁵. Однако, в отличие от керамики горизонтов VII и VI Казачки, сосуды Унжука характеризуются преобладанием закрытых форм, очень часто профилированными венчиками и более сложной композицией орнамента. Вероятно, это можно объяснить поздним временем стоянки Унжук.

В районе Красноярска ближайшие аналогии керамике горизонтов VII и VI Казачки известны в материалах стоянки под Ермолаевским городищем, Усть-Собакино, на дюнных стоянках Базаиха и Ладейки⁶. Можно предположить, что в Красноярско-Канской лесостепи в эпоху неолита существовала определенная культурная общность племен, однако насколько тесными были связи внутри региона и как велико влияние извне, пока судить трудно. Керамика с подобной орнаментацией на соседних территориях датируется различным временем — от раннего неолита до энеолита, поэтому на основании лишь типологического анализа трудно более или менее точно установить время горизонтов VII и VI Казачки. Предварительно, опираясь на стратиграфию памятника и частично на типологический анализ, этот комплекс можно датировать серединой — концом IV тысячелетия до н. э.

В горизонте V найдено 13 сосудов. Десять из них, имеющих общие признаки, можно объединить в одну группу. Характерны для этих сосудов закрытая форма со слегка отогнутым венчиком; орнамент «пунктирной» гребенкой; орнаментация лишь верхней трети сосуда или венчика; сочетание горизонтальных, вертикальных и наклонных линий гребенки. Все эти сосуды на внешней поверхности имеют следы выколачивания рубчатой лопаточкой. Несколькими выделяются из группы два сосуда с треугольными выступами по венчику.

Остальные сосуды по признакам сильно отличаются от основной группы. Среди них небольшой остродонный сосуд с двумя ушками для подвешивания, имеющими горизонтально расположенные отверстия. Стенки сосуда очень толстые (более 1 см), на внешней и внутренней поверхности видны следы затирания, орнамента нет. Другой сосуд — небольших размеров, открытой формы, украшенный по всему тулову горизонтальными линиями «пунктирного» орнамента.

Сосуды горизонта V находят аналогии в керамике из района Красноярска⁷ и Прибайкалья. А. П. Окладников относит подобные сосуды к позднесеровскому времени⁸. Привлекают внимание тупоугольные выступы по верху венчика. Такие выступы встречаются на неолитической керамике Прибайкалья, однако единого мнения об их хронологии и культурной принадлежности пока нет. А. П. Окладников полагает, что сосуды с выступами принадлежат китойскому этапу⁹, а Л. П. Хлобыстин возводит их к раннеглазковскому этапу, генетически связанному с позднесеровским¹⁰. Вероятнее всего, подобные выступы на венчике сосуда появились еще на позднесеровском этапе и получили дальнейшее развитие на раннеглазковском. Для неолита Прибайкалья не менее характерен и обнаруженный в горизонте V сосуд с налпными ушками, который имеет сходство с серовскими «горшочками-дымокурами». Исходя из всего изложенного, горизонт V Казачки можно датировать началом III тысячелетия до н. э.

В горизонте IV обнаружены четыре сосуда. Все они имеют параболоидную открытую форму и прямой, овальный в профиле венчик. На внешней и частично на внутренней поверхности трех сосудов расположены горизонтальные ряды отпечатков вогнутой «шагающей» лопаточки, покрывающие все тулово от венчика до дна. Один из этих сосудов, кроме обычных горизонтальных поясов «качалки», орнаментирован по венчику поясом ромбов, составленных из оттисков той же лопаточки. Четвертый сосуд лишен орнамента.

Керамика горизонта IV поселения Казачка составляет своеобразный комплекс, резко отличающийся от предыдущих. Орнамент, подобный описанному, совершенно не свойствен неолиту Среднего Енисея и тем более Прибайкалья. Но он обычен в позднем неолите Камского Приуралья, Зауралья и Западной Сибири¹¹. Вопрос о возрасте керамики с таким орнаментом до сих пор остается открытым: одни и те же материалы датированы исследователями по-разному¹². Тем не менее трудно отрицать существование орнаментации гладкой «качалкой» в позднем неолите. Обращает на себя внимание пояс ромбов на одном из сосудов. Подобный элемент орнамента распространен на керамике Левшинской стоянки, датированной концом III — началом II тысячелетия до н. э. Основываясь на аналогиях в керамическом материале с территории к западу от Енисея и на отсутствии медных и бронзовых изделий, горизонт IV можно датировать второй половиной III тысячелетия до н. э.

Древнейшая история бассейна Среднего Енисея была весьма сложной. Здесь переплетались культурные влияния, шедшие с запада и востока, что уже отмечал А. П. Окладников¹³. Новые данные, полученные при исследовании многослойного поселения Казачка, подтверждают это мнение.

- ¹ Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение).— В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, 1. Иркутск, 1974, с. 168.
- ² Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита на Онежском озере.— МИА, № 20, 1952, с. 101, рис. 16; Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 86, рис. 37, 2; Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала.— Труды ГИМ, X, 1940, рис. 21, 22; Викторова В. Д. Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья.— СА, 1968, № 4, с. 166, рис. 5.
- ³ Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки..., с. 191, рис. 15; Свищев В. В. Неолитические стоянки на р. Уде-Тасевой.— Известия ВСОРГО, 65, 1967.
- ⁴ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея.— СА, 1957, № 1, с. 51.
- ⁵ Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 70, рис. 3.
- ⁶ Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища.— ТСА РАНИОН, IV, 1928, с. 562, рис. 5, 10; он же. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, с. 38; Окладников А. П. Из истории..., с. 41, рис. 10, 1, 4.
- ⁷ Merhart G. Sibirien Neolitikum.— In: Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd XII, 1928, Taf. 7, e; Окладников А. П. Из истории..., с. 30, рис. 2, 1.
- ⁸ Окладников А. П. Из истории..., с. 31.
- ⁹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 18, 1950, с. 386.
- ¹⁰ Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале.— КСИА, 97, 1963, с. 29.
- ¹¹ Прокошев Н. А. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья.— МИА, № 1, 1940, с. 36; Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, № 35, 1963, с. 32, табл. X, 7, 9; Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья.— В кн.: Из истории Сибири, IX. Томск, 1973, рис. 20, 9; 25, 7, 8.
- ¹² Например, датировка Екатерининской стоянки неолитом (Чернецов В. Н. Древняя история..., с. 31) и энеолитом (Косарев М. Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья.— СА, 1966, № 2, с. 25).
- ¹³ Окладников А. П. Из истории...

РАННИЙ НЕОЛИТ НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ

Археологический отряд Коми филиала АН СССР в 1974—1975 гг. открыл на Средней Вычегде памятники, относящиеся к неолиту — раннему бронзовому веку. Они расположены недалеко от устья Сысолы, на небольшом участке песчаной боровой террасы высотой 6—7 м над уровнем старичного озера Эньты и удалены от современного русла реки на 2,5 км.

На поселении Эньты 1 площадью не менее 2000 кв. м удалось выделить два неолитических комплекса. В восточной части раскопа находилось длинное прямоугольное жилище с выходом в сторону озера, содержавшее поздненеолитический инвентарь. Для керамики жилищного комплекса характерны полуяйцевидная форма, утолщенный бортик на венчике с внутренней стороны, ornamentация косозубым штампом и круглоконическими ямками, занимающими второстепенное место. В кремневом инвентаре развита техника двусторонней плоской ретуши. Удалось выделить серию наконечников стрел. Рядом с жилищем найдено небольшое количество керамики турбинского типа.

Ранне-неолитический комплекс локализован в западной и частично восточной половинах раскопа, возле жилища. Типологически он резко отличается от инвентаря, найденного в жилище.

Стратиграфия поселения Эньты 1 вне жилища обычна для песчаных террас: 1) растительный слой (1—20 см); 2 — белесый подзол (2—18 см); 3 — темно-желтый песок (6—18 см); 4 — светло-желтый плотный песок (материк). Культурные остатки залегают в темно-желтом песке. Выявлены девять очагов открытого типа, восемь ям хозяйственного назначения и семь ямок от столбов (?). Вблизи очагов и хозяйственных ям отмечена концентрация культурных остатков и расколотых камней. Камни и различные группы инвентаря зафиксированы в верхней и нижней частях культурного слоя.

К раннему комплексу относится более половины находок из раскопа: большая часть кальцинированных костей, 3 отбойника из галек, 2228 кремневых предметов, 855 обломков керамики и 3 обломка глиняных изделий (1 стерженок и 2 обломка зооморфных фигурок).

Наиболее часто встречается здесь пятнистый кремень высокого качества, напоминающий яшмовидный, и серый, более низкого качества, нередко с участками желвачной корки. Среди отходов производства преобладают отщепы, в числе которых значительный процент составляют пластинчатые. Все пластины неправильные, шириной 1—2 см, без строгой параллельности краев и граней. Среди пластин и пластинчатых отщепов выделяется группа сечений и обломков трапециевидной и треугольной форм.

В качестве заготовок для орудий применялись направленные пластины и пластинчатые отщепы, а также их обломки и сечения, реже — отщепы и в одном случае — ребристый скол. Отмечено вторичное использование одного из нуклеидных обломков. В приемах обработки орудий господствует крутая, часто зубчатая ретушь (под углом 80—90° к плоскости изделий), независимо от типа заготовки. Некоторые группы орудий — скребки, ножи, сверла, острия, вкладыши — представлены сериями. Среди скребков имеются концевые на пластинах. Большинство скребков изготовлено из массивных, часто укороченных трапециевидной и четырехугольных пластин и пластинчатых отщепов с одним (реже двумя-четырьмя) рабочим краем, прямым или слабовыпуклым, а также узким острым и с двумя выемками (рис. 1, 6—9). Часть скребков сильно сработана.

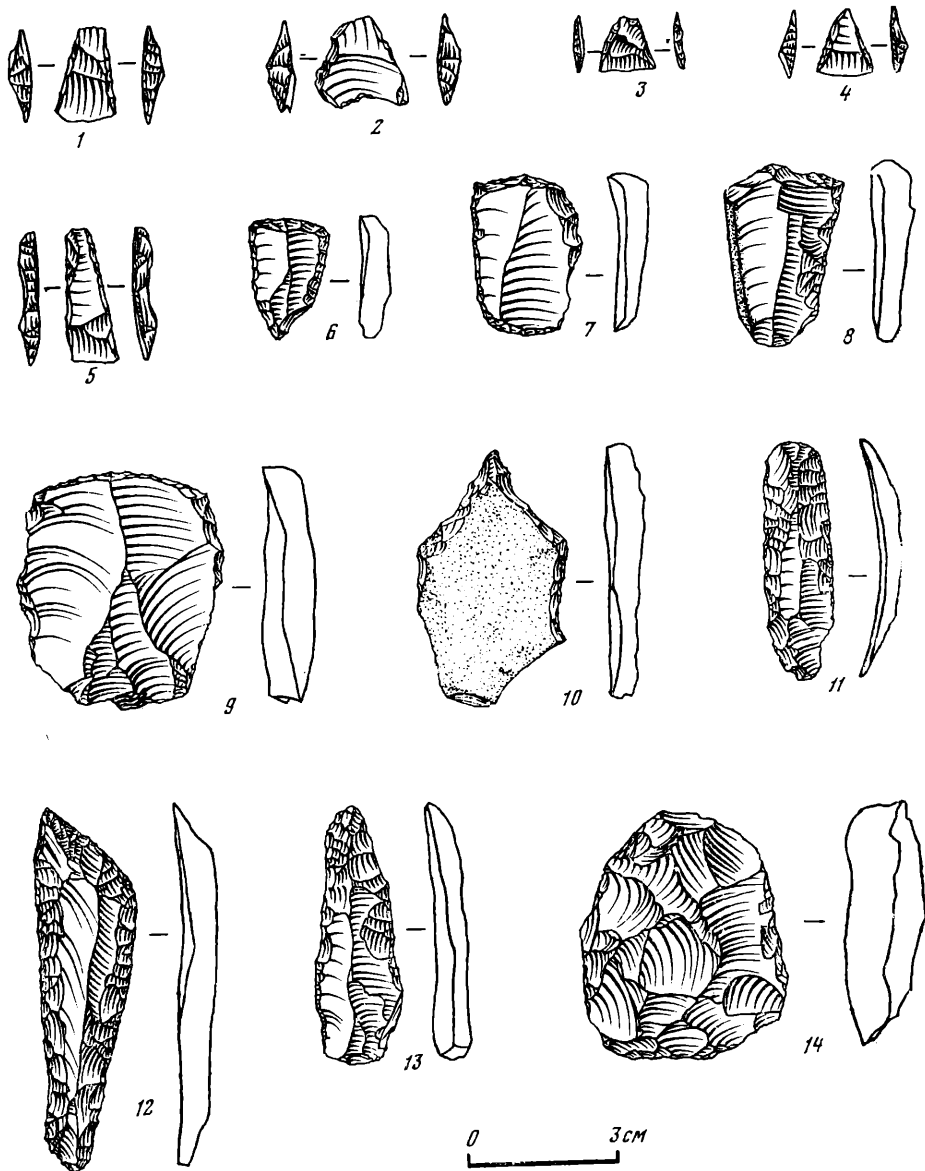

Рис. 1. Кремневый инвентарь раннеолитического комплекса поселения Энты 1 (1—14)

Сверла и острия имеют одинаковые формы — треугольную или с выделенными плечиками (рис. 1, 10). Среди ножей встречена группа с насадом, намеченным крутой ретушью, выемками или утолщением (рис. 1, 12, 13). Лезвия ножей часто оформлены краевой уплощенной ретушью, изредка встречаются участки плоской ретуши на спинке, а на двух ножах из отщепов есть двусторонняя плоская ретушь. Кроме ножей, двусторонняя плоская ретушь отмечена на четырех небольших тесловидных орудиях из отщепов (рис. 1, 14).

Самую интересную категорию орудий в коллекции составляют геометрические вкладыши (всего 90) на сечениях и обломках пластин и пластинчатых отщепов. По форме они близки к трапециям, треугольникам, прямоугольникам, параллелограммам или аморфны (рис. 1, 1—5). Размеры их следующие: высота 7—27 мм при длине основания 4—16 мм

(из пластин) и 11—39 мм при длине основания 6—23 мм (из пластинчатых отщепов). Определены следующие пропорции вкладышевых орудий: 1 — низкие (высота равна длине или меньше); 2 — средние (высота больше длины в полтора раза); 3 — высокие (высота больше длины в полтора-два раза); 4 — очень высокие (высота больше длины в два-три раза). Вкладыши средние и высокие встречались чаще, чем низкие и очень высокие (табл.).

Таблица
Классификация типов вкладышей

Форма	На пластинах					На пластинчатых отщепях					Всего
	низкие	средние	высокие	очень высокие	всего	низкие	средние	высокие	очень высокие	всего	
Трапеции	5	19	9	9	42	3	4	2	1	10	52
Прямоугольники	2	4	4	4	14	—	—	—	—	—	14
Треугольники	1	1	2	—	4	1	1	—	—	2	6
Параллелограммы	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	2
Аморфные	—	—	—	—	—	4	1	4	7	16	16
Итого:	8	25	16	13	62	8	6	6	8	28	90

Все вкладыши имеют крутую ретушь — на одной (31 экз.) или обеих (59 экз.) боковых сторонах, нанесенную со стороны спинки (82 экз.), редко — со стороны брюшка (3 экз.), и противоположащую (5 экз.). Основания их иногда имеют уплощающую ретушь (2 экз.), чаще — продольный скол по ребру, напоминающий резцовый (27 экз.), и в большинстве случаев — выщербины и мельчайшие сколы на углах (возможно, следы пребывания в работе или закрепления в пазах основы). Кроме орудий с крутой ретушью на боковых сторонах, в качестве вкладышей могли употребляться обломки и сечения геометрической формы без ретуши. Можно предположить, что эти изделия служили вкладышами составных наконечников стрел, копий, дротиков и иных орудий.

Для описываемого комплекса характерно сочетание пластинчатой техники (преобладает) и техники отщепов при появлении техники двусторонней плоской ретуши. Эта черта присуща памятникам раннего неолита на широкой территории. Отдельные типологические группы орудий, близкие эньтэйским, имеются в коллекции раннеолитической стоянки Черноробская на Ижме¹. Но наибольшее сходство обнаруживается в инвентаре раннеолитической стоянки Прилукской на Северной Двине, исследованной И. В. Верещагиной². Там найдены две асимметричные трапеции средних пропорций, ножи на пластинах с выделенным насадом и участками плоской ретуши на спинке, скребки с крутой ретушью на слабовыпуклом, выемчатом или остром крае и т. д. Но кремневый комплекс поселения Эньты 1 отличается широким распространением приема очень крутой ретуши в изготовлении орудий (всех скребков, вкладышей, сверл, острий, части ножей), многообразием форм орудий и их серийностью, а также большим количеством геометрических вкладышей при полном отсутствии наконечников иных типов.

Кремневый комплекс сопровождается своеобразной керамикой (рис. 2). Она вылеплена от руки, в глину добавлены шамот и дресва, реже — только шамот. Внешняя, а иногда и внутренняя поверхность черепков в большинстве случаев заглажена мягким предметом почти до блеска. По венчикам выделяется 21 сосуд. Сосуды широкогорлые, слегка закрытой формы, средних размеров (диаметр по краю от 22 до 36 см). Днища пристроенные или небольшие уплощенные. Толщина венчиков и стенок 5—12 мм. Края венчиков закруглены, срезаны прямо или слегка скоше-

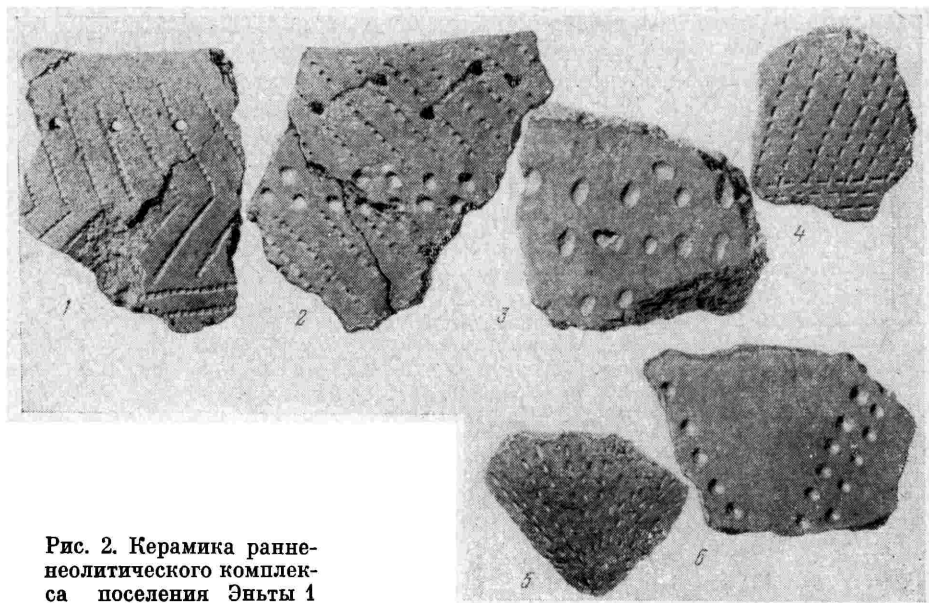

Рис. 2. Керамика ранне-неолитического комплекса поселения Энты 1 (1—6)

ны внутрь. Внешняя поверхность сосудов и днища (иногда и края венчиков) покрыты несложными узорами. Под венчиком поверх орнамента нанесены круглые ямки в один-два ряда, преимущественно мелкие, глубокие, реже — крупные (с коническим или округлым дном) и сквозные проколы. Преобладает гребенчатый штамп. Оттиски довольно длинные, зубцы в них прямоугольные или узкие, напоминающие машинную строчку. Штамп ставили под прямым углом к поверхности сосудов. Большинство сосудов (26) украшено горизонтальными чередующимися гребенчатыми зонами, в которых оттиски штампа располагаются наклонно, горизонтально, вертикально или зигзагообразно (рис. 2, 1, 4, 5). В отдельные группы выделены: два сосуда с гребенчатыми вертикальными зонами; семь сосудов с горизонтальными гребенчатыми зонами, разделенными рядами ямочных вдавлений (рис. 2, 2); четыре сосуда с горизонтальными зонами только ямочных вдавлений — круглых и овальных (рис. 2, 3, 6). Орнамент последней группы сосудов наиболее разрежен.

Таким образом, для керамики характерно орнаментальное выделение венчиков круглыми ямками, преобладание горизонтальной зональности, применение прямозубого штампа и ямочных вдавлений.

Керамический комплекс поселения Энты 1 находит аналогии в раннем неолите лесной полосы европейской части СССР. На однослойных стоянках Прилуцкой, Черноборской, Котчище найдена керамика, почти идентичная энтыгской, украшенной ямочными вдавлениями³. Подобная керамика выделена Г. М. Бурсыным на многослойных памятниках в бассейне Северной Двины — Висских поселениях⁴ и Явроне 1⁵. Особый интерес представляет материал стоянки Прилуцкой, на которой ямчатая керамика обнаружена в сочетании с кремневым инвентарем, близким энтыгскому (за исключением наконечников). Принимая это во внимание, возможно предположить связь кремневого инвентаря поселения Энты 1 (западная часть раскопа) с группой ямчатой керамики, а его своеобразно объяснить присутствием гребенчатой керамики. Наличие в комплексе смешанной керамики, орнаментированной ямочными вдавлениями и гребенкой, позволяет также предположить развитие на данном поселении гребенчатой керамики из ямчатой. По некоторым чертам гребенчатая керамика находит аналогии на ранне-неолитических памятниках

Среднего Поволжья (II Лебединская; Обсерватория III, нижний слой) ⁶.

Приведенный круг аналогий позволяет отнести своеобразный комплекс инвентаря на поселении Эньты 1 к раннему неолиту, скорее всего к концу этого периода, учитывая разнообразие кремневых орудий и керамики по сравнению с Прилуцкой. Возможно, это разнообразие объясняется некоторой длительностью существования поселения или же территориальной близостью к Волго-Камью.

¹ *Лузгин В. Е.* Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы.— МИА, № 172, 1973, табл. 16.

² *Верещагина И. В.* Ранний неолит на Северной Двине.— МАЭСВ, 6, 1977, рис. 1, 2.

³ Там же, рис. 5; *Лузгин В. Е.* Мезолит и ранний неолит..., с. 98, рис. 1—9; *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, рис. 3.

⁴ *Буров Г. М.* Древний Сивдор. М., 1965, табл. XXIV.

⁵ *Буров Г. М.* Археологические культуры севера европейской части СССР. Ульяновск, 1974, с. 95—101, рис. 14.

⁶ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1968, с. 49—75, рис. 12.

В. М. РАУШЕНБАХ

НОВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В течение ряда лет Государственный Исторический музей проводил археологические исследования группы памятников на берегу р. Дубна в Талдомском р-не Московской обл.

Еще в 1929 г. вблизи д. Сущево, у погоста Никола-Перевоз Б. С. Жуков вел раскопки в двух пунктах, разделенных незначительным расстоянием, названных им Никола-Перевоз I и II ¹. После Великой Отечественной войны на этом поселении продолжил работы Исторический музей.

В процессе раскопок было установлено, что у погоста Никола-Перевоз, на месте раскопок Б. С. Жукова, существовало одно большое поселение, за которым и укрепилось название «поселение Никола-Перевоз I». Исследования этого памятника велись в течение ряда лет и дали богатый археологический материал, относящийся к ряду археологических культур — льяловской, волосовской, фатьяновской и др.

Во время полевых работ были открыты и новые памятники — Сущевская стоянка и поселение Никола-Перевоз II с тремя раскопами (А, Б и В), которые, возможно, следует считать самостоятельными местонахождениями.

Богатый комплекс материалов поселения Никола-Перевоз I явится предметом специальной публикации. Данное же сообщение посвящено анализу материала лишь одного местонахождения — Никола-Перевоз II, пункт В.

Поселение Никола-Перевоз II, обнаруженное в 1962 г., расположено на пойменной террасе правого берега Дубны, примерно в 150 м от берега и в 400—500 м к северу от стоянки Никола-Перевоз I. Оно занимает небольшую, несколько возвышающуюся над поймой площадку, названную нами Никола-Перевоз II, пункт А. В 50 м к северу от этой стоянки, за оврачком, обнаружено другое местонахождение, получившее название Никола-Перевоз II, пункт В. Материал именно этого местонахождения и является предметом рассмотрения в данной статье.

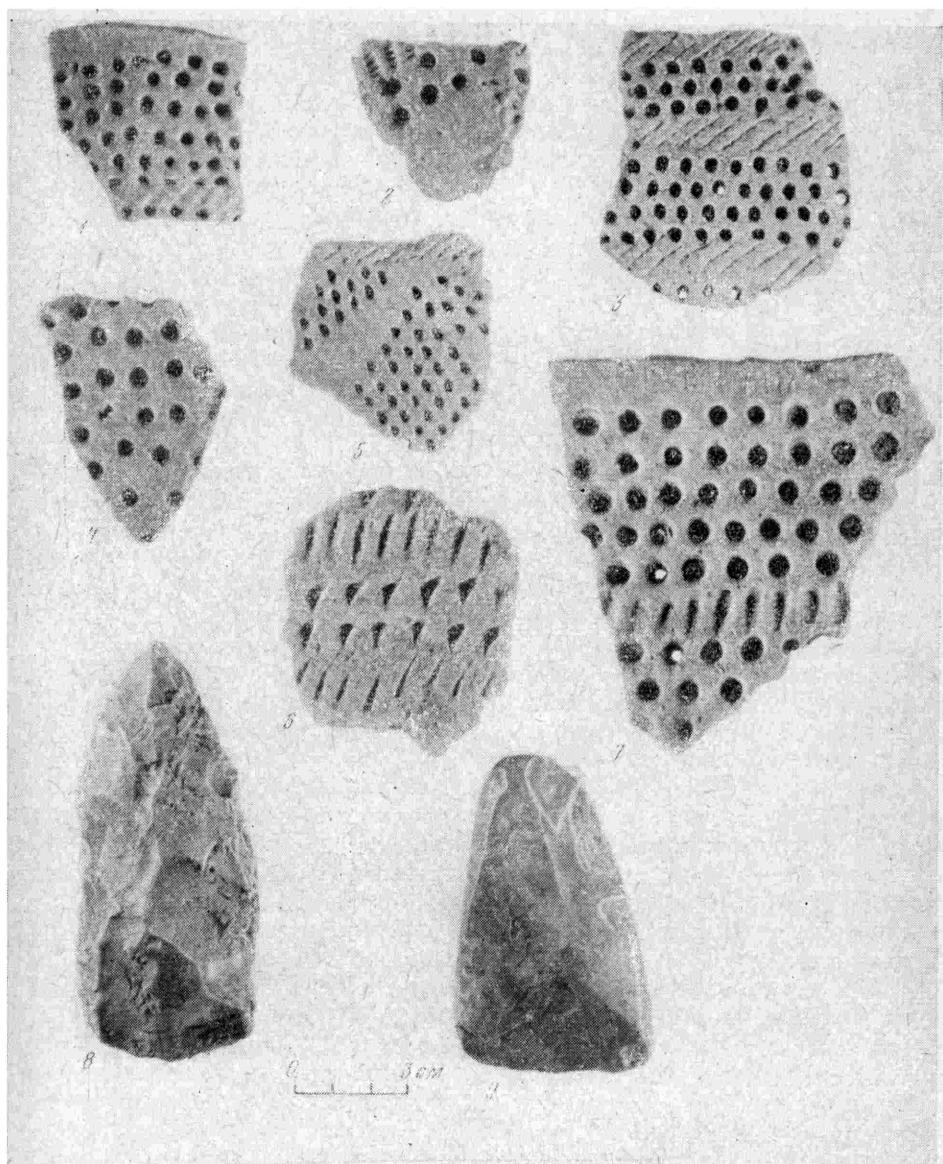

Рис. 1. Керамика (1—7) и каменные топоры (8, 9) стоянки Никола-Перевоз II, раскоп В

Поскольку это местонахождение располагалось непосредственно в пойме, верхние горизонты почвы здесь были слегка заторфованы. Стратиграфия такова: 0—12—15 см — дерн; ниже — до глубины от 25 до 40 см — сильно гумусированный торф, постепенно светлеющий и переходящий в серо-желтый суглинок, подстилаемый песком. Все слои содержали археологические находки. Никакие сооружения или пятна, даже кострищные, в раскопе не обнаружены. На этом местонахождении был заложен небольшой рекогносцировочный раскоп площадью в 60 кв. м. Культурный слой сравнительно беден находками, но вызывает интерес тем, что он более однороден, чем в раскопе А и на поселении Никола-Перевоз I. Собранный коллекция насчитывает 784 предмета, причем из 440 фрагментов керамики только 12 черепков — с сетчатым орнаментом дьяковского типа и 6 фрагментов керамики волосовской культуры. Все волосовские черепки найдены в верхнем горизонте культурного слоя и

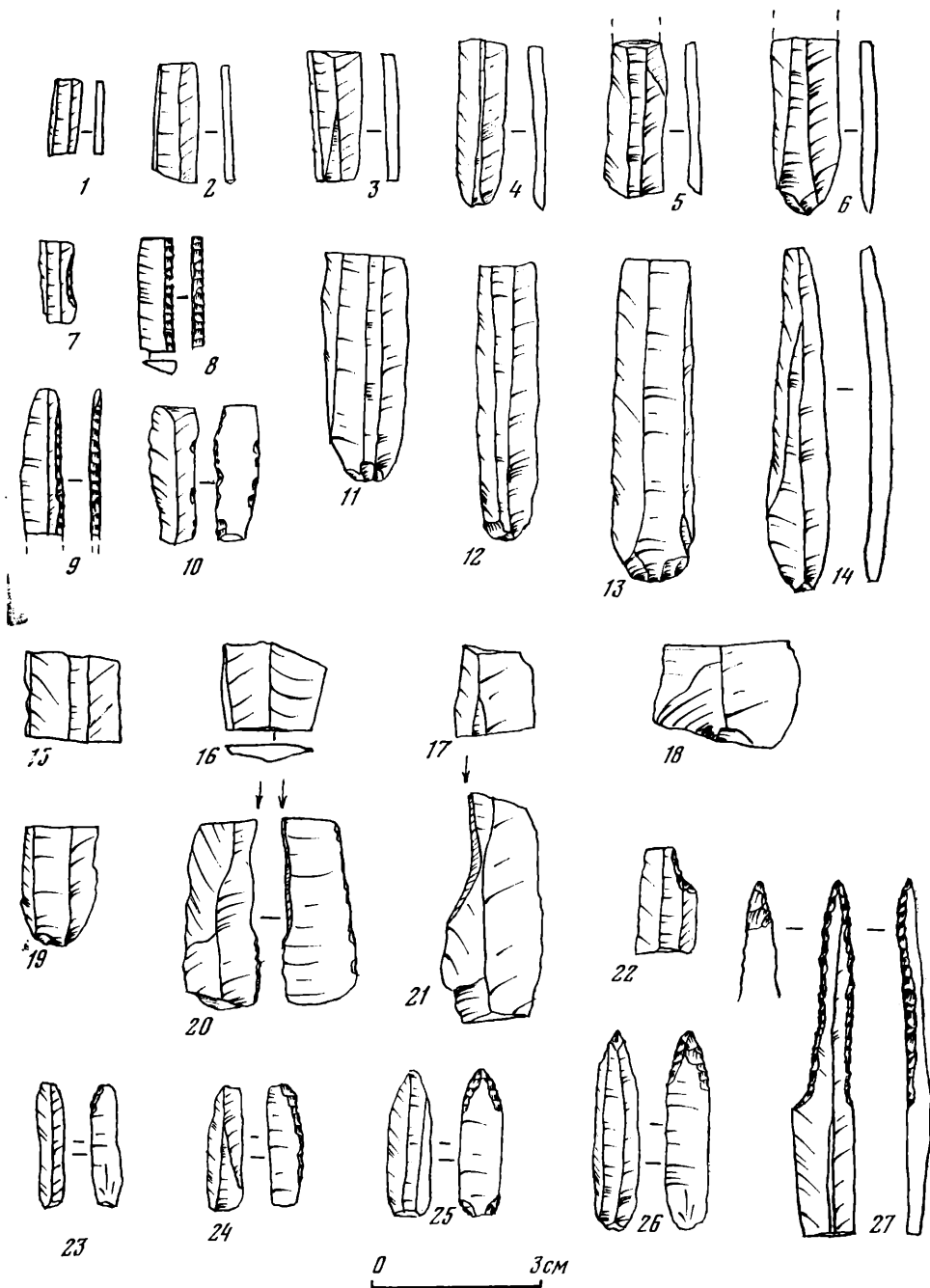

Рис. 2. Ножевидные пластины и орудия из них со стоянки Никола-Перевоз II, раскоп В (1—27)

безусловно относятся к более позднему времени, чем весь основной комплекс памятника.

Вся остальная керамика этого поселения может быть разбита на две группы. Первую, основную, группу, в которую входит подавляющее большинство фрагментов, составляют обломки сосудов с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом. Эти сосуды изготовлялись из глины с примесью песка или дресвы. Они сравнительно тонкостенные, хорошего обжига, с прямым венчиком и округлым дном. Край венчика чаще всего утон-

чался, реже имел прямой орнаментированный срез. Орнаментом покрывалось все тулово сосуда. Узор керамики этой группы чрезвычайно однообразен — его слагают ямочные и гребенчатые элементы. Ямки обычно округлые с коническим дном, образующие на внутренней поверхности сосуда выпуклины. Иногда они имеют несколько неправильную форму, получившуюся от наклонно поставленного штампа.

Вторым элементом орнамента являются оттиски короткого гребенчатого штампа, обычно также нанесенного наклонно (рис. 1, 1, 3). Ногтевые или полулунные вдавления встречаются, но гораздо реже. Из единичных элементов орнамента отметим редкие оттиски веревочки (рис. 1, 7). В этой группе есть несколько фрагментов от одного сосуда, орнаментированного мелкими ямками, образующими треугольники (рис. 1, 5). Сосуд очень тонкостенный, с примесью небольшого количества песка в глине, сильного обжига. В этой группе $\frac{2}{3}$ керамики украшены только ямочными элементами, и лишь $\frac{1}{3}$ — поясками из оттисков гребенчатого штампа.

По тесту, форме сосудов и орнаментации керамику этой группы можно отнести к льяловской культуре, причем к сравнительно раннему ее этапу. Наиболее близкие аналогии она находит в керамике Суцневской стоянки². Правда, в орнаменте керамики пункта В ногтевых элементов мало, но доминирование ямочных элементов, скудость и однообразие оттисков гребенчатого штампа говорят о ее сравнительно раннем возрасте.

Вторую группу керамики составляют фрагменты сосудов также с примесью дресвы, но более грубо измельченной. Сосуды эти более толстостенны, венчики утолщены и иногда имеют волнистый от защипов край. Такая керамика очень однообразна по орнаментации, и, видимо, большая часть фрагментов — обломки одного сосуда. Керамика этой группы орнаментирована в основном оттисками гребенки и поясками углублений треугольной или ромбической формы (рис. 1, 6). К таким сосудам может быть отнесено всего 62 фрагмента, причем значительная их часть найдена в верхних двух горизонтах слоя.

Совершенно очевидно, что эта керамика не имеет ничего общего с ямочно-гребенчатой керамикой первой группы. Гребенчатая керамика подобного типа найдена на поселении Никола-Перевоз III (или пункт Б), где она доминирует и сопровождается незначительным количеством изделий из кремня, изготовленных в основном на отщепцах с двусторонней обработкой. Здесь же, в раскопе В, кремень, сопровождающий ямочно-гребенчатую керамику, главным образом пластинчатый с микролитовидными чертами.

В кремневом инвентаре прежде всего обращает на себя внимание обилие ножевидных пластин самых различных размеров от микролитов до пластинок длиной 40—45 мм. Часть мелких ножевидных пластинок имеет по краю тонкую ретушь. Они могли употребляться в качестве вкладышей (рис. 2, 7—10). Небольшую группу составляют резцы на углу сломанной пластины (рис. 2, 19—21). Имеются в коллекции и сечения без ретуши и с ретушью (рис. 2, 15—18). Интересна проколка, изготовленная из длинной тонкой ножевидной пластинки с тщательно отретушированным острием по спинке и подработкой ретушью только колющего конца с брюшка (рис. 2, 27). Есть и небольшие острия из узких ножевидных пластинок с подработкой рабочего конца ретушью только с брюшка (рис. 2, 23—26). Наконечники стрел принадлежат разным видам. Есть наконечник на ножевидной пластинке вытянутых пропорций с подработкой ретушью черенка (кончик пера обломан; рис. 3, 1). Найдены плоский наконечник листовидной формы с ретушью только по краю (рис. 3, 2, 3), наконечник из более широкой ножевидной пластины с ретушью по краю и черешку (рис. 3, 4) и, наконец, наконечник с двусторонней ретушью (рис. 3, 17, 18). Нуклеусы конусообразные и призматические (рис. 3, 7, 8, 13).

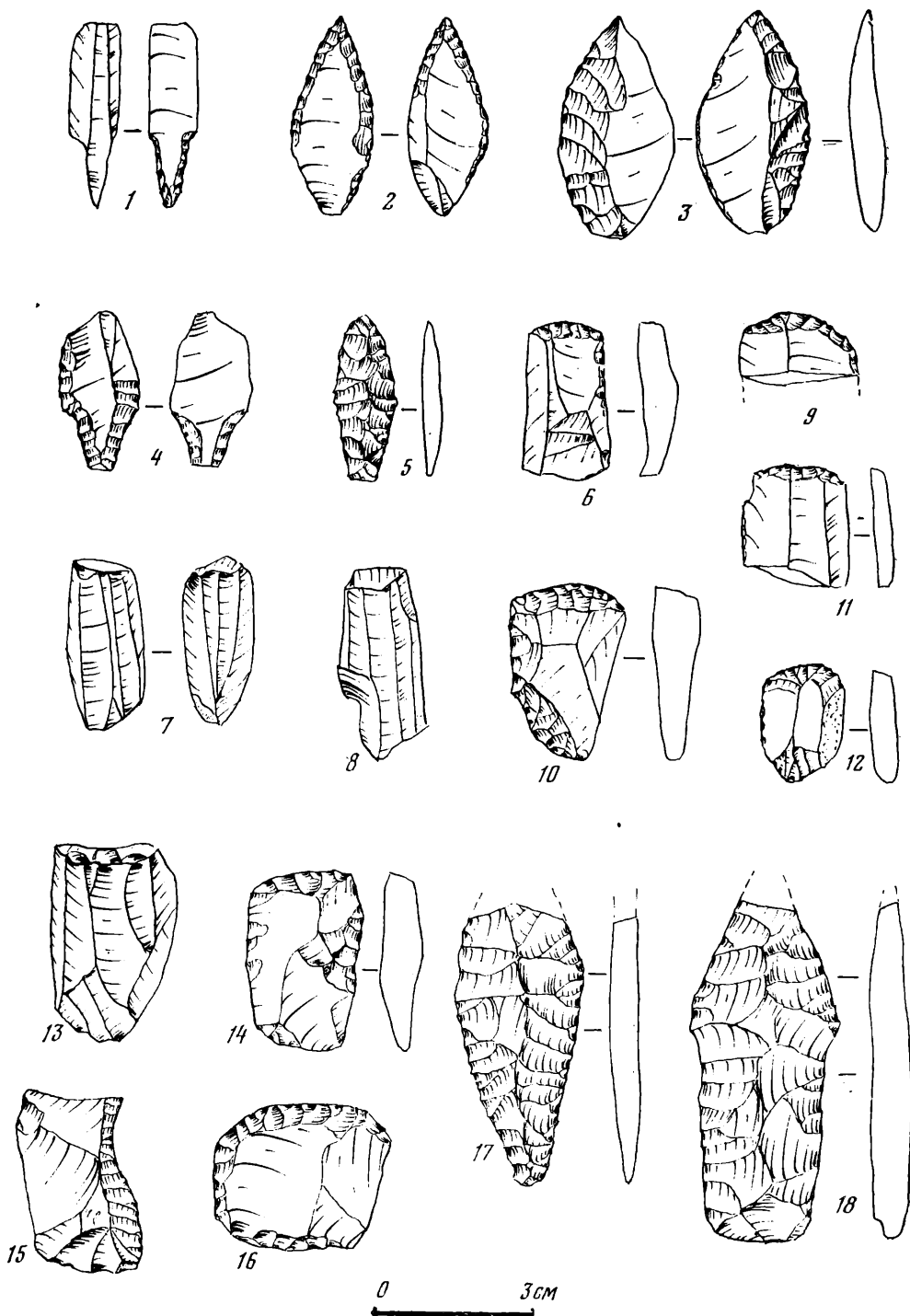

Рис. 3. Наконечники стрел, скребки и нуклеусы со стоянки Никола-Перевоз II, раскоп В (1—18)

Среди скребков можно выделить три типа. Основную часть составляют концевые скребки на ножевидных пластинах различных размеров (рис. 3, 6, 10). Часты мелкие скребки ранних форм (рис. 3, 9, 11), более редки скребки на отщепах (рис. 3, 14, 16). Резчики встречаются в единичных экземплярах (рис. 2, 22). Рубящие орудия представлены то-

пориками, обработанными оббивкой с подшлифовкой рабочего края (рис. 1, 8, 9). Один из них зашлифован почти по всей поверхности. Все рубящие орудия, за исключением одного топорика, имеют острые обушки.

Кремневые орудия изготовлены в основном из валунного кремня различного цвета — желтого, коричневого, красноватого, серого и др. Часть орудий сделана из кремня сиреневого цвета, характерного для верхневожских месторождений.

Рассмотренный кремневый инвентарь имеет ранние черты, что выражается в обилии ножевидных пластинок и орудий из них, в наличии резцов и сечений, в преобладании концевых скребков, наконечников стрел на пластинах и т. д.

Находки отдельных орудий с двусторонней обработкой не противоречат выводу о раннем облике инвентаря. Они напоминают кремневый инвентарь Суцевской стоянки, хотя и имеют несколько более поздний облик. Представляется, что и по керамике, и по кремневому инвентарю рассматриваемое поселение близко к Суцевской стоянке. Что касается небольшой группы гребенчатой керамики, то она не может быть сопоставлена с керамикой верхневожской культуры, так как в ее орнаменте полностью отсутствуют штриховые элементы и оттиски отступающей лопаточки. По характеру подобная гребенчатая керамика, видимо, сходна с протоволосовской.

Итак, местонахождение Никола-Перевоз II, пункт В весьма близко Суцевской стоянке, хотя, возможно, несколько моложе ее. Во всяком случае материал этого памятника еще раз свидетельствует, что для ранних поселений льяловской культуры характерен ранний пластинчатый кремневый инвентарь с орудиями микролитовидного типа.

¹ Жуков Б. С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых археологических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. — Этнография, 1929, № 1.

² Раушенбах В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры. — СА, 1964, № 2.

В. Н. МАЛЮКОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА КАМЧАТКЕ

В 1969 и 1970 гг. мы предприняли геоморфологические исследования в Карагинском р-не Камчатской обл., где удалось выявить ряд археологических местонахождений. Изучение местности велось на обнаженных участках, осыпях и обрывах, где и был собран подъемный материал.

Обследованный район простирается более чем на 45 км с севера на юг и на 15—16 км с востока на запад. На этой площади обнаружены 24 древние стоянки.

Найденный археологический материал (подъемный и взятый непосредственно из обнажений) состоит из каменных наконечников стрел и копий, ножей, скребков разных типов, фрагментов круглодонных сосудов, множества отщепов и отходов каменной индустрии, а также немногочисленных изделий из кости — наконечников стрел и острог. Каменные орудия изготовлены из обсидиана, халцедона, кремня, ро-

вика, кварцита, яшмы, базальта. Всего их более 2 тыс. По технике изготовления выделяются микролитические и макролитические изделия. Первые характерны для поселения Гэкэнгэйнэк (Горелые Сопки). На всех других стоянках преобладают макролиты.

Геоморфологически обследованный район можно разделить на три зоны. Первая — полоса суши, образовавшаяся сравнительно недавно, в ближайшие тысячелетия четвертичного периода. Более ранняя часть зоны имеет хорошо развитую почву, плотную задернованность, покрыта кедровым стланником, ольхой. Она более возвышена. Молодая часть зоны простирается по всему району исследования и непосредственно граничит с приливной полосой, часто не задернована. Почва неразвитая, ее покрывают лишайники и в низменных местах — зеленомошники. На возвышенностях в этой зоне обнаружены кольцевые валы. Типичным примером такого местонахождения служит район горы Пионерской.

Вторая зона удалена на 50 м и более от берега моря. Это круто возвышающаяся над уровнем первой зоны терраса, образовавшаяся в результате тектонического поднятия побережья во второй половине четвертичного периода. Высота террасы колеблется от 20 до 55 м. Площадь этой зоны очень обширна. Поверхность ее сплошь покрыта ледниковой мореной. Много озер, встречаются камы и озы. Древние стоянки находятся на вершинах этих холмов, обычно у озера, протоки или ручья (городища Тавэлянту, Гэкэнгэйнэк — в устье протоки из оз. Оссорского).

Третья зона низменная. Это болота или торфяники на месте ледниковых обширных озер. Археологические находки встречаются на тропах, ведущих к Срединному хребту через Гэкэнгэйнэк или гору Увалаваалану. Они состоят из обсидиановых обломков, видимо времени пережиточного неолита.

Многие из памятников, обнаруженных в устьях рек, размываются водой и требуют срочных раскопок.

Все найденные стоянки находятся в акватории Карагинского и Оссорского заливов, на берегах водных протоков. Здесь из одного залива в другой можно попасть водным путем непосредственно по проливу Литке. Но есть и другой водный путь — внутриконтинентальный — по Карагинскому заливу, по протокам р. Карага, по озерам Гэкэнгэйнэк к оз. Оссорскому, по протоке к устью р. Оссорка, по Оссорскому заливу к устью р. Оссора. Стоянки занимают весьма удобное положение для рыболовства во внутренних водах. В древности, когда уровень вод был выше, на месте нынешних болот и торфяников было еще больше озер.

Приводим краткое описание обнаруженных местонахождений.

Мыс Каюм представляет собой размываемую террасу высотой около 40 м над уровнем моря. На ней, в районе первого распадка со стороны с. Карага, собраны обсидиановые сколы. Рядом находится кольцевой вал, а в обрыве, на глубине 0,4 м — линзы нескольких кострищ. В обнажении видны слои торфа мощностью до 3 м. По словам старожилов, археологические находки встречаются по всему побережью мыса Каюм.

Сопка Дорожная имеет ледниковое происхождение. Она находится на север — северо-запад от с. Карага. Судя по наземным земляным сооружениям — кольцевым валам, в древности здесь было укрепленное городище. Об этом рассказывают и легенды карагинских коряков. Кольцевых валов и квадратных ям более десятка. На поверхности и в осыпи обнаружено много черепков круглодонной посуды с отпечатками сетки, есть предметы из кремня и обсидиана — в основном отходы каменной индустрии. Найдены наконечники стрел и копий из костей морского зверя.

На «опытном участке старого интерната» на площади 50×80 м встречены осколки обсидиана и кремня.

На юго-западном берегу Карагинской косы (Рарарынин), в 400 м от с. Карага, на стыке старой части косы с новой, находится наполовину

размытый водами залива кольцевой вал высотой 0,5 м, диаметром 8 м. Здесь найдены кремневые отщепы и обнаружена линза костра. Один кремневый скребок имеет нуклеидную форму. Культурный слой достигает мощности 40 см.

Ямэлкэн — вспаханный участок (700×40 м), который находится на косе Рарарынын (на берегу залива Сэссан) в пределах с. Карага. Среди каменных орудий — остроконечники, наконечники стрел, копий, концевые и боковые скребки, ножи, каменные пришлифованные топоры. Культурный слой не прослежен, но возможно, что он сохранился в юго-западном конце поселка, где нет пашни. Примерно посредине этой территории на поверхности найдено три крупных орудия, выполненных в технике грубой оббивки и скола. Размеры их 12—20 см, материал — вулканический туф, брекчия и кварцит. Это, по-видимому, самые древние находки в Ямэлкэн. Типологически концевые скребки близки корякским концевым скребкам для обработки шкур, а наконечники копий из обсидиана сходны с наконечником ромбовидной формы с четырьмя вогнутыми боковыми лезвиями и двумя сильно выступающими боковыми вершинами. По словам старожилов, такой наконечник мог служить гарпуном для охоты на морского зверя. Большое количество отщепов, преимущественно обсидиановых, говорит о том, что изделия изготовлялись на месте стоянки. На протяжении всего 600-метрового поля у берега сохранилась неспаханная полоса шириной 5—7 м, где хорошо прослеживаются культурный слой и линзы кострищ.

Холм в 200 м к востоку от городища Тавэлямту (Зеленая Сопка) находится на берегу залива Сэссан по дороге на Ынныткин. У подножия холма найдены крупные отщепы кремня; на вершине — большие ямы, видимо следы жилищ.

Городище Тавэлямту находится на ледниковой террасе высотой около 50 м. С юга она омывается заливом Сэссан, а с севера примыкает к поднятию Кэсвэм-Кэтвым. Терраса частично является боковой мореной. В настоящее время это правый борт ручья, текущего по дну широкой, но короткой долины. Городище расположено на трех уровнях на высоте 85, 50 и 20 м над водой залива. Верхний уровень имеет четыре кольцевых вала диаметром до 20 м (остатки древних корякских землянок) и следы укреплений — рвов. На среднем уровне — три кольцевых вала. На нижнем — четыре.

Одно из древних жилищ на краю самой верхней террасы интенсивно разрушается, примерно четверть кольцевого вала превратилась в обрыв. В обнажении высотой 20 м прослеживается культурный слой с горизонтами кострищ, бревен, морской травы, обгорелых ракушек, бересты, соломы.

В верхних горизонтах найдено много обломков толстостенной круглодонной глиняной посуды. Керамика двух- и трехслойная. Встречаются черепки с оттисками сетки. Найден один фрагмент с гребенчатым отпечатком. На многих венчиках бывают отверстия. Среди керамики есть один светильник — чуть больше современной столовой ложки.

В горизонтах, находящихся ниже, встречены орудия из рога оленя, костяные наконечники из ребер какого-то животного с выпиленными зубринами, кости нерп и других морских животных. Ниже найдены обсидиановые и кремневые наконечники стрел и копий, концевые скребки и небольшое количество обсидиановых микролитов. Культурный слой до конца не прослежен.

Судя по технике обработки камня, керамике, шлифованным топорам, многочисленным микролитам и орудиям из костей морских животных, на стоянке должны быть мезолитические и неолитические комплексы. Среди подъемного материала немало находок пережиточного неолита.

Только одну из стоянок — Тавэлямту — удалось точно датировать радиоуглеродным методом. Получена дата — 7240±90 лет до наших дней.

Находки костей морских зверей, острог из ребер животных, слои морской травы и ракушек свидетельствуют о том, что древние жители Тавлямту занимались морским промыслом.

Бунныткин (Рыбная коса) — удобное, издавна обжитое место, где рыбачат с конца апреля до поздней осени. По всей косе встречаются кремневые отщепы и сколы, а на месте одной землянки найден шлифованный топор из сланца. На косе, ближе к «материковой земле», на обрывистом берегу под дерном прослеживаются линзы кострищ, около которых найден массивный (диаметр 12 см) светильник из базальта.

Гэкэнгэйнек — древнее поселение, простирающееся на 1,5 км вдоль дороги, проходящей по морейным холмам последнего оледенения. На холмах обнажены многочисленные кострища и культурные слои. Максимальная мощность культурного слоя несколько более 0,5 м. Холмы были когда-то заселены. На них собрано 83 предмета каменной индустрии — наконечники стрел и копий, нуклеусы, скребки, более тысячи отщепов и сколов, а также керамика. Культурный слой на вершинах холмов имеет небольшую мощность и интенсивно разрушается. Большинство холмов увенчано невысоким (не более 0,5 м) кольцевым валом. Возможно, что валы являются остатками древних разрушенных полуземлянок или местом, на котором длительное время стояла яранга. Диаметр их колеблется от 10 до 19 м. Два таких земляных сооружения из 12 имеют форму эллипсов.

Изделия большей частью встречаются на вершинах холмов. Судя по находкам, взятым непосредственно из обнажений, орудия микролитического облика лежат глубже, чем крупные изделия. Геологические породы, из которых они изготовлены, — халцедон, красноцветная яшма, кремнь, изредка обсидиан. Находки представлены халцедоновыми наконечниками в форме треугольника, микролитами из яшмы красного цвета, из полуопала, кремневыми наконечниками для охоты на птиц, микронуклеусами из обсидиана, халцедоновыми наконечниками с плоским, но плавно закругленным концом, микролитами. Ножевидные пластинки очень часты. Размеры их до 3 см. Найдены также сверла из розового кварца. Более крупные орудия встречаются редко. Все они сделаны из обсидиана. Это главным образом листовидные ножи, обработанные техникой отжимной ретуши, концевые и боковые скребки. Размеры их около 6 см. Ближе к поверхности, часто на обочине дороги, в дерновом слое стоянок, найдены обломки толстостенных двуслойных круглодонных сосудов. На внешней поверхности некоторых из них сохранились отпечатки сетки.

Из проблем, связанных с Гэкэнгэйнек, особенно интересна проблема преемственности культур микро- и макротехники и связи их с культурой пережиточного неолита карагинских коряков. Этот вопрос может быть разрешен только в результате раскопок памятников.

На тропе, идущей через Гэкэнгэйнек к Срединному хребту, в 200 м от последнего холма, найдено несколько десятков сколов из обсидиана.

У северной части оз. Оссорского, в 60 м от Гэкэнгэйнек, найдено несколько десятков сколов из кремня, обсидиана и кварца.

На футбольном поле в 150 м от оз. Оссорского обнаружены два обсидиановых ножа, наконечник стрелы из обсидиана длиной 1 см и обсидиановый концевой скребок.

На берегу оз. Оссорского найдено несколько микропластинок из обсидиана неправильной трехгранной формы.

На правом берегу протоки, вытекающей из оз. Оссорского в Оссорский залив, на огородах найдены обсидиановые концевые скребки, наконечники стрел, ножевидные пластинки, микролиты.

В 5 км к востоку от ст. Оссора, на дороге к горе Увалаваалана, найдено около десятка обсидиановых и кремневых отщепов, два из них ретушированы.

На холме, на берегу протоки из оз. Оссорского, обнаружено четыре кольцевых вала — остатки жилищ. На поверхности найдено множество сколов обсидиана и кремня и обломки глиняных толстостенных сосудов очень плохой сохранности. Высота холма над уровнем моря до 3,5 м. От ближайшей береговой террасы он находится на расстоянии 80—90 м.

На левом берегу протоки из о. Оссорского, у устья, на 4-хметровой возвышенности найдены концевые обсидиановые скребки, кремневые наконечники стрел, микролиты, халцедоновый концевой скребок, сколы обсидиана. Культурный слой мощностью до 30 см залегает под слоем торфа мощностью 0,8 м, что говорит о древности памятника.

На террасе левого берега р. Оссорка найдено свыше 100 осколков обсидиана.

В 2 км к северу от пос. Оссора, на берегу Оссорского залива, на холме обнаружены отходы из кремня, обсидиана, кварца и несколько ретушированных кремневых пластинок.

В 1 км к югу от устья р. Оссора, на прибрежном холме в 30 м от береговой террасы обнаружены следы изготовления орудий из обсидиана, сколы, микролиты.

У Карагинского перевала, в 10 км к югу от пос. Оссора, открыты на берегу ручья две стоянки. На одной из них, на изолированном 15-метровом холме, — следы древнего жилища в виде обширной задернованной впадины. Вторая стоянка находится на 20 м ближе к перевалу. Здесь в развалинах жилища найдена масса кремневых и обсидиановых сколов, а также три концевых микроскребка, выполненных на отщепках.

На берегу Оссорской лагуны, в 60—70 м от горы Пионерской, обнаружено пять стоящих рядом кольцевых валов.

Три кольцевых вала найдены восточнее (примерно в 1,5 км) предыдущей стоянки.

Помимо перечисленных здесь памятников, в окрестностях с. Анапка известны развалины жилища из дикого камня такого типа, о которых упоминает Р. Пири, описывая эскимосов Гренландии, а на о-ве Карагинском, на глубине 70—80 см, найдены крупные каменные топоры и тесла.

В. И. ТИМОФЕЕВ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Каменный век крайней южной части Восточной Прибалтики (Калининградская обл.) еще слабо изучен¹. Немецкими археологами (В. Гэрте, К. Энгель, Х. Гросс, Л. Килиан) в восточной части современной Калининградской обл. были отмечены находки, относящиеся к различным периодам каменного века, однако раскопки проводились на низком методическом уровне (К. Штади), полностью отсутствовали поиски памятников. Первые систематические исследования памятников каменного века были проведены в послевоенные годы Н. Н. Гуриной², и это можно считать началом нового этапа в их изучении. В 70-х годах мы продолжили эти исследования. В настоящей статье рассматриваются результаты работы Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1972, 1974—1977 гг.

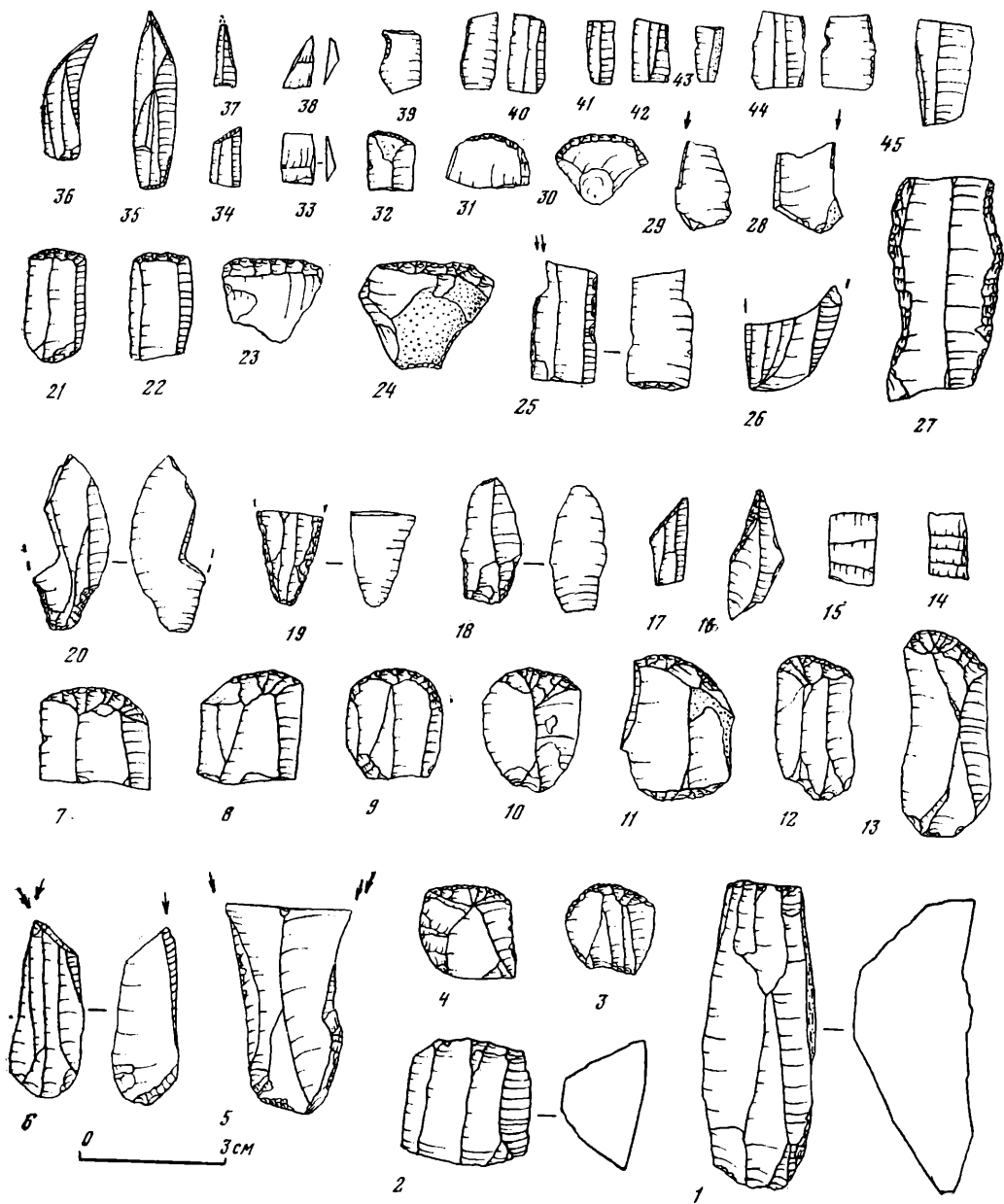

Рис. 1. Кремневые орудия раннего (1—20) и позднего (21—45) мезолита

1 — Тушино III; 2—15, 17, 19, 20 — Никольское IV; 16, 18 — пункт 39; 21, 23, 35 — Ливенское III; 22, 24, 26, 27—29, 32, 34, 36—38; 41—44 — Тальники; 25, 30, 33, 39, 40 — Ливенское I; 28 — Ливенское IIIA; 31, 45 — Ливенское IV

Большая часть известных к настоящему времени мезолитических памятников расположена в северо-восточной части области, в бассейне р. Шешупе. Типология кремневого инвентаря и топография позволяют разделить памятники на две группы. К более ранней относятся стоянки и местонахождения у сел Никольское (пункты I—IV), Лесное, Рябиновка, Тушино (пункты 3, 4). На стоянке Никольское IV были проведены стационарные работы (вскрыто 64 кв. м).

Для орудий этих памятников (рис. 1, 1—20) характерны концевые скребки, обычно укороченных пропорций, изготовленные на фрагментах и сечениях довольно массивных пластин и на отщепках с продольными

гранями на спинке, реже — удлиненные, на пластинах и пластинчатых отщепах. Встречаются двойные концевые скребки. В меньшем количестве представлены скребки с круговой ретушью, а также на отщепах случайной формы. Резцов значительно меньше, чем скребков, среди них имеются многофасеточные, срединные, боковые, угловые. Единичны ланцетовидные острия. Наконечники стрел изготовлены на довольно толстых пластинках, слабовыделенный черешок оформлен ретушью лишь со стороны спинки (рис. 1, 19, 20). Среди пластин преобладают более крупные, широкие (0,8—2,2×2—6 см), часто неправильной огранки. Встречаются и мелкие тонкие микропластинки. Нуклеусы призматические, одноплощадочные, обычно односторонние, и двуплощадочные, со скошенными площадками, напоминающие свидерские. Характерно расположение стоянок на различных уровнях второй надпойменной террасы. Стоянки этой группы предварительно можно отнести к раннему мезолиту — эпилеолиту. В дальнейшем, возможно, среди них будут выделены комплексы и финальнопалеолитического времени.

Более позднюю группу составляют стоянки и местонахождения у сел Ливенское (пункты 1, 3, 3а, 4) и Тальники на р. Шешупе, а также местонахождения на западном берегу оз. Виштынецкого и на р. Прегель в районе г. Знаменск. На стоянке у с. Тальники проведены небольшие раскопки (24 кв. м). Для кремневого инвентаря (рис. 1, 21—45) характерны тонкие пластинки правильной формы, скребки, концевые и изготовленные на отщепах случайной формы, а также на мелких пластинках, угловые резцы. Имеются сечения, в том числе высокие и ланцетовидные острия на микропластинках. Нуклеусы призматические, косоплощадочные отсутствуют. Кремневые изделия обычно слабоплатинизированы. Стоянки расположены невысоко над урезом воды, на р. Шешупе — на различных участках 7—8-метровой первой надпойменной террасы.

Материалы пока немногочисленных мезолитических памятников в целом дают первое представление о кремневой индустрии мезолита в междуречье Немана и Прегеля, ранее известного лишь по случайным находкам в торфяниках костяных орудий кундского облика.

Наиболее ранние неолитические памятники на рассматриваемой территории пока еще не открыты³. Развита неолит в восточной части Калининградской обл. известен по материалам торфяниковых стоянок Цедмар-Серово (пункт А) и Утиное Болото 1.

Неолитические стоянки серовской группы (Цедмар) вошли в литературу в результате работ К. Штади в 1905—1914 гг., однако несовершенный методический уровень раскопок, утрата коллекций и документации породили впоследствии целый ряд неясностей в понимании памятников, противоречивость мнений об их культурной атрибуции, стратиграфии и хронологии. В 1961 г. Н. Н. Гурина установила наличие здесь культурного слоя. В 1969 г. небольшие работы на стоянке Цедмар Д были проведены П. М. Долухановым и нами, с 1974 г. стационарные раскопки проводятся нами.

Работы показали одновременность неолитических поселений Цедмарского торфяника, ранее рассматривавшихся как единое целое.

Комплекс материалов развитого неолита установлен на поселении Цедмар А, расположенном на берегу острова («суходола») в северной части торфяника. Общая площадь раскопа 200 кв. м. Неолитический слой связан с песчаной прослойкой, залегающей на глубине до 1 м от поверхности. В толще перекрывающих ее отложений наблюдаются прослойки торфа или сапроделя, отмечающие периоды изменения водного режима и заболачивания древнего озера. В этих прослойках отмечены отдельные находки шнуровой керамики раннего облика (напоминающей жуцевскую). Выше, в слое песка, залегают остатки поселения поздней фазы культуры шнуровой керамики. Песок перекрыт слоем торфа, отложение которого соответствует времени окончательного заболачивания водоема.

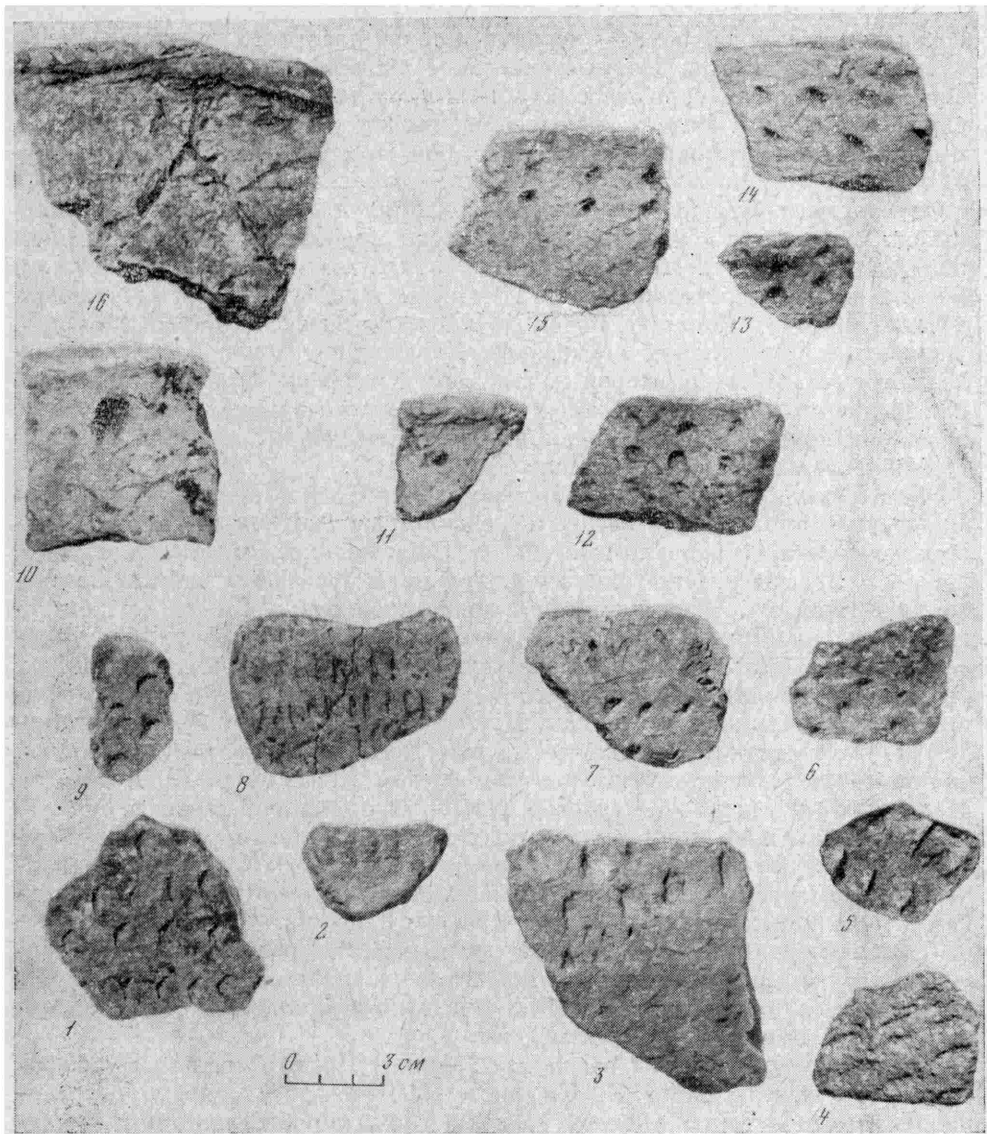

Рис. 2. Неолитическая керамика

1—3, 7—11, 16 — Цедмар А; 4—6, 12—15 — Утиное Болото 1

Неолитический культурный слой прорезают остатки толстых деревянных кольев, вертикально впущенных в материк на глубину до 0,5—0,6 м.

В комплексе находок преобладают фрагменты тонкостенной легкой керамики. В тесте ее — обильные примеси мелкотолченой раковины и растительные. Иногда внешняя поверхность фрагментов имеет ярко-желтый цвет, что объясняется, очевидно, внешними причинами — условиями их залегания. Внутренняя поверхность обычно заглажена. В редких случаях отмечены следы расчесов, сделанных инструментом наподобие гребенчатого штампа. Около 30% фрагментов сосудов содержат обычно незначительную неорганическую примесь. Сосуды имели прямой или слабопрофилированный венчик, отогнутый наружу. Они украшены обычно только по верхней части тулова ямчатыми вдавлениями различной формы, иногда «вырытыми», наколами, насечками, прочерченными линиями (рис. 2).

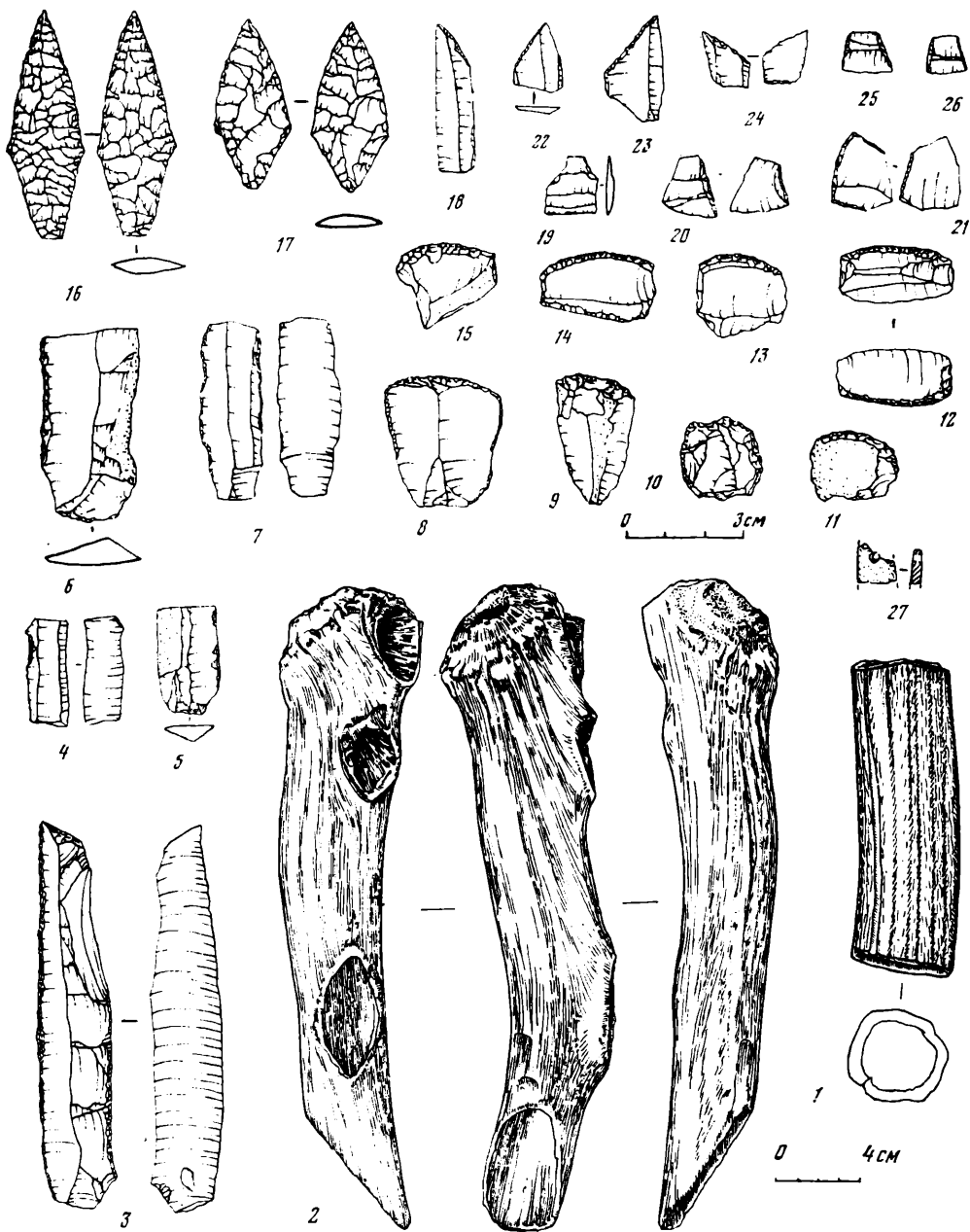

Рис. 3. Изделия из рога (1, 2), кремня (3—26) и янтара (27)
 1, 2, 6, 7, 15—19 — Цедмар А; 3—5, 8—14, 20—26 — Утинное Болото 1

Найдены фрагменты плоских дниц (в том числе развал дна крупного сосуда с обильной примесью в тесте мелкотолченой раковины).

Своеобразны орудия из рога благородного оленя — крупные муфты с отверстиями для крепления в рукояти, тесла, костяные наконечники стрел — один по форме близок игловидным, другой — мелкий, уплощенный, укороченных пропорций с прямым основанием. Кроме того, найдены проколки, а также полый предмет из крупного обрезанного с двух концов и очищенного от губчатого вещества рога благородного оленя (рис. 3, 1).

Прочий инвентарь представлен небольшим количеством изделий из темного мелового и цветного кремня. Среди кремневых орудий — несколь-

ко скребков на отщепах, наконечники стрел (два — ромбической формы, один — сердцевидный, оба двустороннеобработанные), ланцетовидные острия, пластины с ретушью (рис. 3). Имеются янтарные украшения — подвеска трапецевидной формы с вогнутым основанием и фрагмент пуговицы с V-образным сверлением. Фаунистические остатки содержат кости благородного оленя, тура, лося, кабана, косули, медведя, **рыси**, а также рыб и птиц.

Другой комплекс, относящийся к ранней и средней поре неолита, происходит с торфяникового поселения Утиное Болото 1, открытого в 1975 г. примерно в 50 км к северо-востоку от Цедмарского торфяника, близ пос. Добровольск Краснознаменского р-на. Поселение расположено на южном берегу обширного, вытянутого в широтном направлении, заболоченного понижения, ныне осушенного мелиоративными работами. Культурные остатки неолитического времени залегают на плотном алевролите зеленоватого цвета и перекрыты слоем торфа мощностью до 0,5—0,6 м. Работами 1975 и 1976 гг. вскрыто 424 кв. м. Неолитические материалы в культурном слое располагались скоплениями, вблизи хозяйственных ям и мест расщепления кремня. Некоторые скопления, возможно, связаны с наземными жилищами.

Ранний керамический комплекс представлен фрагментами тонкостенных сосудов с примесями в тесте мелкотолченой раковины и растительными. Сосуды имели прямой, иногда утолщенный с внутренней стороны или слабоотогнутый наружу венчик и плоское дно. Орнамент наносили преимущественно по верхней части, прилегающей к венчику, и иногда — по придонной. В основном это ямчатые вдавления, насечки, поставленные обычно вертикально, наколы, изредка — оттики веревочки, намотанной на палочку, или гладкого штампа (рис. 2). Характерны мелкие округлые ямчатые вдавления, расположенные горизонтальными рядами параллельно краю венчика (рис. 2, 12—15).

Кремневый инвентарь, сырьем для которого служил высококачественный темный меловой кремень, многочислен (около 4 тыс. предметов). Большую часть коллекции составляют заготовки и отходы производства — отщепы, чешуйки, сколы, а также осколки желваков. Пластин около 500, преобладают ножевидные средних размеров, довольно правильной формы. Наиболее крупные из них достигают 2—2,5×7—10 см. Среди орудий много (около 150) скребков. Большинство изготовлено на отщепах, в том числе первичных (с желвачной коркой на спинке), но имеются и концевые — на довольно крупных широких пластинах (рис. 3, 8—11). Особую группу составляют боковые скребки с выпуклым рабочим краем, оформленным по длинной боковой грани, на удлинённых отщепах или пластинах (рис. 3, 12—14). Резцы единичны, исключительно на углу сломанной пластинки. Очень выразительна группа острий (около 40) со скошенным краем («ланцеты», по терминологии Р. К. Римагтене), изготовленных на пластинах, их фрагментах, сечениях пластин и тонких отщепах. Мелкой притупляющей ретушью оформлен обычно лишь их круто скошенный край, реже ретушировано и основание изделия (рис. 3, 22—24). Прием оформления лезвия яниславицким резцовым сколом не характерен. Небольшую группу (8) составляют трапеции, в большинстве мелкие, симметричные (рис. 3, 25, 26). Найден один фрагментированный свидероидный накопечник на тонкой ножевидной пластинке. Рубящие орудия представлены сланцевыми тонкообушными полностью зашлифованными овальными в поперечном сечении топориками.

Орудия из кости немногочисленны: серия лоцил на кусках трубчатой кости и рога и крупное острие из массивной трубчатой кости, использовавшееся как лоцило (по трасологическому определению А. К. Филиппова).

Из янтарных изделий отметим две мелкие пластинчатые подвески трапецевидной формы (рис. 3, 27).

Таблица

Черты сходства и различия памятников локальных вариантов нарвской (нарвско-неманской) культуры и неолитических стоянок Калининградской обл.

Памятники	Две формы сосудов (горшок и миска)	Примеси в тесте толченой раковины и растительности	Украшение сосудов преимущественно по верхней части тулова	Ямчатый орнамент	Гребенчатый орнамент	Костяная индустрия кундских традиций и техника распила кости	Янтарные украшения	Плоскородонные сосуды
Эстония (Нарва-Рийгикюля, Нарва-Кяэла)	+	+	+	+	+	+		
Восточная Латвия (Оса, Звейсалас)	+	+	+	+	+	+		
Северо-Западная Литва и Латвия (Сарнате, Швянтойи)	+	+	+	+			+	
Цедмар А		+	+	+			+	+
Утиное Болото 1		+	+	+			+	+

Среди многочисленных фаунистических остатков определены кости тура, кабана (преобладающие виды), лося, косули, благородного оленя, медведя, куницы. Судя по радиоуглеродной дате — 4870 ± 230 лет тому назад (ЛЕ-1231), неолитический комплекс Утино Болото 1 может быть отнесен к первой половине III тысячелетия до н. э., т. е. к концу раннего или к развитому неолиту.

Таким образом, для неолитических памятников крайней южной части Восточной Прибалтики характерна керамика с примесями в тесте толченой раковины и растительными, украшенная преимущественно по верхней части тулова сосудов ямчатыми вдавлениями и насечками. Эти признаки сближают раннюю керамику Цедмара А и Утино Болото 1 с сосудами памятников нарвской, или нарвско-неманской, культуры (или этнокультурной общности), особенно в ее западном варианте (табл.).

Однако в материалах ранних памятников нарвской культуры неизвестны пока плоскородонные сосуды.

Кремневый инвентарь неолитических памятников Калининградской обл. (наиболее выразительный в комплексе Утиное Болото 1) отличен от наборов орудий Сарнате и ранних стоянок Швянтойи. Кремневая индустрия Утино Болото 1 более близка материалам позднемезолитических памятников микро-макролитической культуры Литвы (прежде всего по ланцетам и трапециям), на основе которой, возможно, она и сформировалась. Керамика с примесями в тесте толченой раковины и органики, украшенная ямчатыми вдавлениями, наколами и насечками, характерна, помимо нарвских, и для немногочисленных пока ранне-неолитических памятников Юго-Восточной Литвы, относимых Р. К. Римантене к особой верхне-неманской культуре. По-видимому, вопрос о культурной атрибуции неолитических памятников восточной части Калининградской обл. следует пока оставить открытым.

На большей части Северо-Восточной Прибалтики изготовление нарвской керамики прекратилось с приходом носителей гребенчато-ямочной керамики. На рассматриваемой территории продолжалось, по-видимому, дальнейшее развитие местной культуры. Это отчетливо заметно на материалах поздне-неолитического поселения Цедмар (Серово) Д. Оно расположено на северном берегу Цедмарского торфяника, примерно в 200 м от поселения Цедмар А, и занимает более высокий участок берега древнего водоема. Культурный слой залегает в нижней части слоя песка, отложе-

ние которого относится, по данным спорово-пыльцевого анализа, к суббореальному периоду. Работами 1969, 1974, 1975, 1977 гг. вскрыто в общей сложности 420 кв. м. В культурном слое отмечены скопления камней и остатки нескольких деревянных кольев, впущенных в материк.

Керамический комплекс представлен фрагментами сосудов с примесями органики и толченой раковины (около 15%). Но преобладает (около 85%) керамика с неорганическими примесями (в более раннем неолитическом слое Цедмара А — соответственно 70 и 30%). Таким образом, здесь, так же как и в сосудах Северо-Западной и Юго-Восточной Литвы, наблюдается постепенная замена органических и раковинных примесей, неорганическими. Сосуды имели прямой или профилированный, часто резко отогнутый наружу венчик, обычно плоское, в единичных случаях острое дно. На внутренней поверхности их видны следы заглаживания или расчесов. Орнамент, нанесенный преимущественно по верхней части тулова, еще очень близок орнаментике сосудов Цедмара А и Утиног Бэ-лота 1. Преобладают фрагменты сосудов, украшенных мелкими ямчатыми вдавлениями, насечками, наколами, но встречаются и новые, не характерные для более ранней керамики узоры (широкие неглубокие ямки, иногда вдавления пальцев, рельефный валик, сложные косоугольные композиции, образованные прочерченными линиями). Найдено несколько фрагментов гребенчатой керамики⁵.

Среди костяных изделий — разнообразные рубящие орудия и муфты из рога благородного оленя, проколки и острия из трубчатых костей, крючок для вязания сетей, костяные наконечники (втульчатые и игловидной формы). Кремневые изделия немногочисленны — это скребки на отщепе, ножевидные пластинки, один наконечник, по форме близкий к сердцевидному. Рубящие орудия представлены мелкими сланцевыми топориками. Встречены янтарные подвески. Фаунистические остатки содержат обломки костей тура, благородного оленя, кабана, косули, лошади, лося, волка, собаки, а также птиц и рыб.

Радиоуглеродным методом стоянка датируется последней четвертью III тысячелетия до н. э.: 4180 ± 50 , 4240 ± 90 , 4220 ± 80 лет тому назад (JE-848, 1176, 1181), т. е. возможно, она сосуществовала с памятниками культуры шнуровой керамики Юго-Восточной Прибалтики, датированными по C^{14} тем же временем (Швянтойи: 4120 ± 80 лет тому назад (TA-246); 4100 ± 100 лет тому назад (VS-22), или непосредственно им предшествовала, что более вероятно.

Вопрос о соотношении комплексов поздненеолитического Цедмара и культуры шнуровой керамики сложен. До последнего времени шнуровая керамика в восточной части Калининградской обл. была представлена отдельными находками. В 1974 г. на левом берегу р. Шешупе, близ с. Тушино Краснознаменского р-на нами было раскопано поселение с чистым комплексом шнуровой керамики раннего облика. Сосуды Тушина украшены горизонтальными рядами тонких оттисков шнура, полностью отсутствуют «елочный» узор и орнаментация налепным валиком. Типологически и по топографическим данным (стоянка расположена на высокой второй надпойменной террасе реки, что позволяет датировать ее по схеме, разработанной Р. К. Римантене, временем третьей литориновой трансгрессии) комплекс Тушина относится к позднему неолиту, т. е. ко времени около рубежа III—II тысячелетий до н. э. Аналогичная керамика раннего облика, украшенная исключительно рядами тонких оттисков шнура, была обнаружена и в одном из скоплений находок на стоянке Утиног Бэ-лота 1 (оно локализуется в западной части раскопанной площади). В данном случае (по той же схеме Р. К. Римантене) топографическое положение указывает на время, предшествующее третьей литориновой трансгрессии. Таким образом, в позднем неолите конца III тысячелетия до н. э. в восточной части территории Калининградской обл. существовали две археологические культуры. Одна из них была оставлена, видимо, потомками

ранненеолитического населения, другая — носителями культуры шнуровой керамики. Выяснение их взаимоотношений представляется важной проблемой дальнейших исследований.

¹ Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита (МИА, № 172). Л., 1973, предисловие.

² Исследования Н. Н. Гуриной производились в 1948, 1958 и 1961 гг. См. материалы в архивах ИА и ЛОИА АН СССР. В эти годы были открыты мезолитические стоянки у сел Рябиновка и Лесное на р. Шешупе, у Садовой МТС в Гусевском р-не и др., а также проведены работы на Цедмаре.

³ Тимофеев В. И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики.— КСИА, 141, 1975, с. 22—24.

⁴ Здесь и далее фаунистические определения Н. М. Ермоловой.

⁵ Долуханов П. М., Тимофеев В. И., Левковская Г. М. Стоянка Цедмар Д в Калининградской обл.— КСИА, 141, 1975.

Т. А. ПОПОВА

ХРОНОЛОГИЯ ПОЛИВАНОВА ЯРА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из основных достижений археологической науки является установление возраста разновременных памятников с помощью применения новейших методов исследования. При хронологических разработках археологических культур привлекается по возможности целый ряд методов в их совокупности¹.

В этом плане большие успехи достигнуты в области изучения трипольской культуры — одной из самых выдающихся цивилизаций Восточной Европы эпохи энеолита. Среди трипольских памятников особое место занимает поселение Поливанов Яр благодаря его редкой многослойной стратиграфии. Как известно, заслуга открытия и изучения лучшего из стратифицированных памятников Триполья на территории СССР принадлежит Т. С. Пассек. Полевые исследования Поливанова Яра, расположенного у с. Молодово Кельменецкого р-на Черновицкой обл., проводились в 1948—1951 гг. Раскопками было установлено стратиграфическое залегание трех слоев трипольского времени, которые Т. С. Пассек датировала этапами VI (нижний слой — Поливанов Яр III), VII (средний слой — Поливанов Яр II), VII (верхний слой — Поливанов Яр I) своей периодизации². Позже, по предложению Т. С. Пассек, мы продолжили изучение богатейших материалов этого уникального памятника³. При этом мы полностью сохранили маркировку, установленную Т. С. Пассек.

При анализе материалов Поливанова Яра был использован комплекс различных методов, как традиционных, так и новых. К первым из них относится типологическая классификация разнообразных комплексов жилищ в сочетании с данными четкой вертикальной стратиграфии — типолого-стратиграфический метод. При обработке массового материала — керамики, кремневых, каменных, костяных орудий и изделий — был применен статистический метод, но, к сожалению, без машинной обработки. Широко был использован сравнительный материал — привлечение аналогий, поиск хронологических созвучий в среде многочисленных памятников культуры Кукутень—Триполье на территории СССР и Румынии.

Особо следует подчеркнуть получение радиоуглеродной даты для нижнего, древнего слоя — поселения Поливанов Яр III. По данным Гронингенской лаборатории (Голландия) это 3490 ± 70 лет до н. э.⁴ Сама дата

выглядит, безусловно, заманчиво, но она остается пока единственной, и это не дает возможности провести сопоставления и вынести окончательное суждение относительно абсолютных датировок остальных слоев (поселков) Поливанова Яра.

Г. Ф. Коробкова трасологическим методом провела исследование многих орудий труда из кремня, камня и кости, происходящих из всех слоев памятника. В результате такого анализа появилась возможность дать функционально-экономическую интерпретацию орудий труда, выделить новые для Поливанова Яра типы орудий, а самое главное — более углубленно и обоснованно показать состояние древней экономики на различных этапах существования поселений Поливанова Яра.

Ценным для изучения этого памятника следует считать результаты анализов видового состава злаковых культур, определенных З. В. Янушевич по отпечаткам зерен на керамике, статуэтках и обмозке жилищ. Представляют интерес и свидетельства о собирательстве — обнаруженные на керамике отпечатки косточек терна и дикой черешни. Данные трасологического исследования и палеоботаники⁵ приобретают важное значение для характеристики и реконструкции палеоэкономики не только Поливанова Яра, но и трипольского общества в целом.

Кроме того, были использованы данные палеозоологии — определение остеологического материала (проведенное ранее В. И. Бибиковой), данные анализа образцов угля (Г. В. Козий), результаты спектрального и металлографического анализа медных изделий (Б. А. Колчин, В. Г. Корицкий, Н. В. Рындина).

Анализ материалов Поливанова Яра с учетом всех перечисленных методов позволил уточнить относительную хронологию каждого из горизонтов, а также заключить, что этот памятник занимает ключевое положение среди поселений, оставленных энеолитическими племенами Юго-Восточной Европы.

Нижний слой поселения на основании многих данных был подразделен нами на два строительных горизонта — Поливанов Яр III₁ и Поливанов Яр III₂⁶. Первый из них отражает малоизученный вариант этапа VI, представляющий переходную фазу от Триполья А к этапу VI, второй — собственно этап VI развития трипольской культуры. Исследование соотношения различных групп керамики в комплексах жилищ наряду с другими данными позволило разработать микрохронологию не только для нижнего горизонта Поливанова Яра, но и для этапа Триполья VI периодизации Т. С. Пассек. В связи с этим представляется своевременным и целесообразным предложить хронологическое деление памятников этапа VI на три фазы: VI₁, VI₂, VI₃⁷. К фазе VI₁ следует причислить памятники типа Поливанов Яр III₁, относящиеся, как указано выше, к переходному времени от Триполья А к этапу VI и синхронные раннекукутенским (Кукутень А₁, А₂). Поселение Поливанов Яр III₁ можно сравнить с Городницей-Городищем (нижний горизонт) в Верхнем Поднестровье, Новыми Русештами I (нижний горизонт трипольского слоя) в Молдавии, а также с Извоаре II₁ и Фрумушикой в Румынии. К фазе VI₂ относятся памятники типа Поливанов Яр III₂, которые сопоставимы с поселениями времени Кукутень А₃. Ближайшими аналогиями являются трипольские поселения Новые Русешты I (верхний горизонт трипольского слоя), Березовская ГЭС, а из кукутенских — Извоаре II₂, Хабэшеть, Кукутень-Бейчень. В фазу VI₃ следует включать памятники типа Незвиско (нижний горизонт), синхронные поселениям Кукутень А₄.

Фрагменты импортной керамики ариушдского типа, обнаруженные среди материалов Поливанова Яра III₁ (наземное жилище 1), а также в комплексах поселений Лука-Врублевецкая⁸ и Берново-Лука⁹, позволяют поставить вопрос о частичной синхронизации памятников самого конца раннего Триполья и начала этапа VI с протокукутенской культурой Румынии¹⁰.

Дата первого поселка — Поливанова Яра III₁ — определяется серединой IV тысячелетия до н. э., второго — Поливанова Яра III₂ — второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Для трипольской культуры еще нет серий радиоуглеродных дат. Всего лишь несколько дат установлено для рассматриваемого периода. Первое поселение в Поливановом Яру датируется по дате Поливанова Яра III₁: 3490±70 лет до н. э. Кроме того, близки даты Новых Русецт I — 3620±100 лет до н. э.¹¹, а также поселения Тырпешть в Румынии (слой Прекукутень III) — 3590±85 лет до н. э.¹² Второй поселок — Поливанова Яра II₂ — относится, таким образом, к более позднему времени. Этот комплекс сходен с материалом поселения Хэбэшешть (слой Кукутень А₃), которое датируется по C¹⁴ — 3380±80 лет до н. э.¹³

Время существования Поливанова Яра II также было уточнено. Его комплекс относится к периоду Триполья VI—VII (Кукутень А—В). Материалы поселения этого этапа можно считать эталонными¹⁴. Дата поселения Поливанов Яр II — последняя четверть IV тысячелетия до н. э.

Ориентировкой для определения времени существования поселения Поливанов Яр I может служить дата, полученная для Кукутень В. По C¹⁴ дата поселения Валя-Лупулуй 2750±60 лет до н. э. Учитывая, что Поливанов Яр I несколько древнее, его можно отнести к началу III тысячелетия до н. э. Наконец, среди материалов Поливанова Яра I впервые выделен комплекс более позднего времени, относящийся к этапу II периодизации Т. С. Пассек. Этот небольшой комплекс свидетельствует о том, что мыс был обитаем и в более позднее время, чем считалось до сих пор¹⁵. Таким образом, помимо трех поселений, обнаруженных в процессе раскопок Т. С. Пассек в Поливановом Яре, удалось выделить еще два, что дает возможность говорить о пяти поселках трипольского времени, существовавших с небольшими перерывами с первой половины IV до середины III тысячелетия до н. э.

Поливанов Яр — редчайший многослойный памятник культуры Кукутень—Триполье. Установление хронологической схемы его развития позволяет внести значительные изменения в относительную датировку каждого из его горизонтов. Уточнение хронологии Поливанова Яра способствует определению места целого ряда трипольских поселений в хронологической схеме. Для периода Триполья А имеются в виду такие памятники, как Лука-Врублевецкая и Берново-Лука с находками импортной керамики ариундского типа, что служит дополнительным подтверждением их позднего возраста среди раннетрипольских памятников. К такому же выводу пришла А. П. Погожева при анализе пластических изображений из этих поселений¹⁶. Подтверждает его и исследование композиций на керамике с углубленным орнаментом¹⁷. Определилось место поселений Городница-Городище и Озарянцы, датируемых теперь переходным временем от Триполья А к этапу VI.

Наши данные подтвердились и наблюдениями Е. К. Черныш при определении памятников борисовского типа¹⁸. Памятники типа Борисовки позволяют теперь синхронизировать Поливанов Яр III₁ с поселениями Борисовка и Дарабань I. Уточнение датировки Поливанова Яра II помогло синхронизировать его с группой памятников кукутеньского типа в Румынии периода Кукутень А—В¹⁹, а также с материалами из Крутобородинцев I. Комплекс кухонной посуды с примесью в тесте измельченной ракушки, происходящей из жилищ этого слоя, служит важным звеном для относительной хронологии степных культур²⁰.

Большой интерес представляют материалы позднетрипольского времени — Поливанова Яра I — в связи с балкано-дунайским комплексом Чернавода—Езеро и в первую очередь с материалами болгарских теллей. Многочисленные даты по C¹⁴ позволили связать Черनावоду I—III в Румынии²¹, Езеро в Болгарии (карановская группа), Трою I в Северо-Западной Анатолии и Усатово в Причерноморье. Синхронность Поливанова Яра I

и соответствующего горизонта Езеро — Городск — Усатово — Чернавода имеет не только местное значение. Она служит базисом для хронологии древнеземледельческих культур Восточной и Юго-Восточной Европы. Разработка хронологии Поливанова Яра позволяет, в частности, поставить вопрос о синхронизации трипольских памятников территории СССР с поселениями кукутенского типа в Румынии. Изучение материалов многослойного поселения Поливанов Яр еще раз подтверждает правильность основных положений периодизации памятников культуры Триполья, созданной Т. С. Пассек. Данные же уточненной хронологии Поливанова Яра должны способствовать большей детализации датировки трипольской культуры на отдельных ее этапах и различных территориях.

- ¹ *Зазарук Ю. Н.* О методологии археологической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3, с. 19.
- ² *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949; *она же.* Трипольские поселения на Днестре.— КСИИМК, XXXII, 1950; *она же.* Трипольское поселение Поливанов Яр.— КСИИМК, XXXVII, 1951; *она же.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья.— МИА, № 84, 1961.
- ³ *Попова Т. А.* Зооморфная пластика на керамике трипольского поселения Поливанов Яр.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР за 1966 г. Л., 1967; *она же.* Костяные орудия трипольского поселения Поливанов Яр.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968; *она же.* Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр.— КСИА, 123, 1970; *она же.* Древние земледельцы Среднего Поднепровья в IV—III тысячелетиях до н. э. (по материалам многослойного поселения Поливанов Яр). Автореф. канд. дисс., Л., 1972.
- ⁴ *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen Radiocarbon Dates X.— Radiocarbon, 14, 1, 1972, p. 71.
- ⁵ Автор выражает глубокую благодарность Г. Ф. Коробковой и З. В. Янушевич.
- ⁶ *Попова Т. А.* Зооморфная пластика трипольского поселения...
- ⁷ Там же.
- ⁸ Коллекция МАЭ, № 6159.
- ⁹ Коллекция ГЭ ОИПК, оп. № 48.
- ¹⁰ *Vulpe R.* Izvoare. Săpăturile din 1936—1948. București, 1957.
- ¹¹ Датировка Берлинской лаборатории. См.: *Маркевич В. И.* Многослойное поселение Новые Русешты I.— КСИА, 123, 1970.
- ¹² *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen Radiocarbon Dates X.
- ¹³ *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen Radiocarbon Dates IV.— Radiocarbon, 5, 1963.
- ¹⁴ *Попова Т. А.* Зооморфная пластика трипольского поселения...
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Погожева А. П.* Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А). Автореф. канд. дисс. М., 1971.
- ¹⁷ *Черныш Е. К.* Место поселений борисовского типа в периодизации трипольской культуры.— КСИА, 142, 1975.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Schmidt H.* Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin — Leipzig, 1932; *Lászlo A.* Apezarea Cucuteni A — B de la Huși.— In: Arheologia Moldovei, IV, 1966, p. 7—22; *Dumitrescu V.* La station préhistorique de Traian.— Dacia, IX—X, 1941—1944, p. 11; *idem.* In legătură cu periodizarea fazei Cucuteni A — B.— In: Studii și cercetări de istorie veche, 23, 1972, 3, p. 441.
- ²⁰ *Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века.— СА, 1961, № 2.
- ²¹ *Pippidi D. M., Berciu D.* Din istoria Dobrogei. București, 1965, p. 56.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

В 1962—1975 гг. в бассейне верхнего течения Западной Двины исследовано большое количество памятников эпох неолита и бронзы¹. Эти памятники приурочены к озерам и торфяникам, что позволило применить при их изучении совокупность естественноисторических методов². В результате были получены обширные сведения по абсолютной хронологии³, что позволило проследить во времени развитие как целых групп памятников и отдельных поселений⁴, так и некоторых категорий артефактов. В настоящей работе привлекаются к рассмотрению три категории вещей, добытых при раскопках многослойных торфяниковых поселений Усвяты IV, Сертея II и Наумово⁵, — орудия из кремня и камня, роговые и костяные предметы и керамика. Указанные памятники представлены остатками свайных поселений озерного типа; их культурные слои залегают в пачках озерных и болотных отложений, отражающих историю развития древних водоемов. Поскольку культурные слои перекрыты сверху слоями глины или песка и торфяной толщей, проникновение в них вещей более позднего времени исключается, так что эти памятники можно считать «закрытыми комплексами». Более того, практика показала, что и перемещение вещей по вертикали внутри культурного слоя маловероятно, и каждый культурный слой, каждый культурный горизонт памятника содержит вещи только одного периода существования поселения, соотносимого с тем или иным этапом развития водоема⁶.

На поселении Усвяты IV прослежено два культурных горизонта: верхний А (северобелорусская культура шнуровой керамики) и нижний Б (усвятская неолитическая культура). В горизонте Б обнаружены остатки трех последовательных строительных этапов. На поселении Наумово выявлено три горизонта: горизонт Б, соотносимый с третьим строительным этапом неолитического свайного поселения в Усвятах, так называемый переходный горизонт, материалы которого явственно показывают генетическую связь северобелорусской культуры с усвятской, и горизонт А — с вещами, аналогичными найденным в горизонте А поселения Усвяты IV. На поселении Сертея II обнаружено два культурных горизонта: нижний Б, сопоставимый с горизонтом Б поселения Наумово, и верхний А — с материалами, аналогичными горизонтам А Наумовского и Усвятского поселений. Таким образом, археологически устанавливается последовательность образования культурных слоев поселений, подкрепляемая палеогеографическими данными: слой первого строительного этапа неолитического Усвятского поселения; за ним слой второго и третьего этапов, которому корреспондируют слои Б поселений Наумово и Сертея II; далее «переходный горизонт» Наумовского поселения; за ним горизонт А того же поселения и верхние культурные слои поселений Сертея II и Усвяты IV — всего выделяется пять этапов (рис. 1). Дата каждого этапа определена согласно правилу комплексного датирования, предложенного нами ранее⁷. На основании этих датировок время существования каждого из этапов определяется следующим образом: этап I — 2760—2480 лет до н. э.; этап II — 2480—2210; этап III — 2210—2000; этап IV — 2000—1850; этап V — 1850—1560 (рис. 1). Распределив орудия из камня и кремня, предметы из рога и кости, керамику по таблицам в соответствии с их положением в культурных горизонтах поселений, утя хронологические рамки выделенных нами и продатированных этапов

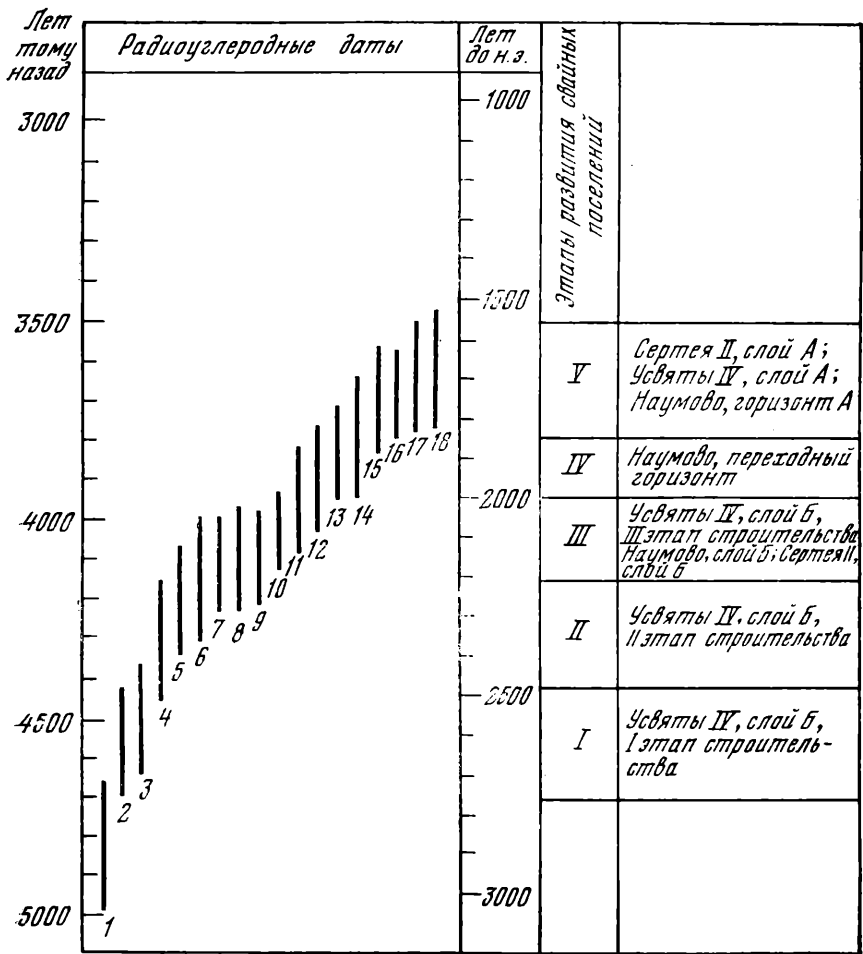

Рис. 1. Этапы развития свайных поселений

1—5, 8 — Усвяты IV; 6, 7, 9, 17 — Сертея II; 10—16, 18 — Наумово

развития свайных поселений, мы можем проследить во времени судьбы не только каждой из этих категорий вещей, но и отдельных их типов.

Орудия из камня и кремня (рис. 2, 1—32). К рассмотрению привлечено около 1 тыс. предметов, причем единичные находки и заготовки орудий в это число не входят. Всего нами выделено 32 типа орудий. На первом этапе прослежено десять типов орудий. Из них орудия типов 1 (черешковые наконечники стрел), 2 (двусторонние ножи на отщепах случайных очертаний), 4 (сланцевые долота), 5 (двустороннеоббитые долота с прошлифованным лезвием), 8 (скребки на продолговатых отщепах) и 10 (клювовидные резчики) бытовали на протяжении всех пяти этапов. Тип 3 (ножи специфической формы) прекратил существование на втором этапе, а типы 6 (массивные тесла), 7 (иволистные наконечники копий со струйчатой ретушью), 8 (скребки-метчики) — на третьем. На втором этапе появились четыре новых типа (рис. 2, 11—15). Орудия типов 11 (короткие черешковые наконечники стрел), 12 (четырёхугольные скребки), 13 (скребки на массивных пластинообразных отщепах) и 15 (черешковые наконечники дротиков) существовали на протяжении всех последующих этапов, а типа 14 (орудия, напоминающие дисковидные рубила) не выходили за пределы третьего этапа. На третьем этапе появились два новых типа, продолжавшие бытовать и впоследствии: 16 (односторонние ножи на

отщепах случайных очертаний) и 17 (клиновидные кремневые топоры с частичной шлифовкой). На четвертом этапе появились пять новых типов, бытовавших затем и на пятом этапе: 18 (наконечники стрел на удлиненных отщепах с ретушью по краям), 19 (сверла), 20 (каменные сверленные топоры), 21 (клиновидные острообушнные топоры) и 22 (листовидные наконечники дротиков). На пятом этапе фиксируется появление восьми новых типов: 23 и 25 (треугольные наконечники стрел с усеченным или вогнутым основанием), 24 (наконечники с вытянутым черешком), 28 (треугольные «штыкообразные» наконечники с коротким черешком), 26 (скребки с «жальцем»), 27 (лопатообразные скребки), 29 (небольшие долотца из черного сланца) и 31 (топорики так называемого лепельско-борисовского типа из кремня и камня). Отметим также единичные находки: типа 30 (квадратное в сечении шило из чистой меди трансильванских (по определению Е. Н. Черныха) месторождений и типа 32 (сланцевая подвеска с отверстием).

Если на первом этапе в употреблении находились орудия десяти типов, то на заключительном этапе развития свайных поселений (а им на смену пришли обычные стоянки, расположенные по берегам рек и озер, также относимые к северобелорусской культуре) фиксируется 26 типов, из которых лишь 6 отмечены на начальном этапе.

Предметы из рога и кости (рис. 3, 1—34). Проанализировано около 150 предметов. На первом этапе развития поселений отмечено 14 типов. Это кинжалы из локтевых костей лося (1)⁸, малых берцовых костей медведя (2), острия с «упором» (3), двусторонние граненые острия (4), предметы, в которых заманчиво видеть концевые накладки сложных луков (5), пластины из рога (6, 7) и «шпатели» (8), проколки из обломков массивных трубчатых костей (9), проколки и пробойники из трубчатых костей, эпифизные части которых использовались для упора при работе (10—12), долотца со шлифованным лезвием (13) и ложки, вырезанные из рога лося (14). Типы 1, 4 и 8 исчезают уже на втором этапе, остальные — на третьем, и только тип 13 известен на четвертом. На втором этапе появляются конусовидные полые внутри миниатюрные предметы (15), игловидные наконечники лубанского типа (16), веретенообразные наконечники (17), бутылевидные наконечники (18), крюки из верхнего отростка нижней челюсти лося (19), подвески из резцов лося и клыков медведя с кольцеобразными вырезами для подвешивания (20 и 25), массивные односторонние гарпуны (21), пластинки из рога с парными отверстиями у обоих краев (22), «витили» (23), массивные предметы из рога с волнистыми из-за частых надрезов краями (24). Типы 15 и 22 характерны только для второго этапа, все остальные прекращают существование на третьем этапе. На третьем этапе отмечено всего три новых типа: роговые предметы вроде стилей (26), плоские круглые предметы с отверстиями посредине и насечками по краям (27) и подвески из резцов лося с отверстием в корневой части (28). Лишь последний тип существует на четвертом этапе, а его бытование на пятом этапе предполагается по наличию находок на более поздних стоянках (погребение на стоянке Удвяты I). На четвертом этапе из 28 известных ранее типов бытуют только 2 (13 и 28), да и те представлены малым количеством находок. Новые типы 29 (наконечники стрел с длинным черешком и кольцеобразным вырезом на жале), 30 (наконечники с треугольным жалом и коротким массивным черешком) и 31 (массивные роговые долотца) отражены единичными находками, и их нет на пятом этапе. Относительно часто встречаются обломки каких-то предметов из кости, полых внутри, граненых снаружи (рукоятки составных орудий?), почти всегда орнаментированных врезными линиями (32). Такие обломки найдены и в культурных слоях пятого этапа, но, по-видимому, их следует относить к самому началу его. На пятом этапе по единичным находкам зафиксировано два новых типа: 33 (роговой наконечник стрелы, возможно копирующий по форме какие-

Лет до н.э.
1650

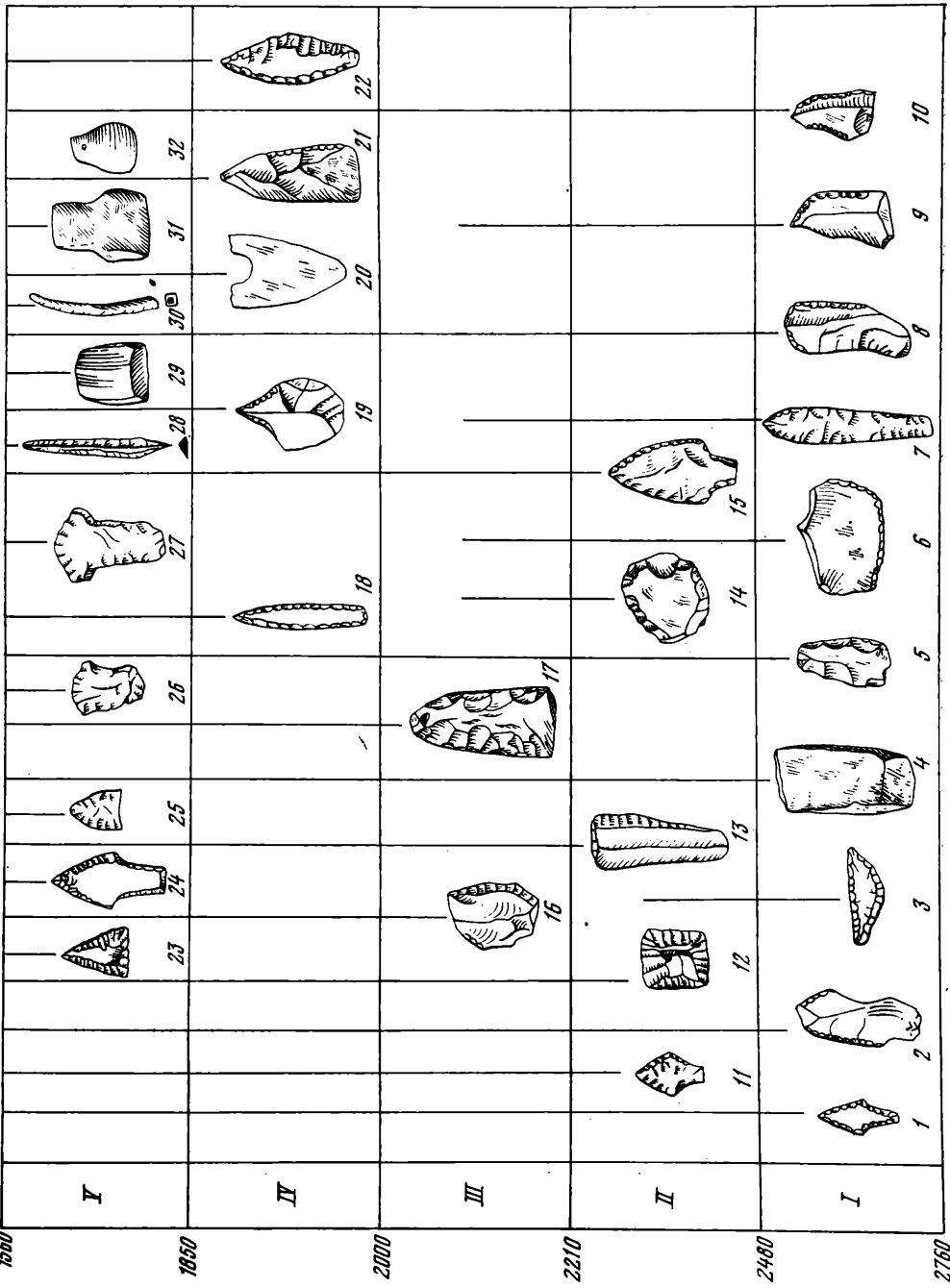

Рис. 2. Типы орудий из камня (1—32)

Лет до н.э.

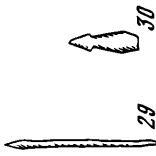
1550

V

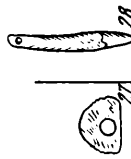
1850

IV

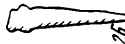
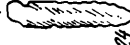
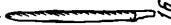
2000

III

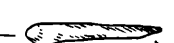
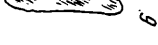
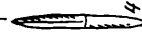
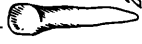
2210

II

2480

I

2760

Рис. 3. Типы орудий из рога и кости (1—34)

то металлические образцы) и 34 (наконечник с круглым в сечении черешком). Первый из этих наконечников был найден в слое А Усвяты IV, второй — в слое А Наумовского поселения. Таким образом, следует считать, что широкое употребление предметов из рога и кости характерно только для первых трех этапов развития свайных поселений, т. е. для усвятской культуры⁹.

Керамика (рис. 4, 1—44). Проанализировано более 50 тыс. обломков сосудов. Мы учитывали следующие признаки: состав теста фрагментов — добавление в качестве остоителя толченых раковин, растительных остатков, песка, дресвы и шамота; приемы нанесения орнамента — насечки, тычки острого конца орнамента, направленного под острым углом к поверхности сосуда, оттиски гребенчатого штампа, ямки, прочерченные линии; элементы орнамента — простейшие узоры, образованные с помощью того или иного приема нанесения орнамента или сочетанием нескольких приемов; элементы композиции, получаемые из сочетаний отдельных элементов орнамента, и общая композиция орнаментики сосуда (две последние характеристики в настоящей работе не освещаются). Существенны также характер соединения лент (встык или внахлест) и прием обработки стыков лент после их соединений — применение техники «лопатки и наковальни» или заглаживание.

На первом этапе известны лишь две формы сосудов — большие сосуды с округло-острым дном и слабовыраженным переходом от горла к тулову (1) и сосуды несколько меньшего размера, с таким же дном, но без выраженного перехода горла в тулово (2). Сосуды малого размера (кубки) либо копируют форму первого типа (3), либо имеют днища такой же формы, как у сосудов второго типа (4). Все сосуды несут разнообразную и сложную геометрическую орнаментацию, представляющую собой различные сочетания целого ряда основных элементов орнамента, насчитывающего 17 типов (5—21). Эти типы выполнялись применением следующих приемов. Типы 5—15 — насечки, тычки, оттиски гребенки; 16, 17 — прочерченные линии; 18, 19 — ямки, реже тычки. Как правило, на одном фрагменте заметны следы только одного какого-либо приема, но бывают и их сочетания. Так, прочерченные линии сочетаются с насечками или оттисками гребенки (14—17), ямки — с прочерченными линиями или насечками (20, 21). Найден всего один фрагмент с сочетанием ямок и оттисков гребенки. Сосуды типов 1 и 2 существуют затем на протяжении всех последующих этапов, а типов 3 и 4 доживают только до третьего этапа. Из типов орнамента на третьем этапе прекращают существование 12—14, 17, 20 и 21. На втором этапе появляется лишь один новый элемент орнамента — сдвоенные ромбы (22), который выполняется насечками, прочерченными линиями или оттисками гребенки. Этот тип бытует и в дальнейшем. На третьем этапе появляются плоскодонные сосуды-чаши со слабопрофилированными стенками (23), круглодонные (24) или плоскодонные (25) кубки, причем тип 24 характерен только для этого этапа, а два других существуют и в дальнейшем. На этом этапе появляются и новые типы элементов орнамента, выполненных оттисками шнура (26), ямками (27, 33), насечками, оттисками гребенки, тычками или прочерченными линиями (28, 29, 31, 32). Встречаются и новые комбинации из ямок с насечками, тычками и прочерченными линиями (30, 34). Типы 27—30 и 34 дальнейшего развития не получают. На четвертом этапе отмечены большие чашевидные сосуды с сосцевидным выступом на дне (35) и круглодонные небольшие одноручные ковши (36). Бытование этих типов на пятом этапе возможно, но гарантированными находками не подтверждено. Характерен расцвет смешанной по приемам орнамента — чаще используются известные ранее типы и появляются новые: сочетание оттисков шнура с насечками, тычками, гребенчатыми отпечатками или прочерченными линиями (37, 38), ямок с прочерченными линиями, насечками или оттисками шнура (39). Последний тип свойствен только

48740 н 3
1560

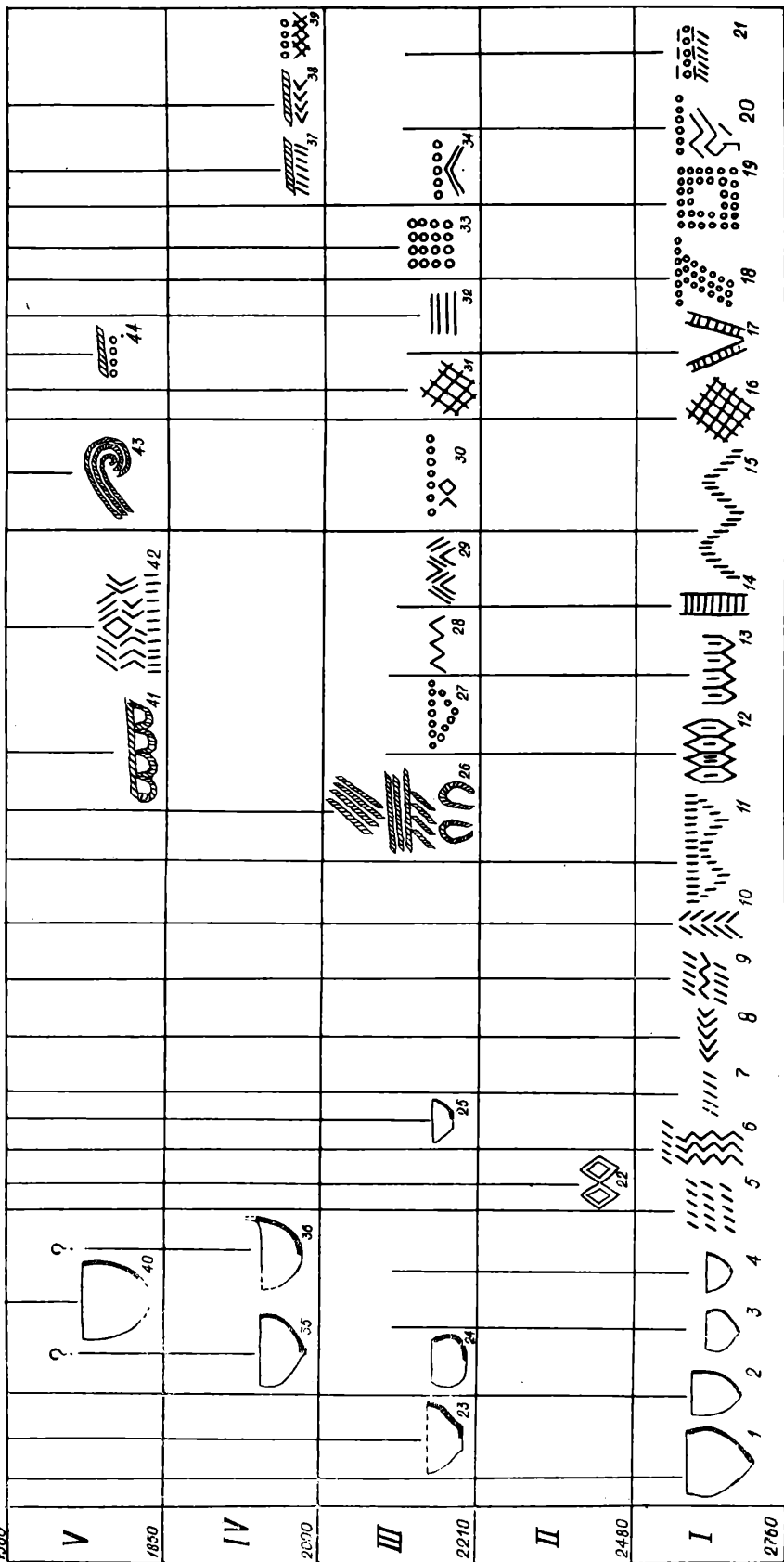

Рис. 4. Форма сосудов и элементы их орнаментации (1—44)

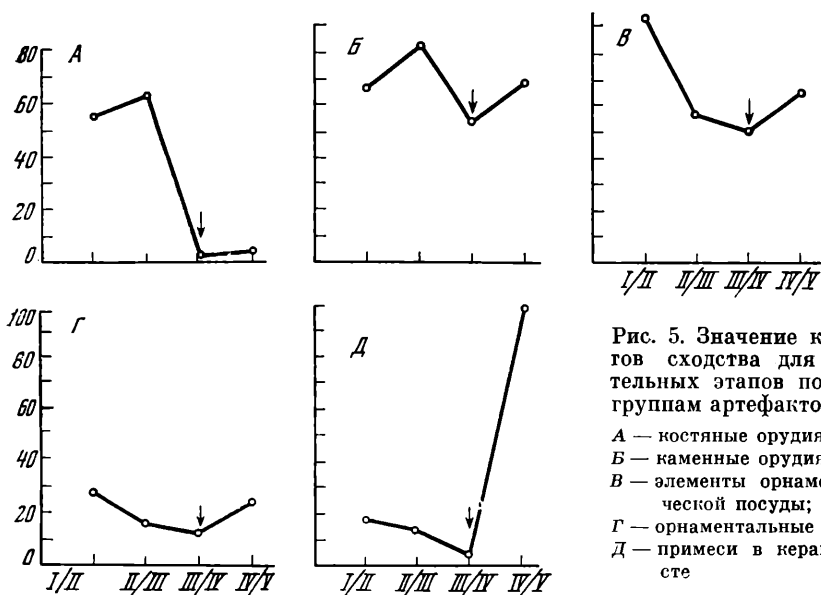

Рис. 5. Значение коэффициентов сходства для последовательных этапов поселений по группам артефактов

А — костяные орудия;
 Б — каменные орудия;
 В — элементы орнамента керамической посуды;
 Г — орнаментальные приемы;
 Д — примеси в керамическом тесте

По оси абсцисс отложены этапы, по оси ординат — значение коэффициента сходства

этому этапу. На пятом этапе появляется новый тип — большие сосуды с округлым, судя по графическим реконструкциям, дном (40). Возникают и новые типы элементов сложной орнаментации из отгисков шнура (41 и 43), насечек, гребенки, тычков (42), а также сочетание шнура с ямками (44).

Категории керамики показывают весьма определенную устойчивость форм сосудов, приемов и элементов орнаментации на всех этапах развития свайных поселений. Однако не следует забывать, что сосуды первого этапа изготовлялись из глины с примесью толченых раковин и добавок растительных остатков, их ленты соединялись встык, а швы между ними прорабатывались с помощью техники «лопатки и наковальни». Сосуды второго этапа изготовлялись в той же манере, но растительная добавка в тесте приобрела больший вес. На третьем этапе эта добавка возобладала над примесью толченых раковин, появился прием соединения лент внахлест, а наряду с техникой «лопатки и наковальни» для обработки стыков лент стала применяться техника заглаживания. На четвертом этапе появляется примесь песка при наличии обычных компонентов; ленты сосудов соединяются внахлест (исключения редки), почти исчезает техника «лопатки и наковальни» — ее следы с трудом можно иногда заметить сквозь сплошные расчесы от заглаживания швов. Кажется, именно в конце этого этапа начинает преобладать в тесте примесь песка, и вместе с тем появляются дресва и даже шамот. У сосудов пятого этапа растительная добавка едва заметна, крайне редка и примесь очень мелко толченых раковин, доминирует в качестве отощителя песок, лишь в отдельных случаях сопровождается добавкой дресвы или шамота. Ленты соединяются только внахлест, и ширина их не превышает 3—4 см; техника «лопатки и наковальни» не прослеживается — видимо, она изжила себя.

«Поведение» всех категорий источников, рассматриваемых в настоящей работе, было подвергнуто простому статистическому анализу. Были вычислены показатели сходства каждых двух последовательных этапов: I/II, II/III, III/IV, IV/V (рис. 5). Вычисление проводилось по формуле $f = s^2 / kl$, где k — количество типов в комплексе А; l — количество типов в комплексе А+1; s — количество общих типов; f — показатель сходства¹⁰. Как видно из рис. 5, во всех категориях источников наимень-

шее значение сходства приходится на переход от третьего этапа к четвертому, что соответствует переходу от усвятской культуры к наследующей ей северобелорусской. Разница в ходе кривых свидетельствует о различном поведении категорий источников. Так, наиболее резкие переломы наблюдаются в кривых, соответствующих примесям в керамическом тесте (рис. 5, Д) и костяной индустрии (рис. 5, А). Наиболее же плавный ход у кривых, соответствующих приемам орнаментации керамики (рис. 5, Г) и кремневой индустрии (рис. 5, Б).

Учитывая достаточную хронологическую определенность как комплексов, так и отдельных типов вещей, представленных на исследованных памятниках, проведенное хронологическое построение может считаться эталонным по крайней мере для северо-запада лесной полосы европейской части СССР. Длительность бытования вещей (рис. 2—4) может рассматриваться как показатель пригодности для целей датирования памятников эпох неолита и бронзы в этой зоне. Установленные переломы в кривых на рис. 5 на уровне третьего—четвертого этапов соответствуют перестройке культурной системы¹¹. Попытки объяснить это явление привели к констатации возможности следующих основных процессов¹²: 1) адаптации к изменению природной среды; 2) социальных сдвигов; 3) саморазвития культуры; 4) диффузии навыков; 5) миграции населения. Выделение ведущих процессов и оценка их требуют детальных палеогеографических, палеодемографических, палеоэкономических и прочих исследований, что составляет предмет уже особой работы.

¹ См.: Микляев А. М. Памятники Усвятского микрорайона. Псковская область.— АСГЭ, 11, 1969, с. 22—40, а также статьи А. М. Микляева в АО за 1969—1975 гг. (М., 1970—1976).

² Долуханов П. М., Микляев А. М. Палеогеография и абсолютная хронология памятников эпохи неолита и бронзы в бассейне Западной Двины.— В кн.: Голоцен. М., 1969, с. 120, 121.

³ Точнее, радиоуглеродной хронологии, так как радиоуглеродные даты не являются абсолютными.

⁴ Микляев А. М. Памятники Усвятского микрорайона, с. 33—36; *он же*. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере.— АСГЭ, 13, 1971; *он же*. О свайных поселениях III—II тысячелетий до н. э. в бассейне верхнего течения Западной Двины.— БКИЧП, № 43, 1975, с. 160, 161.

⁵ О поселении Усвят IV см.: АСГЭ, 11, 1969; 13, 1971; о поселениях Сертея II и Наумово: АО за 1969—1975 гг.; Микляев А. М. О свайных поселениях...

⁶ Долуханов П. М., Микляев А. М. Эволюция озер и первобытные поселения на северо-западе Восточноевропейской равнины.— В кн.: История озер в голоцене. Л., 1975, с. 74, 75.

⁷ Долуханов П. М., Микляев А. М. К вопросу о датировке памятников каменного века и периода бронзы лесной полосы европейской части СССР.— АСГЭ, 14, 1972, с. 7—11.

⁸ Цифры в скобках, помещенные за описанием предмета, соответствуют номеру типа на рис. 3.

⁹ Резкое сокращение количества предметов из рога и кости в культурных слоях, относимых к этапам IV—V, нельзя объяснить плохой сохранностью изделий из органических материалов в этих слоях, поскольку кости животных и рыб там сохраняются прекрасно.

¹⁰ Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975, с. 50.

¹¹ Клейн Л. С. Археологические признаки миграций.— В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советских ученых. М., 1973, с. 95.

¹² Клейн Л. С. Проблема смены культур в современных археологических теориях.— Вестник ЛГУ, 1975, № 8, вып. 2, с. 95—103.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП В КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ДАТИРОВКИ

На территории северо-запада европейской части СССР локализуется группа памятников с так называемыми чистыми комплексами ромбическо-ямочной и ямочной керамики, содержащими медные изделия. Эти памятники, расположенные в Карелии, в районе Заонежья и Прионежья (рис. 1), известны еще с 30-х годов по работам Б. Ф. Землякова¹. Позднее их исследовала Н. Н. Гурина². Она отнесла их к третьей хронологической группе поселений и впервые датировала эпохой энеолита³. Н. Н. Гурина отметила ряд характерных особенностей в инвентаре и керамике поселений данной группы, сделала вывод о знакомстве их обитателей с металлом⁴.

В дальнейшем раскопки аналогичных памятников в Прионежье проводили Г. А. Панкрушев, А. П. Журавлев, Ю. В. Титов⁵. В результате были получены дополнительные энеолитические материалы. Однако специальных работ, посвященных энеолиту Карелии, кроме публикаций Н. Н. Гуриной и отдельных небольших статей и сообщений указанных исследователей до сих пор не имеется⁶.

В данной статье делается попытка на основе изучения памятников с «чистыми», четко стратифицированными комплексами Заонежья и Прионежья датировать энеолит Карелии, разработать его периодизацию.

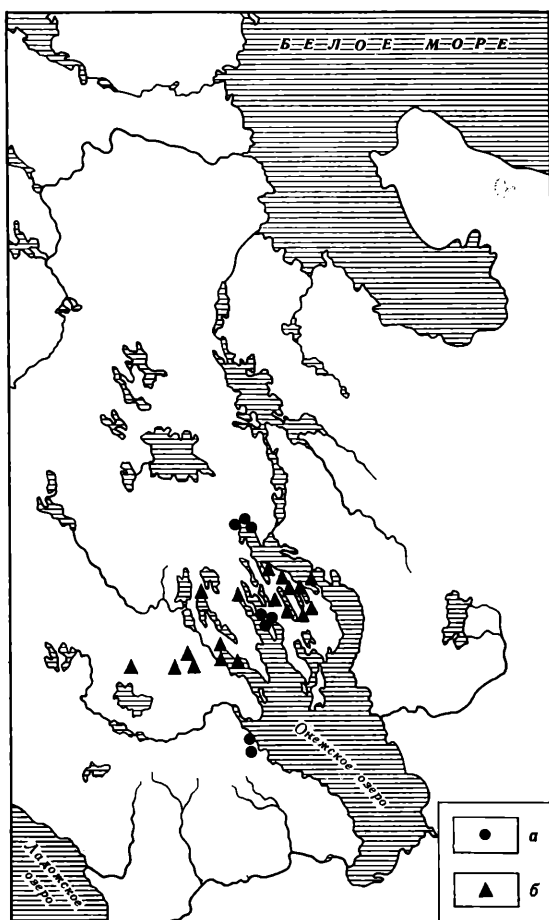
Создавая периодизацию памятников эпохи раннего металла на северо-западе европейской части СССР, Н. Н. Гурина в своих выводах относительно энеолитического периода Карелии опиралась главным образом на данные поселений Войнаволоок 9, Оровнаволоок и Деревянное I. Она отметила, что керамика изготовлена из местной глины с примесью крупнозернистого песка и толченого кварца, сосуды леплены ленточной техникой, иногда применена твердая основа. Типичными элементами орнамента Н. Н. Гурина считала различные по форме ямки и гребенчатый штамп, при преобладании ямок овальных и ромбических, которые порой образуют фигуры в виде треугольников. Гребенчатым штампом выполнен узор из ромбов, или клетки. Среди сосудов доминировали большие остродонные; встречен сосуд с изображением уточки⁷.

В каменном инвентаре почти не было кремневых орудий, наконечников стрел. Характерной особенностью инвентаря поселений Н. Н. Гурина назвала наличие точильных камней и камней с пришлифовкой одной грани. Она отметила появление ромбовидных орудий с просверленными отверстиями. Наконец, она указала как на важную особенность памятников на находки металла, знакомство с которым произошло, видимо, путем обмена с соседними племенами.

Позднее Г. А. Панкрушевым и нами было исследовано поселение Вигаинаволоок I, которое по характеру материала имеет много общего с энеолитическим поселением Войнаволоок 9 и др. Особенно интересны энеолитические жилища, которые в столь большом количестве (18) впервые были раскопаны на одном поселении.

Следует остановиться еще на двух гипотезах. Ю. В. Титов при раскопках поселения Сандермоха I обнаружил куски меди в сосуде с ромбическо-ямочным орнаментом и высказал предположение о знакомстве жителей поселка с медью⁸. А. В. Анпилогов, работая над проблемой древнейшей металлургии Карелии, справедливо отметил, что население здесь познакомилось с производством металлических изделий относительно рано. Исследователь относит это к середине II тысячелетия до н. э.⁹

Рис. 1. Энеолитические памятники Прионежья и Заонежья
 а — с «чистыми» комплексами ромбическо-ямочной керамики;
 б — находки самородной меди

В Заонежье мы обнаружили и исследовали новые поселения с «чистыми» комплексами ромбическо-ямочной керамики — Пегрема I, III, VII, Колгостров I, Клим I, Ширынаволоок I и др. Все они по стратиграфии, топографии, инвентарю и другим показателям имеют много общих черт с такими поселениями, как Деревянное I, Вигайнаволоок I. Однако при внешнем сходстве в материале названных памятников имеются и существенные различия. Они проявляются прежде всего в керамике и каменном инвентаре, а также в характере жилищ. На этой основе в энеолите Карелии мы выделяем две группы поселений, относящихся к различным хронологическим этапам.

К раннему (Вигайнаволоокскому) этапу относятся поселения Вигайнаволоок I, Оровнаволоок, Войнаволоок 9, Илекса I и др. Материальная культура в этот период близка неолитической. Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью песка, кварца и другой размельченной породы. Сосуды остродонны и круглодонны (появляются плоские днища), больших и средних размеров, хорошего обжига, изготовлены ленточным способом и на твердой основе. Венчики оформлены по-разному, иногда с защипами, встречаются зигзагообразные. Края их орнаментированы оттисками гребенки, реже — ямками. Внутри сосудов, под венчиком, иногда есть орнамент, элементами которого служат овальные, ромбические и другой формы ямки, гребенчатый штамп. Иногда среди ямок встречается оттиск рыбьего позвонка в виде римской цифры I. Часто попадаются круглые, ромбические, четырехугольные и треугольные ямки в сочетании, широко развит геометрический стиль. Узоры довольно сложны, есть даже, например, изображения водоплавающей птицы. Отличительной осо-

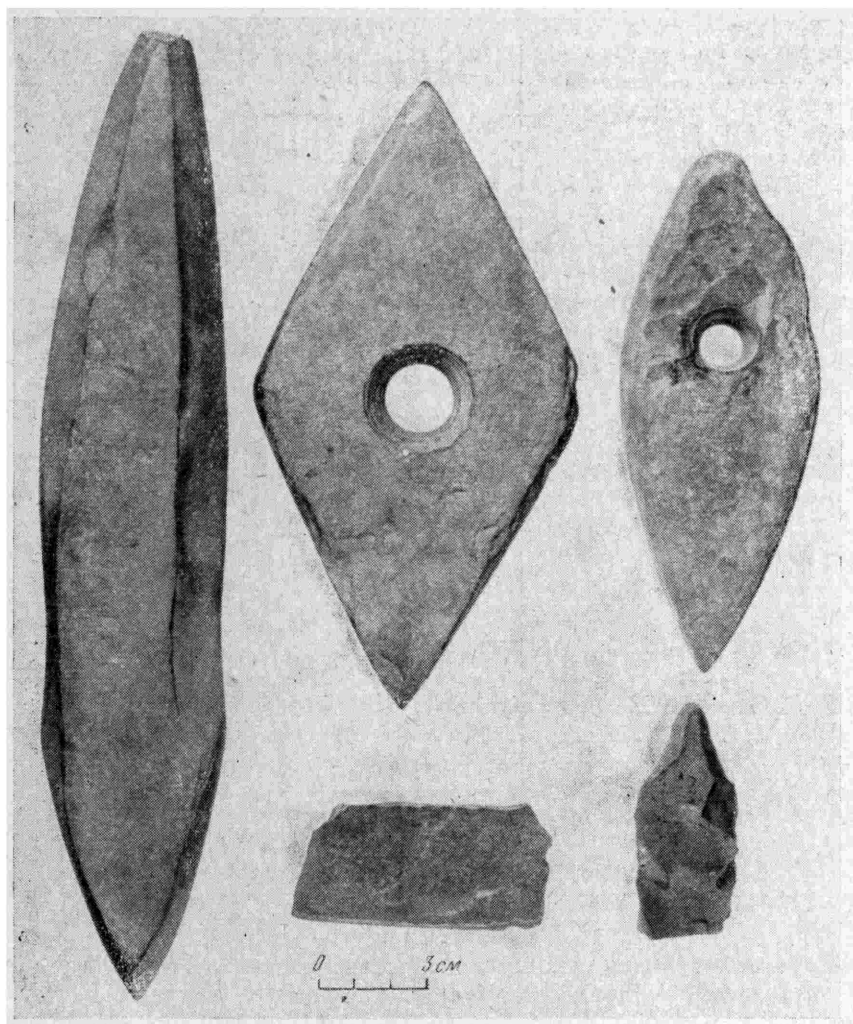

Рис. 2. Каменный инвентарь энеолитических памятников

бенностью памятников надо считать большое разнообразие глиняной посуды. Отмечен ремонт посуды глиняными заплатами¹⁰.

В каменном инвентаре памятников раннего этапа есть немногочисленные орудия охоты, изделия из кремня. Появляются орудия нового типа — ромбические сланцевые клевцы с отверстиями посередине. Много шлифовальных плит и точильных камней (рис. 2). Население этого этапа впервые знакомится с местной самородной медью. Характерны большие жилища, появляются жилища-мастерские.

Поздний (Пегремский) этап энеолита представлен поселениями Пегрема I, III, VII, Деревянное I, Колгостров I и др. Материал этих памятников имеет отличительные особенности. Керамика, изготовленная из глины с большим количеством песка и дресвы, слабо обожжена (черепки часто крошатся от прикосновения). Среди сосудов — разнообразные горшки средних и больших размеров, с округлыми, острыми или приплюснутыми днищами. Венчики украшены сверху насечками, гребенкой, ямками. Основными элементами орнамента служат ромбические и овальные ямки (изредка встречаются ямки других форм), гребенчатый, двузубый штамп и насечки. Орнамент заметно упрощается, исчезают сложные композиции. Вообще в изготовлении и украшении посуды наблюдает-

Рис. 3. Сосуды из энеолитического поселения Пегрема I

ся некоторая небрежность. Появляется штрихованная керамика (рис. 3).

Из каменного инвентаря почти полностью исчезают кремневые изделия и наконечники стрел. Уменьшается количество кварцевых орудий. Изделия из сланца весьма однообразны и атипичны. Увеличивается количество шлифовальных плит. Встречаются клады сланцевых заготовок.

Поселения позднего этапа довольно велики. На них прослеживаются жилища и хозяйственные сооружения. Появляются мастерские по обработке меди¹¹, где одновременно изготавливается и каменный инвентарь. Открыты печи для переплавки металла. Найден своеобразный кузнечный инструментарий для обработки меди: наковальни, отбойники (молоточки). Зарождается специализация горняка-металлурга.

Таковы особенности материальной культуры раннего и позднего этапов энеолита. Близость форм сосудов, одинаковые технические приемы выполнения орнамента и совпадение многих его элементов говорят о хронологической близости памятников обоих этапов.

Вместе с тем отсутствие некоторых ранних элементов (например, штампов в виде римской цифры I, круглой конической ямки) в орнаменте сосудов второго этапа, упрощение композиций, появление штрихованной керамики и некоторая общая деградация в гончарном производстве и в каменной индустрии — все это свидетельствует о существенных изменениях в быте и хозяйстве. Главным из них надо считать усовершенствование металлургического производства.

Пока трудно определить нижнюю хронологическую границу неолита Карелии, хотя, вероятно, ее следует отнести к V тысячелетию до н. э., так как мезолитическая стоянка Пегрема VIII датируется рубежом VI и V тысячелетий до н. э. Не противоречит этой датировке и археологический материал. Что касается энеолитической эпохи, то ее начало и по радиоуглеродной датировке, и по археологическому материалу, очевидно, следует отнести ко второй половине IV тысячелетия до н. э. (табл.). В Карелии энеолит вырастает на местной неолитической основе, о чем свидетельствуют как элементы культуры сперрингс в раннеэнеолитической керамике, так и некоторые типы каменных орудий. Конец энеолита

Таблица

Датирование по С¹⁴ памятников Прионежья и Заонежья (с «чистыми» комплексами)

Памятники	Эпоха	Дата по С ¹⁴ (гг. до наших дней — I А)	Инвентарь («чистый» комплекс)	Высота над Онежским озером (м)
Вигайнаволок II	Бронза	3370 ± 110	Асбестовая керамика	3—5
Войнаволок 24	Бронза	3560 ± 80 4250 ± 70	То же	7—9
Пегрема III	Энеолит	4200 ± 90	Ромбически-ямочная керамика	7—10
Пегрема I	Энеолит	4200 ± 50 4780 ± 50 4980 ± 60 5145 ± 110	То же	8—10
Пегрема II	Неолит	4550 ± 90 4750 ± 120 5070 ± 120	Ямочно-гребенчатая, сперрингс	8—11
Пегрема VIII	Мезолит	7050 ± 150 7100 ± 50	Кварцевый и сланцевый инвентарь	13—16

и начало бронзового века в Карелии выявляются более четко — это конец III тысячелетия до н. э.

Новые материалы дают основание рассматривать Прионежье и Заонежье как особый центр возникновения ромбически-ямочной керамики, причем в очень раннее время. Не исключено, что именно отсюда она постепенно распространилась на север, запад и юго-восток. В среде племен с ромбически-ямочной керамикой Заонежья и Прионежья в начале III тысячелетия до н. э. зарождается металлообработка меди¹².

¹ Земляков Б. Ф. Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. — В кн.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. (Известия ГАИМК, 109, М.—Л., 1935).

² Гурина Н. Н. Энеолитические поселения у Повенца Медвежьегорского района. — В кн.: Археологический сборник. Петрозаводск, 1947; она же. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. — МИА, № 20, 1951; она же. Древняя история северо-запада европейской части СССР. М.—Л., 1961.

³ Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла...

⁴ Там же, с. 125—127.

⁵ Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I. — В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.—Л., 1966; Титов Ю. В. Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР. — АО 1967 г. М., 1968.

⁶ Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I. — В кн.: Научная конференция по итогам работы за 1964 г. (тезисы докладов). Петрозаводск, 1965; она же. Новые археологические памятники на берегах озера Водлозера и реки Водлы. — В кн.: Научная конференция по итогам работ за 1965 г. (тезисы докладов). Петрозаводск, 1966; она же. Исследование энеолита в Карелии. — АО 1973 г. М., 1974; она же. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии. — КСИА, 142, 1975; она же. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии. — СА, 1974, № 3; она же. Энеолит Карелии. Автореф. канд. дисс. Петрозаводск, 1977.

⁷ Гурина Н. Н. Древняя история...

⁸ Титов Ю. В. Раскопки..., с. 5, 6.

⁹ Доклад А. В. Анпилогова «К вопросу о развитии древней металлургии в Карелии» (прочитан на заседании сектора раннего железного века ИА АН СССР в 1965 г.).

¹⁰ Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I. — В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.

¹¹ Журавлев А. П. Древнейшая мастерская..., с. 243—246.

¹² Журавлев А. П. О древнейшем центре металлообработки...

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ С ПОСЕЛЕНИЯ ПЕГРЕМА I

При раскопках поселения Пегрема I (Карельская АССР, Заонежье) было обнаружено большое количество медных предметов. Из них 11 подверглись металлографическому анализу, который проводился обычным способом. Из всех изделий изготовлены металлографические шлифы.

Анализ нетравленной поверхности шлифов показал, что в металле изделий полностью отсутствуют неметаллические включения типа окислов и сульфидов, характерных для переплава или металла, выплавленного из руды. Чистота по неметаллическим включениям дает основание считать, что исследуемые изделия изготовлены из самородной меди, не подвергавшейся переплаву. Этот вывод подтверждается результатами сравнительного спектрального анализа изделий и образцов самородной меди, найденных в Карелии, а также выборочным анализом на серу.

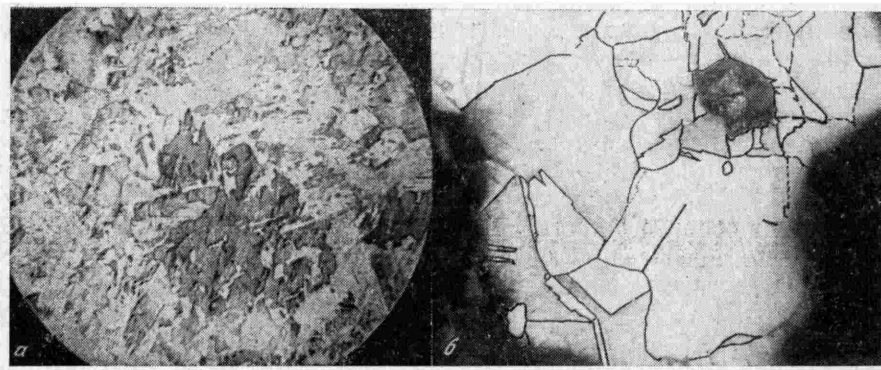
Металлографический анализ травленной поверхности позволил разделить все образцы по характеру структуры на две группы: самородную медь, не подвергавшуюся обработке (три образца), и самородную медь, подвергавшуюся холодной ковке.

Отличительными признаками самородной меди первой группы наряду с отсутствием неметаллических включений являются двойниковые прослойки, значительная разноразмерность, многорядовые дислокационные границы, высокая твердость (рис., б).

Все остальные образцы имели ярко выраженные структурные признаки металла, подвергавшегося холодной ковке (рис., а). Все восемь изделий имеют твердость, лежащую в пределах 68–90 кг/мм², которая хорошо коррелирует со структурным состоянием металла, отвечающим той или иной степени холодной деформации.

На большинстве изделий обнаружены микро- и макротрещины. Причиной их возникновения послужило свойство меди при холодной ковке сильно нагартовываться (упрочняться). Если промежуточный отжиг отсутствует, то неизбежно происходит разрушение металла. Нами установлено, что самородная медь в своем природном состоянии обладает высокой твердостью: от 54 до 90 кг/мм². Таким образом, даже при невысоких степенях деформации неизбежно возникновение трещин.

Следует отметить, что подобные результаты получены и при исследовании находок со стоянок Пегрема VII и Сандермоха I.

Микроструктура находок с поселения Пегрема I

а — самородная медь, $\times 200$; б — структура холоднотравленного изделия, $\times 400$

КЕРАМИКА УСТЬ-БЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(по материалам раскопок Н. Н. Гуриной)

Усть-Бельское поселение, открытое в 1928 г. М. М. Герасимовым, находится на стрелке, образованной левыми берегами рек Ангара и Белая. Культурный слой имеет протяженность 1,5 км вдоль береговой террасы и содержит остатки различных эпох — от раннего мезолита до железного века. В эпоху неолита поселение занимало весь мыс, около 200 тыс. кв. м. В 1937 г. М. М. Герасимов заложил раскоп на левом берегу Белой, в 1 км от ее устья. С 1957 г. и в последующие годы на данном участке (I) были сосредоточены работы М. М. Герасимова, Л. А. Крижевской, Г. И. Медведева. Здесь вскрыто более 3 тыс. кв. м.

Отряд Н. Н. Гуриной в составе Ангарской археологической экспедиции в 1957 г. заложил три раскопа (I, IIA, IIB, III) против широкой поймы Белой, а четвертый — на крутом обрывистом берегу Ангары. В общей сложности была вскрыта площадь 548 кв. м (участок II). На всей площади раскопов участка II наблюдалась однородная стратиграфия верхних слоев¹: 1 — почвенно-растительный слой (10—20 см); 2 — культурный слой темного цвета, трудно отличимый от почвы (45 см); 3 — культурный слой — серый крупнозернистый песок наносного характера (15 см), 4 — желтый лёссовидный мелкозернистый песок (30 см).

Керамика, встреченная в раскопах, была не одинакова и залегала на различной глубине. Удалось проследить известную закономерность в распределении различных групп керамики.

В данной статье мы рассматриваем керамику, обнаруженную на раскопе I. Здесь, на площади 172 кв. м было найдено 710 фрагментов керамики от 26 сосудов. Она составляет 4% всего инвентаря. 401 фрагмент керамики принадлежит 15 сосудам эпохи неолита; 191 фрагмент — шести сосудам эпохи бронзы; 118 фрагментов — пяти сосудам эпохи железа.

Предметом нашего исследования является только неолитическая керамика, т. е. 58% всей керамики. Этот комплекс неоднороден. Внутри него по орнаментации, форме сосудов, составу примеси к глине можно выделить четыре группы.

Первая группа. 87 фрагментов (21,5% всей неолитической керамики), возможно от одного сосуда (рис. 1, 1). Сосуд имел выпуклые стенки, суженную шейку и незначительно отогнутый и скошенный наружу венчик. Диаметр его по краю 16 см. Венчик утолщен до 1 см, в области шейки толщина стенки 0,4 см. Сосуд был орнаментирован оттисками крупноячеистой сетки-плетенки. Внутренняя поверхность тщательно заглажена. Венчик поверх оттисков сетки украшен горизонтальным рядом круглых ямок, выполненных наколами приостренной палочки. Петрографический состав фрагментов: 80—85% — глина, содержащая мельчайшие (0,01 мм) зерна; 20—15% — отощитель: кварц, кварцит, полевой шпат и шамот (2—3% всего отощителя, при этом шамот резко отличается по структуре от основного теста). Размеры обломков отощителя колеблются от 0,3 до 3 мм, преобладают обломки размерами 0,5 мм².

Керамика первой группы залегала в южной части раскопа на глубине 0—0,20 см.

Керамика с оттисками сетки-плетенки в Прибайкалье считается самой древней. Так, на стоянке Горелый Лес сетчатая керамика найдена в культурном горизонте VI³, имеющем дату по C¹⁴ 6695±150 лет до наших дней (Ri-50)⁴. На поселении Улан-Хада сетчатая керамика происходит из слоя X, перекрывающего мезолитический слой⁵. Следовательно-

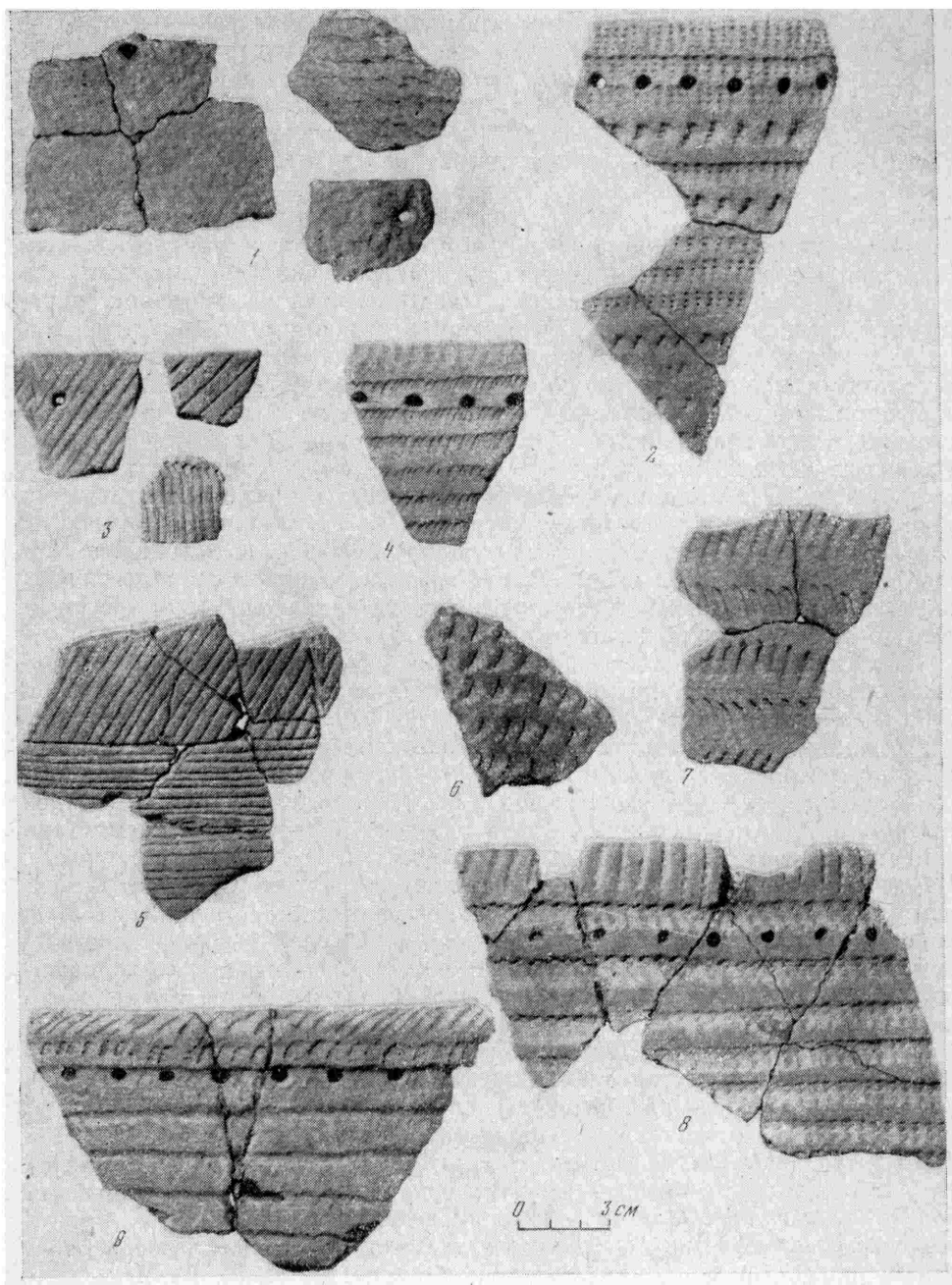

Рис. 1. Керамика Усть-Бельского поселения

1 — фрагменты керамики первой группы; 2, 4, 6—9 — фрагменты керамики второй группы; 3, 5 — фрагменты керамики четвертой группы

но, и на Усть-Бельском поселении керамику этой группы можно отнести к наиболее древней.

Вторая группа. 195 фрагментов (58,8%) от семи крупных сосудов открытой формы (рис. 1, 2, 4, 6—9). Внутренняя поверхность их тщательно заглажена. Диаметры по краю венчиков равны 34—42 см. По форме срезы венчиков округлые и приостренные, края их утолщены до 1,2 см, а толщина стенок равна 0,4—0,5 см. Орнаментация сосудов вы-

полнена различными фигурными штампами в отступающе-накольчатой технике и штампом мелкозубчатой гребенки. В результате на сосудах образовались горизонтальные желобки, нанесенные через 0,5—0,6 см, шириной 0,7—0,8 см (рис. 1, 8, 9). У некоторых сосудов орнаментальные полосы не разделены или разделены незначительно. Вероятно, сосуды были орнаментированы от края до дна. У двух сосудов имеется деление орнамента на горизонтальные зоны (рис. 1, 2). Узоры выполнены тем же штампом, что и весь основной орнамент сосуда, но нанесены значительно реже и под другим углом, в результате чего образовался один или несколько рядов отпечатков, напоминающих «личиночный» орнамент. К этой же группе можно отнести и фрагменты стенок, украшенных гребенчатым штампом, образующим «елочку» (рис. 1, 7).

Венчики у всех сосудов выделены горизонтальным рядом ямок, образованных вдавливанием цилиндрической палочки на глубину 0,7—0,8 см и нанесенных поверх основного орнамента. На внутренней поверхности соответственно вдавливаниям появился горизонтальный ряд «жемчужин». Диаметры ямок во всех случаях 0,4—0,5 см, расстояние между ними — от 1 до 1,5 см. Округлые венчики украшены оттисками веревочки и прокатыванием зубчатого штампа (рис. 1, 4, 9). У одного из сосудов с приостренным венчиком орнаментальная полоска, выполненная тем же фигурным зубчатым штампом, что и основной орнамент, нанесена на внутреннем крае (рис. 1, 2). У другого сосуда украшен узким гребенчатым штампом только внешний край (рис. 1, 8).

Петрографический состав фрагментов: 60% — глина; 40% — отощитель: кварц, кварцит, полевопшпат. Отощитель неравномерно зернистый, размеры зерен 0,2—2 мм, в среднем — 0,7 мм.

Керамика второй группы залежала в основном на глубине 0,20—0,60 см и концентрировалась ближе к краю береговой террасы.

Третья группа. 119 фрагментов (29,7%) от семи крупных сосудов открытой формы. Диаметры сосудов по краю венчика 36—40 см. Края венчиков утолщены, по форме они округлые, приостренные, прямые. Внутренняя поверхность сосудов тщательно заглажена. Орнамент выполнен гладкой овальной и четырехугольной лопаточкой (рис. 2, 4, 5) в накольчато-отступающей технике, штампом зубчатой гребенки и штампом овально-миндалевидной формы (рис. 2, 1). У сосуда с прямым венчиком вертикальные зигзагообразные желобки, выполненные овальной лопаточкой в отступающе-накольчатой технике, покрывали всю внешнюю поверхность (рис. 2, 4). Венчик выделен горизонтальным рядом овальных ямок, нанесенных наколами приостренной палочки поверх орнамента. На другом сосуде крупнозубчатый гребенчатый штамп вертикальными оттисками заполняет все орнаментальное поле (рис. 2, 2). На фрагментах еще одного сосуда этот штамп образует горизонтальную «елочку». Два фрагмента от одного сосуда украшены горизонтальными поясками, выполненными трехзубчатым штампом в сочетании с зигзагообразными полосками, сделанными в отступающе-накольчатой технике.

Керамику третьей группы отличает от сосудов второй группы отсутствие строгой горизонтальной зональности, а также относительная разреженность орнамента. В размещении орнамента здесь скорее выступает тенденция вертикальной зональности. Только венчик сосуда во всех группах подчеркнут горизонтальной одинарной или двойной полоской из ямок.

Петрографический состав керамики третьей группы неоднороден. У одного сосуда (рис. 2, 1): 90% — глина; 10% — отощитель: неравномерно зернистый, преобладает полевопшпат, встречаются единичные зерна кварца и крупные (до 5 мм) обломки диорита. Средние размеры обломков отощителя 0,5 мм. У другого сосуда (рис. 2, 2): 75% — глина; 25% — отощитель: кварцевый песок (размеры песчинок 0,2 мм), неболь-

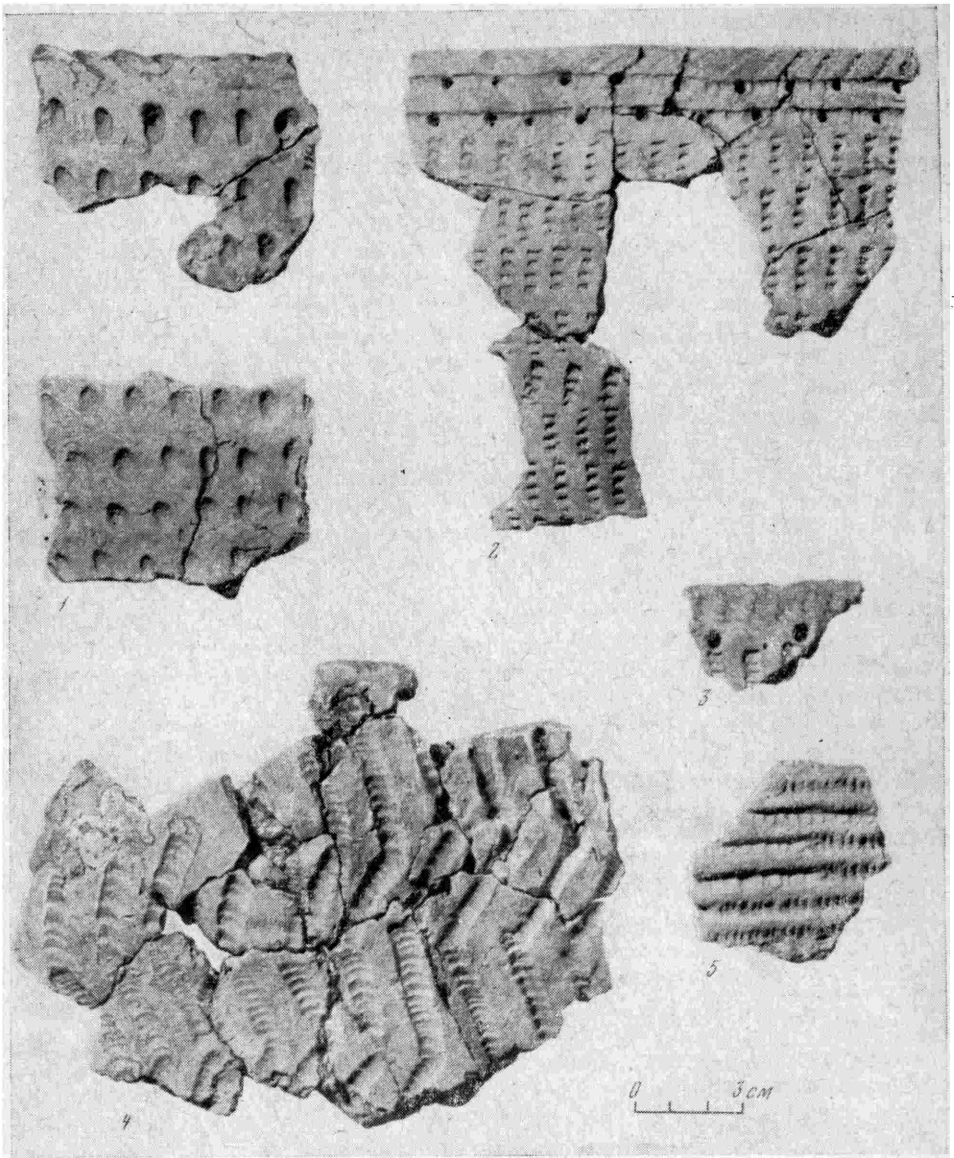

Рис. 2. Фрагменты керамики третьей группы (1—5)

шая примесь полевого шпата и остроугольных обломков диабазы размерами до 4 мм. Глина содержит естественную примесь мельчайших (менее 0,1 мм) зерен кварца.

Керамика этой группы залегала сразу же под дерном (0—0,20 см) и концентрировалась в квадратах, прилегающих к западной стенке раскопа, расположенных вглубь от края террасы. Слой с керамикой третьей группы не перекрывал слои, содержащие керамику второй группы.

Четвертая группа. 77 фрагментов от трех сосудов с оттисками шнура. Это были крупные хорошо профилированные сосуды. Диаметры их по краю венчика 22—24 см. Венчик отогнут, шейка сужена, стенки выпуклые. Сосуды орнаментированы по венчику и шейке прочерченными узкими (0,2—0,3 см) полосками, расположенными на расстоянии 0,3—0,4 см друг от друга. Венчик украшен косыми прочерченными линиями, а шейка и тулово — горизонтальными (рис. 1, 3, 5).

Петрографический состав: 75% — глина; 25% — грубозернистый (мелкой фракции нет) отощитель: кварц, полевой шпат.

Керамика четвертой группы была сосредоточена на глубине 0,20—0,60 см, планиграфически ее локализация не прослеживалась.

Таким образом, керамика рассмотренных четырех групп имеет разную глубину залегания и планиграфию, а также различную орнаментацию и различный петрографический состав. Сосуды второй — четвертой групп характерны для развитого неолита Прибайкалья. Сосуды второй группы аналогичны сосуду серовского типа, найденному на Илеме⁶. Особенно много аналогий этой группе к западу от Ангары. Примером может служить мироновский сосуд⁷, керамика культурных слоев VI—VII поселения Казачка⁸. Сосуды третьей группы имеют аналогии в тех же культурных слоях поселения Казачка, известны они и в местонахождении у д. Панова⁹. Керамику культурного горизонта VI поселения Казачка датируют серединой — концом IV тысячелетия до н. э.¹⁰ А. П. Окладников относит аналогичную керамику к китайской культуре и датирует ее развитым неолитом. Применение зубчатой лопаточки он считает более древним, чем употребление «полулунно-выпуклой штампа-лопаточки»¹¹. Итак, датировать керамику второй и третьей групп можно развитым неолитом (начало — середина III тысячелетия до н. э.), но при этом керамика третьей группы на данном участке поселения моложе, чем керамика второй группы. Датировать шнуровую керамику на Усть-Бельском поселении можно эпохой как неолита, так и бронзы. Так, шнуровая керамика залегает совместно с сетчатой в культурном горизонте VI на стоянке Горелый Лес¹², на поселении Улан-Хада — в слое IX¹³, на поселении Казачка — в культурном горизонте VIIA¹⁴.

Анализ керамики, встреченной в пределах участка II Усть-Бельского поселения, свидетельствует о непрерывном заселении этой территории с периода раннего неолита до эпохи бронзы включительно.

¹ См. отчет о работе отряда Н. Н. Гуриной в Ангарской археологической экспедиции 1957 г.

² Петрографическое определение состава керамики выполнено Н. Б. Селивановой в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

³ Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение). — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, 1. Иркутск, 1974, с. 167, 168.

⁴ Векслер В. С., Пуганс Б. Д. Определение абсолютного возраста по С¹⁴ образцов многослойной стоянки Горелый Лес (VI и VII культурные слои). — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, 1. Иркутск, 1974, с. 201.

⁵ Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри). — КСИА, 97, 1963, с. 28, 29.

⁶ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II. — МИА, № 18, 1950, с. 212.

⁷ Свинин В. В. Неолитические стоянки в бассейне р. Уды (Тасеевой). — Известия БСОРГО, 65, 1967, с. 118.

⁸ Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокигин А. В. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка. — В кн.: Тезисы докладов научно-теоретической конференции. Иркутск, 1976, с. 28.

⁹ Дроздов Н. И., Деметьев Д. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, с. 207, рис. 3—5.

¹⁰ Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокигин А. В. Керамические комплексы..., с. 30.

¹¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век..., с. 386.

¹² Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес, с. 168.

¹³ Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада..., с. 29.

¹⁴ Савельев Н. А., Генералов А. Г., Волокигин А. В. Керамические комплексы..., с. 28.

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ИНДОСТАНА

Неолитические каменные орудия в Индии впервые были обнаружены в 1860 г. Х. П. Мезурьером¹, однако потребовалось еще столетие, чтобы наукой был поставлен вопрос о существовании неолитического периода в истории Индостана². В 1959 г. индийский археолог В. Д. Кришна-насвами, обобщив работы своих предшественников (М. Х. Кришна, М. Уилера)³, впервые выделил характерные черты неолитических комплексов Индостана и наметил четыре основные неолитические провинции⁴, опровергнув тем самым утверждение Е. Вормана о том, что в Индии до эпохи металла не было комплексов, которые можно было бы назвать неолитическими⁵.

Дальнейшие исследования дали новые материалы⁶, а проблема неолита стала предметом оживленной дискуссии среди археологов⁷.

Один из самых сложных вопросов — хронология неолита Индостана — может быть разрешен лишь при тщательном изучении стратиграфии многослойных памятников (где мезолитические комплексы перекрыты неолитическими слоями, а те в свою очередь — энеолитическими), подкрепленном данными радиоуглеродных анализов.

Особенно важно выявить четкие критерии, позволяющие установить неолитические комплексы среди других материалов⁸. Такими критериями для неолита Индостана служат отсутствие металла, техника шлифовки и керамика грубой ручной выделки. Для этого периода характерны микролитические орудия. Появление посуды, изготовленной на гончарном круге, росписей на керамике и металле свидетельствует о начале нового этапа — энеолитического.

Полнее всего изучен неолит Южной Индии, где еще в 1948 г. М. Уилер выделил «культуру полированного каменного топора»⁹. Основной памятник — Брахмагири — содержал в основании стратиграфической колонки чистый неолитический комплекс с грубой керамикой ручной лепки и каменными топорами (подпериод IA), перекрытый слоями неолитической культуры с единичными находками бронзовых изделий (подпериод IB).

В 70 км к северо-востоку от Брахмагири изучено поселение Санганкалму¹⁰, где установлена единая линия развития от мезолита к неолиту, разделенная на фазы. Фаза I — лишь микролитические орудия. Фаза II, подпериод 1 — кроме микролитов представлены оббитые каменные топоры, грубая, сделанная от руки керамика, напоминающая керамику Брахмагири, полированные топоры из яшмы и кремня. Фаза II, подпериод 2 — много каменных полированных топоров, сокращается количество микролитов, в частности сегментов, и более многочисленными становятся изделия из пластин; наблюдается дальнейшая эволюция форм посуды: появляются грубо сделанные трубчатые носики, фрагменты бледно-серой керамики, немного черепков с фиолетовой и пурпурной росписью по тускло-кремовому покрытию.

Концу этого периода соответствуют нижние слои (слой 6) Т. Нарасипура¹¹. Здесь такой же набор каменных орудий с преобладанием топоров и те же разновидности грубой, сделанной от руки керамики: серой полированной с кремовым покрытием, изредка по венчику — роспись фиолетовой краской.

Дальнейшая эволюция этого комплекса прослеживается в верхних слоях Т. Нарасипура (слой 5) и в подпериоде IA Брахмагири¹². Каменный инвентарь почти не изменяется, но в керамике наряду с грубой серой посудой больше становится сосудов с полированной поверхностью, разнообразнее их формы, включая несколько вариантов сосудов с труб-

чатый или каналовидным носиком. Появляются фрагменты красной керамики с черной росписью, указывающие на связь с энеолитом Центральной Индии.

Вероятно, к тому же времени относятся и нижние слои стоянок I и VII в Пиклихале¹³, период I Паямпали¹⁴, период I Хемидже¹⁵. Выше лежащая свита слоев Пиклихала (мощностью от 2 до 3 м) и двухметровые напластования в Брахмагири содержат остатки все той же культуры. Однако уже в средних слоях подпериода IB Брахмагири и в таких же слоях верхнего неолита Пиклихала встречены первые единичные металлургические предметы: топоры, долота, украшения. Но изменений в облике материальной культуры не произошло: все те же каменные шлифованные топоры, ножевидные пластины, отсутствие гончарной керамики. Приблизительно к этому же этапу относятся поселение Синганпалли¹⁶ и одна из стоянок Нагарджунаконда¹⁷.

Абсолютные даты для южноиндийского неолита (2000—650 гг. до н. э.) были предложены Ф. Р. Олчином¹⁸ на основании радиоуглеродного определения образца (2295 ± 155 г. до н. э.) из нижнего слоя зольного холма Утнур, который Ф. Р. Олчин сопоставил с ранними неолитическими слоями Пиклихала¹⁹. Однако типологически более ранние комплексы известны в Санганакаллу, Нарасипуре, и следовательно, начало неолитической культуры может быть отнесено к III тысячелетию до н. э. Верхний рубеж неолита Южной Индии устанавливается при сопоставлении с материалами из неолитических многослойных поселений Центральной Индии. В Нарасипуре²⁰ неолитические слои перекрыты слоем (3) с расписной керамикой, характерной для энеолита Северного Декана. Кроме того, медные предметы, впервые появляющиеся в нижних слоях верхнего неолита Пиклихала и в средних слоях подпериода IB в Брахмагири, широко бытуют в комплексах Центральной Индии, датированных XVIII—XVII вв. до н. э.²¹

К тому же времени относится и период II Текалакоты (где было найдено золотое украшение), синхронизируемый в целом с периодом II Даймабада, с периодом IA Роджи, а через них и с периодом IB Рангпура. Радиоуглеродные определения, полученные для неолитических слоев Текалакоты²², указывают на XIX—XVI вв. до н. э., не позднее по крайней мере XIV в. до н. э. Следовательно, учитывая двухметровые толщии слоев в Брахмагири и Текалакоте, заключительные фазы неолита можно относить к XIV—XIII вв. до н. э. Серии радиоуглеродных дат, относящихся к другим поселениям (Тердал, Санганакаллу, Халлур, Палавоу, Нарасипур и Байнапала)²³, в целом подтверждают эти хронологические рамки неолитической культуры юга Декана.

Неолит Центральной Индии менее изучен, однако есть все основания полагать, что его истоки уходят в мезолитические комплексы. На севере, в бассейне р. Банас, в 11 км к северо-западу от Бханпура, в скальном навесе в Модии стратиграфически прослеживаются восемь слоев. Верхние содержали вместе с геометрическими микролитами грубую керамику, сделанную от руки²⁴. Интересны настенные росписи — сцены охоты, ритуальных танцев²⁵. В снаряжение охотников входят лук, стрелы, копьё. На спинах некоторых животных видны человеческие фигурки. В Индрагархе, в 5 км к северо-западу от Бханпура, также открыто неолитическое местонахождение с микролитами и керамикой²⁶. Южнее, в Адамгархе²⁷, на правом берегу Нарбады, в нижних слоях найдены только микролиты, а в верхних появляется сделанная от руки грубая керамика. Аналогичная керамика вместе с каменными шлифованными топорами относится к фазе I Даймабада. В нижних слоях Бахала (период IA) она перекрыта энеолитическими комплексами с гончарной расписной керамикой и бронзовыми орудиями²⁸.

Серии дат по С¹⁴ относят начало энеолитического периода в Центральной Индии к рубежу III—II тысячелетий до н. э.²⁹ Это и есть

верхняя граница неолитических комплексов Центральной Индии, тогда как истоки неолита уходят здесь в III тысячелетие до н. э.

Для неолита Западной Индии особенно важны раскопки Лангхнаджа³⁰, где стратиграфически и типологически мне удалось выделить неолитический комплекс с керамикой, шлифованными каменными орудиями и микролитами (глубина 90—120 см от поверхности), залегающий над слоем с микролитами. Этот последний датируется по C¹⁴ 2040 г. до н. э.³¹ и, таким образом, определяет нижнюю хронологическую границу неолита.

В долине Ганга неолитические комплексы открыты сравнительно недавно. В районе Мирзапур, около д. Бхайнсаур, исследовалась многослойная стоянка³², нижний слой которой содержал только микролиты негеометрических очертаний. В следующих двух слоях были геометрические микролиты и керамика ручной выделки с поверхностью охристо-красного цвета, с сероватым в изломе черепком. В двух верхних слоях оказались микролиты обеих серий и та же керамика. В двух скальных навесах в Морахана-Пахар и в Багхан-кхор выявлена точно такая же последовательность, хотя мощность культурного слоя была меньше (60 см) и культурных горизонтов выделено четыре³³.

Работы в Ликхахия³⁴ и Морена Чахар³⁵ того же района и в Лалитпуре (район Джаханси)³⁶ обнаружили ту же самую картину: сначала комплексы с негеометрическими микролитами, затем — геометрические микролиты и, наконец, геометрические микролиты с керамикой грубой ручной лепки.

Особенно важно появление керамики грубой выделки охристого цвета, которая становится характерной чертой этого района в эпоху бронзы³⁷. Такие комплексы открыты в Камаули, к востоку от Раджхата³⁸, и в Какориа, в районе Варанаси³⁹. В последних двух памятниках выявлены ранние слои (мощность 1,4 м), разделенные на три фазы. Первая из них (IA) характеризуется индустрией микролитов, плохо обожженной керамикой и постройками из сырцового кирпича. Во второй (IB) отмечаются увеличение количества пластинчатых орудий, появление керамики лучшей выделки и медных орудий.

Для датировки неолита Ганга важны раскопки Чирунда⁴⁰ — многослойного поселения в районе Саран (севернее Бихара), где неолитические слои общей мощностью 4,5 м включают шесть строительных периодов. Верхний слой этой неолитической культуры датирован 1845±160 г. до н. э.⁴¹ Учитывая, что его подстилают еще четыре строительных периода, и что известны более ранние неолитические комплексы (Бхайнсаур и др.), можно начало неолита долины Ганга отнести к середине III тысячелетия до н. э. Конечная дата неолита — XIX—XVIII вв. до н. э. — подтверждается также находками в верхних слоях Чирунда нескольких черепков прекрасно отполированной красной посуды, напоминающей керамику (Lustrous Red Ware) Рангпура (периоды IIC и III)⁴².

В Восточной Индии неолитические комплексы пока малочисленны (10 — в Западной Бенгалии и 20 — в Ориссе), и их связь с предшествующим мезолитом весьма проблематична. Тем не менее, в Кучаи (Орисса), в самом нижнем слое, подстилаемом материковым гравием, найдены микролиты без керамики⁴³. Керамика появляется в следующем слое вместе с полированными каменными топорами. Для установления верхней границы неолита Восточной Индии важны материалы Пандираджардхиби (Западная Бенгалия)⁴⁴, где для самого раннего периода типична серая, бледно-красная и черно-красная керамика, изготовленная способом ручной лепки, с примесью в тесте шелухи риса (прием, характерный только для неолита Западной Бенгалии). В следующем периоде появляется расписная керамика и блестящая красная (Lustrous Red Ware[?]), указывающая на связь с энеолитом Центральной Индии и постхарашпским Рангпуром. Дата по C¹⁴ для этого слоя — 1012±120 г. до

н. э.⁴⁵, т. е. рубеж II и I тысячелетий до н. э. Это подтверждается сериями дат из другого поселения того же района — Махиндала⁴⁶.

Неолит Кашмира лучше всего изучен в Бурзахоне⁴⁷. Здесь стратиграфически выделено два периода. В слое, лежащем на материке (период I), открыты жилища полуземляночного типа, а позднее (период II) существовали наземные постройки каркасного типа из прутьев и глины. Для обоих периодов характерны полированные каменные топоры, костяные орудия, керамика ручной лепки, изготовленная на шаблоне из прутьев. Лишь в верхних слоях периода II оказалось несколько фрагментов красной полированной керамики (вероятно, типа Lustrous Red Ware), сделанной на гончарном круге. Эти находки позволяют связать конец неолита Кашмира с эпохой бронзы археологической периодизации Индостана, что подтверждает и серия радиоуглеродных дат (2200—1400 гг. до н. э.)⁴⁸.

Долгие годы неолит Пакистана был связан в основном с поселениями Северного Белуджистана (Кили-Гул-Мохаммед, Рана-Гхундай и др.), нижние слои которых содержали комплексы с грубой керамикой ручной лепки (Basket-Market Pottery). На основании радиоуглеродных дат их относили к V—IV тысячелетиям до н. э.⁴⁹ Недавно в районе древней Гандхары открыто многослойное поселение Сараи-Кхола⁵⁰, где в неолитических слоях, лежащих на материке, выделено шесть строительных горизонтов с керамикой ручной лепки, каменными шлифованными топорами и ножевидными пластинами из сланца. Их перекрывали слои котдиджинской культуры эпохи бронзы. Следовательно, верхняя хронологическая грань для неолита этого района — середина III тысячелетия до н. э.

Таким образом, хронологический диапазон неолитических комплексов Индостана довольно широк: от V тысячелетия до н. э. (на северо-западе Индостана) до рубежа II—I тысячелетий до н. э. (в Восточной Индии).

¹ *Krishnaswami V. D. The Neolithic Pattern of India.*— In: *Proceedings 46th Session. Indian Science Congress Association, pt. II. Delhi, 1959, p. 124.* X. Д. Санкалия называет другую дату (1842 г.), ссылаясь на работу Ф. Р. Олчина (см.: *Sankalia H. D. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1963, p. 152*). Однако в книге Ф. Р. Олчина сказано лишь, что первое открытие каменных изделий в Индии, оказывается, было сделано в Лингсугуре в 1842 г. См.: *Allchin F. R. Piklihal Excavations. Hyderabad, 1960, p. XI.*

² Термин Индостан применяется как широкое географическое понятие, включающее Индию, Пакистан и Бангладеш.

³ *Wheeler R. E. M. Brahmagiri and Chandravalli, 1947: Megalithic and other Cultures in the Chitaldrug District, Mysore State.*— AI, N 4, 1948.

⁴ Провинция А — Центральная и Западная Индия; провинция В — Южная Индия; провинция С — Восточная Индия; провинция Д — Кашмир. См.: *Krishnaswami V. D. The Neolithic Pattern...*, p. 147, 148.

⁵ *Worman E. C. The Neolithic Problem in the Prehistory of India.*— JWAS, 30, N 6, 1949, p. 181—200.

⁶ Неолитические комплексы открыты в долине Ганга, в Центральной Индии, в Восточной Индии, в Гандхаре (Пакистан).

⁷ В 1964 г. в г. Пуна был проведен симпозиум по проблемам неолита. См.: *Thapar B. K. Neolithic Problem in India.*— In: *Indian Prehistory: 1964. Poona, 1965, p. 87—112.*

⁸ Было учтено 303 неолитических комплекса, из них 286 — в Индии и 17 — в Пакистане.

⁹ *Wheeler R. E. M. Brahmagiri and Chandravalli, fig. 51.*

¹⁰ *Subbarao S. B. Stone Age Culture of Bellary. Poona, 1948.*

¹¹ IA, 1958—1959, p. 33; 1961—1962, p. 35; *Lal B. B. India.*— AP, v. VII, 1963, p. 31.

¹² *Wheeler R. E. M. Brahmagiri and Chandravalli...*, fig. 21—24.

¹³ *Allchin F. R. Piklihal Excavations, p. 58, 59.*

¹⁴ IA, 1967—1968, p. 26—28.

¹⁵ IA, 1963—1964, p. 26—27.

¹⁶ IA, 1967—1968, p. 3—5.

¹⁷ *Rajan K. V. S. Studies in the Stone Age of Nagarjunakonda and its Neighbourhood.*— AI, 1957—1958, N 14, p. 99—113; IA, 1957—1958, p. 5, 6; 1958—1959, p. 5, 6.

- ¹⁸ *Allchin F. R.* Piklihal Excavations, p. 129.
- ¹⁹ IA, 1958—1959, p. 11; *Allchin F. R.* Utnur Excavations. Hyderabad, 1961, p. 63.
- ²⁰ IA, 1961—1962, p. 35.
- ²¹ *Щегенко А. Я.* Древнейшие земледельческие культуры Декана. JL., 1968, с. 90—93.
- ²² *Agrawal D. P., Kusumgar S.* Tata Institute Radiocarbon Date, List IV.— Radiocarbon, 8, 1966, p. 442—452.
- ²³ *Paddayya K.* Radiocarbon Dates and South Indian Neolithic Culture.— Antiquity, XLV, 178, 1971, p. 134—138.
- ²⁴ IA, 1957—1958, p. 26; 1958—1959, p. 28.
- ²⁵ IA, 1958—1959, fig. 13.
- ²⁶ Ibid., fig. 28.
- ²⁷ IA, 1960—1961, p. 13.
- ²⁸ *Щегенко А. Я.* Древнейшие земледельческие культуры Декана, с. 29.
- ²⁹ Там же, с. 86, табл. 8. Новые работы в Каятхе (на берегу Чотикали синдх — правом притоке Чамбела) подтверждают эту дату как стратиграфически, так и новой серией дат по C¹⁴ (2200—2000 гг. до н. э.). См.: IA, 1964—1965, p. 18; 1967—1968, p. 24, 25; *Wakankar V. S.* The Vikram. Ujjain, 1967, p. 44, 45; *Fairservis W. A.* The Roots of Ancient India. N. Y., 1971, App. E, p. 396.
- ³⁰ *Sankalia H. D.* Excavations at Langhanj: 1944—1963. P. I. Archaeology. Poona, 1965.
- ³¹ IA, 1967—1968, p. 69.
- ³² IA, 1962—1963, p. 37, 38.
- ³³ Ibid., p. 38.
- ³⁴ IA, 1963—1964, p. 51—53.
- ³⁵ *Lal B. B.* Indian Archaeology since Independence. New-Delhi, 1964, p. 16.
- ³⁶ IA, 1963—1964, p. 49.
- ³⁷ *Handa D.* Harappans, Ochre Ware and the Copper Hoards.— East and West, 18, 1-2, 1968, p. 147—150.
- ³⁸ IA, 1963—1964, p. 58.
- ³⁹ IA, 1962—1963, p. 41.
- ⁴⁰ *Sinha B. P.* Neolithic Culture in the Gangetic Valley.— 28th International Congress of Orientalists. Canberra, 1971.
- ⁴¹ Ibid., p. 5.
- ⁴² *Щегенко А. Я.* К вопросу об абсолютной хронологии хараппской культуры.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1966, с. 172—179.
- ⁴³ *Lal B. B.* Indian Archaeology..., p. 212; IA, 1961—1962, p. 36.
- ⁴⁴ IA, 1961—1962, p. 59—62; 1962—1963, p. 43—46.
- ⁴⁵ *Fairservis W. A.* The Roots of Ancient India, p. 397.
- ⁴⁶ Ibid., p. 396.
- ⁴⁷ IA, 1960—1961, p. 11; 1961—1962, p. 17—21; 1962—1963, p. 9, 10.
- ⁴⁸ *Fairservis W. A.* The Roots of Ancient India, p. 394, 395.
- ⁴⁹ *Щегенко А. Я.* Роль географической среды в становлении производящего хозяйства Индостана.— КСИА, 142, 1975, с. 59, 60.
- ⁵⁰ *Khan F. A.* Architecture and Art Treasures in Pakistan. Karachi, 1969, p. 22—24.

ХРОНИКА

Ю. А. КРАСНОВ

РАБОТА СЕКТОРА НОВОСТРОЕЧНЫХ
И ХОЗДОГОВОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
В 1973—1977 ГГ.

Основными задачами сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций в 1973—1977 гг. являлись археологическая служба на новостройках РСФСР, т. е. организация и проведение археологических исследований в зонах строительных работ, обработка полученных материалов и подготовка их к публикации; координация археологических исследований, которые проводятся на новостройках РСФСР другими учреждениями, оказание им помощи в организационном и методическом плане; помощь в организации хоздоговорных работ других подразделений Института.

За указанный период состав сектора увеличился. В археологических исследованиях на новостройках постоянное участие принимали сотрудники других подразделений Института.

Работы по осуществлению археологической службы на новостройках проводились на хоздоговорных началах во исполнение постановлений Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР об охране исторических памятников, а также вступившего в силу 1 марта 1977 г. Закона Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и согласно координационному плану важнейших исторических исследований АН СССР.

Основной формой работы по осуществлению археологической службы на новостройках являлись полевые экспедиционные исследования. В 1973—1974 гг. сектором было организовано девять экспедиций и самостоятельных отрядов, в 1975 г. — восемь, в 1976 г. — десять, в 1977 г. — двенадцать. Одни из этих экспедиций — комплексные, постоянно действующие, другие организуются на сравнительно короткие сроки для выполнения определенных работ.

За пятилетие новостроечные экспедиции сектора освоили значительные средства, полученные по договорам с проектными, строительными и другими организациями.

Наиболее крупные исследования проводились в степных районах РСФСР и были связаны главным образом со строительством и проектированием различных водохозяйственных объектов.

Донская экспедиция (начальник Д. Б. Шелов, с 1975 г. — И. С. Каменецкий) на средства различных проектных и строительных организаций проводила разведочные и стационарные исследования в зонах строи-

тельства оросительных систем и других новостроек Ростовской обл. Получен огромный новый материал по истории междуречья Дона и Волги. Основными объектами исследования были курганы. За пять лет изучено около 360 курганов — более чем 1400 погребений различных эпох. Погребения содержали большой, иногда уникальный, материал.

В погребениях древнеямной культурной общности зафиксированы элементы обрядности, свидетельствующие о распространении культа быка. Встречены погребения с молоточковидными булавами и отдельными бронзовыми предметами. Большой серией представлены катакомбные погребения, среди которых прослежены варианты, отличающиеся устройством могильных ям. Отмечен обряд трупосожжения. Из находок интересны остатки повозок. В погребениях срубной культуры впервые для Подонья прослежено абашевское влияние. В сарматских погребениях найдены остатки повозок, редкие образцы сарматской каменной и костяной скульптуры.

Разведочными работами выявлена большая концентрация курганов вокруг древнего Танаиса, что позволяет на большом фактическом материале решать вопрос о взаимоотношениях этого города с кочевниками. Среди памятников представлены также средневековые погребения хазар, половцев, ногайцев; ногайские мавзолеи из сырцового кирпича.

Большой интерес для решения проблемы формирования древнеямной культурной общности представляют раскопки Самсоновского поселения. Верхний его слой относится к периоду поздней бронзы, а нижний содержит материал доямного времени (хронологически следует за неолитом Ракушечного Яра).

Работы экспедиции ведутся комплексно, с применением различных методов естественных наук. В частности, получены новые интересные данные об антропогенном влиянии на формирование почв.

Поволжская экспедиция (начальник Г. А. Федоров-Давыдов) исследовала курганы в зонах строительства Астрахано-Калмыцкой и Никольской оросительных систем в Астраханской обл. Раскопки проводились на средства дирекции «Астрахансовхозводстроя». В 1973—1977 гг. раскопано около 250 курганов с более чем 950 погребениями ямной, полтавкинской, срубной, савроматской, сарматской культур, а также поздних кочевников. Работы такого масштаба в Нижнем Поволжье предприняты впервые.

Среди многочисленных древнеямных погребений — детские захоронения с золотыми височными колечками. Эти находки позволяют по-новому рассматривать социально-экономический уклад жизни древнеямных племен. Открыты ямные погребения в подбоях, что характеризует влияние катакомбной культуры. Большой интерес представляет погребение периода поздней бронзы с золотыми и серебряными подвесками и бронзовой булавкой. Оно может быть сопоставлено с причерноморскими сабакиновскими памятниками. Из находок в погребениях сарматского времени следует отметить серебряные фалары с изображениями всадников с поднятыми мечами, уздечный набор из бронзовых блях, выполненных в зверином стиле.

Большой материал получен из средневековых кочевнических погребений. Интересны богатые (ограбленные) погребения в больших подкурганых сооружениях в виде восьмигранных срубов, возможно воспроизводящих кочевническую юрту, а также печенежские погребения золотоордынского времени с берестяными колчанами, монетами, богатым конским снаряжением и оружием.

Экспедиция проводила также большие охранные работы на Водянском и Селитренном городищах, в результате которых получен богатейший материал по истории Золотой Орды.

Ставропольская экспедиция (начальник В. Г. Петренко) на средства дирекции «Ставропольсовхозводстроя» в 1973—1974 гг. провела раскопки

большого кургана на трассе второй очереди Большого Ставропольского канала в Александровском р-не Ставропольского края. Высота кургана 11 м, диаметр, включая ров и каменную вымостку по его краям, — около 140 м. Под насыпью были обнаружены каменная кольцевая стена-крепида диаметром 42 м и высотой около 2 м, окружавшая центральную часть кургана, и храм площадью около 100 кв. м. Центральная гробница с длинным дромосом оказалась полностью разграбленной. В боковой могиле обнаружены останки коней с уздечными наборами. Раскопки этого кургана, датированного VII—VI вв. до н. э., дали совершенно новые сведения об идеологических представлениях и строительной технике у населения Северного Кавказа в период раннего железного века.

В 1975—1977 гг. в Александровском р-не проводились разведочные и стационарные исследования курганов на землях орошения Большого Ставропольского канала. Здесь выявлены курганные группы и раскопано более 65 курганов. Большинство погребений в них относилось к катакомбной культуре. Особый интерес представляет погребение литейщика с набором песчаниковых форм для отливки проушных топоров и различным инструментарием. Впервые в северных районах Ставрополья обнаружены погребения майкопской культуры. Встречены погребения сарматского времени.

В окрестностях Железноводска на средства Иноземцевского отделения объединения «Сельхозтехника» в 1976 г. раскопан курган высотой 6 м, основное погребение которого, частично ограбленное в древности, относилось к новосвободненскому этапу майкопской культуры. Из погребального инвентаря сохранились бронзовые кивжалы, кремневые наконечники стрел и копий, каменный шлифованный и бронзовые топоры, клепаные бронзовые котлы, золотые бусы и бисер, набор костяных молоточков.

Отряд под руководством В. А. Коренько на средства треста «Прикумскводстрой» начал в 1977 г. раскопки курганов в зоне строительства Арзгирской оросительной системы в Арзгирском р-не. В двух курганных группах исследован 41 курган с 386 погребениями, большинство из которых относилось к эпохе бронзы. Впервые в Ставрополье исследована большая группа древнейших погребений. Интересна позднекатакомбная могила ремесленника, изготовлявшего кремневые наконечники стрел. В ней сохранились полный набор инструментов и полуфабрикаты. В одном из катакомбных захоронений найдена курильница с идеографическим орнаментом — ценнейший источник для изучения идеологии населения степей эпохи бронзы.

Выразительный материал содержали погребения савромато-сарматского времени, а также поздних кочевников. Получен большой антропологический материал, который поможет в решении многих этнических проблем истории Северного Кавказа и Предкавказья.

Отряд под руководством В. Б. Ковалевской проводил разведочные работы в связи с составлением технико-экономического обоснования агломерации населенных пунктов Кавказских Минеральных Вод, а также в зоне строительства Эшкаконского водохранилища в окрестностях Кисловодства. Здесь начаты раскопки средневекового поселения и могильника позднего этапа кобанской культуры.

Средневожская экспедиция (начальник Л. Л. Галкин) в 1974—1977 гг. на средства дирекции «Саратовканалсовхозводстрой», треста «Саратовхозводстрой», института «Приволжгипроводхоз» и Ульяновского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) проводила разведочные и стационарные работы в зонах ведущегося и перспективного водохозяйственного строительства в Саратовской, Ульяновской и Гурьевской областях. Раскопано около 90 курганов и более 10 поселений. Получен новый интересный

материал по истории населения Волго-Уральских степей эпохи бронзы, ранних и поздних кочевников. Нужно отметить погребение катакомбной культуры на р. Малый Узень, далеко на восток от ареала катакомбной культуры, срубные погребения с булавами, сарматские погребения с оружием. В Гурьевской обл. исследованы стоянка с микролитическим инвентарем и расположенное поблизости средневековое поселение. Работы в Саратовской и Гурьевской областях велись в содружестве с Институтом географии и Институтом почвоведения АН СССР.

Воронежская экспедиция (начальник П. Д. Либеров) в 1973 г. по заданию Харьковского отделения института «Гидропроект» провела рекогносцировочные исследования трассы канала Дон — Оскол. Выявлено несколько курганных групп и поселений эпохи бронзы и раннего железного века.

В 1977 г. той же экспедицией начаты раскопки курганов в зоне отвала вскрышных пород Павловского горно-обогатительного комбината в Павловском р-не. Исследовано 18 курганов с погребениями главным образом эпохи бронзы.

Верхнедонская экспедиция (начальник В. И. Матвеева) в 1973, 1975—1977 гг. проводила небольшие разведочные и стационарные работы в зонах нового строительства в городах Липецк и Елец, а также на территории Липецкой обл. Исследовались главным образом средневековые памятники. Проведено также обследование зоны затопления Верхнеупинского водохранилища в Тульской обл.

Сурская экспедиция (начальник Б. Г. Тихонов) завершила в 1974 г. археологические исследования в зоне затопления Сурского водохранилища в Пензенской обл. На средства дирекции строительства исследовались стоянка периода ранней бронзы, четыре поселения срубной культуры, могильник раннего железного века.

Две новостроечные экспедиции работали по античной тематике.

Анапская экспедиция (начальник Е. М. Алексеева) в 1974—1977 гг. проводила работы в зонах нового строительства в Анапе и Анапском р-не Краснодарского края. Раскопки финансировались различными строительными организациями, а также Анапским и Краснодарским музеями.

В Анапе, в районах создания музея-заповедника «Горгиппия» и городской застройки, исследованы участки древнего города на площади около 1300 кв. м и городского некрополя на площади более 850 кв. м. Получены новые данные по топографии, стратиграфии и хронологии древней Горгиппии, огромный вещевой материал.

Исключительный интерес представляет участок аристократического некрополя, обнаруженный в зоне строительства жилого дома Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Здесь в 1975 г. исследованы два склепа I—II вв. н. э. В одном из них были два погребения с богатейшим инвентарем. Стены другого склепа покрыты хорошо сохранившейся фресковой росписью, изображающей подвиги Геракла, а также бытовые сцены. Площадь фресок 55 кв. м. Склеп полностью ограблен еще в древности.

В зонах промышленного и сельскохозяйственного строительства в Анапском р-не исследовались грунтовые некрополи и курганы у хут. Красная Скала, в местечке Уташ, у хут. Воскресенского и станции Пятихатка, а также усадьба античного времени близ совхоза Джемете. Эти раскопки дали новый интересный материал о сельской округе античной Горгиппии.

Фанагорийская экспедиция (начальник В. С. Долгоруков) по заказу объединения «Таманьвино» провела в 1977 г. рекогносцировочные работы в зоне проектируемого расширения заводов этого объединения. В Темрюкском р-не Краснодарского края на средства Краснодарского краевого отделения ВООПИК велись раскопки античных памятников, которым грозит разрушение вследствие расширения виноградных плантаций.

Несколько экспедиций было организовано для исследования археологических памятников в зонах новостроек центральных районов РСФСР.

Чебоксарская экспедиция (начальник Ю. А. Краснов) в 1973 г. завершила исследования в зоне затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС. В связи с исчерпанием средств, полученных на эти цели от Министерства энергетики и электрификации СССР, работы экспедиции в 1973 г. велись лишь силами одного отряда, который закончил полное исследование интереснейшего памятника волосовской культуры — поселения Володары в Дзержинском р-не Горьковской обл. Полученный в результате трехлетних раскопок огромный вещевой и остеологический материал, остатки нескольких жилых и культовых сооружений, а также погребения, в том числе с вещами, позволяют всесторонне и во многом по-новому осветить древнюю историю долины Оки и сопредельных районов.

Вазузская экспедиция (начальник К. А. Смирнов) завершила раскопки в зоне строительства Вазузской гидротехнической системы. В 1973—1974 гг. на средства дирекции строительства проведено полное исследование многослойного городища Хлепень (третья четверть I тысячелетия н. э. — XV—XVI вв.) в Сычевском р-не Смоленской обл. и кривичской курганной группы XI в. у д. Кривая Улица.

Ржевский отряд Верхневолжской экспедиции под руководством Л. В. Кольцова по заданию института «Гидропроект» провел в 1976 г. обследование зоны затопления водохранилища проектируемого Ржевского гидроузла. Зарегистрировано более 280 памятников от мезолита до позднего средневековья, из них 180 должны быть исследованы в период строительства. Подавляющее большинство памятников было обследовано здесь впервые.

Волго-Окская новостроечная экспедиция (начальник А. Е. Леонтьев) по заданиям институтов «Мосгипроводхоз» и «Приволжгипроводхоз» в 1975—1977 гг. проводила разведки и раскопки в зонах строительства локальных объектов мелиорации в Ярославской, Владимирской, Калининской и Костромской областях. Выявлено несколько десятков новых памятников различных эпох. На четырех средневековых селищах и в пяти курганных группах проведены стационарные раскопки.

В 1977 г. по заданию института «Мосгипроводхоз» экспедицией проводилась работа по установлению зон необходимых археологических исследований, предшествующих мелиоративным работам. Эта работа входит в состав комплексной схемы мелиоративных мероприятий в Мещерской низменности. Результатом работы явилось составление аннотированной археологической карты указанного района. В связи с этой работой на территории Мещерской низменности в Московской, Рязанской и Владимирской областях проведены археологические разведки.

Окско-Донская экспедиция (начальник Р. Ф. Воронина) по заданию института «Гидропроект» провела в 1977 г. рекогносцировочные исследования в зоне проектирования пронского варианта канала Ока — Дон. Пройдено свыше 260 км трассы канала, где зафиксировано более 100 археологических памятников различных эпох, главным образом средневековых.

Небольшие раскопки проводились на Харинской неолитической стоянке, в Харинских курганах эпохи бронзы и Никитинском могильнике в устье р. Проня, где исследовано 11 грунтовых могил V—VII вв. н. э. с богатым инвентарем и хорошо сохранившимися остатками одежды.

Деснинский отряд под руководством А. С. Смирнова по заданию Брянского отделения института «Мосгипроводхоз» проводил в 1977 г. разведочные и небольшие раскопочные работы в зонах строительства локальных объектов мелиорации на территории Брянской обл. Выявлено восемь новых памятников, раскопки проводились на трех стоянках эпохи неолита и бронзы.

Алтайская (в 1973—1975 гг.— *Алейская*) *экспедиция* (начальник В. А. Могильников) на средства различных проектных и строительных организаций провела большие исследования археологических памятников в зоне затопления Гилевского водохранилища на р. Алей в Алтайском крае, Кулундинского магистрального канала и на связанных с ним землях орошения, а также в зонах строительства локальных объектов мелиорации в Алтайском крае и Омской обл. Исследовано более 140 курганов раннего железного века и средневековья, а также многослойное поселение Гилево II с напластованиями от энеолита до раннего железного века. Получен новый материал по истории древнего населения юга Сибири и его связей с соседними территориями, уточнены границы некоторых археологических культур.

Разведочные работы проводились в зонах проектирования Бурлинской оросительной системы в Алтайском крае и Кочердыкского водохранилища в Курганской и Кустанайской областях.

В секторе велась работа по подготовке к публикации материалов исследований новостроечных экспедиций. Вышли из печати две большие работы. В сборнике «Древности Астраханского края» публикуются материалы раскопок курганов в урочище Кривая Лука в зоне строительства Астрахано-Калмыцкой оросительной системы. Монография Ю. А. Краснова и В. Ф. Каховского «Средневековые Чебоксары» является первым выпуском трудов Чебоксарской экспедиции и содержит публикацию материалов раскопок 1969—1970 гг. в Чебоксарах и их анализ как исторического источника. Подготовлены к печати еще два сборника трудов Чебоксарской экспедиции, сборники трудов Средневожской и Донской экспедиций.

Важной стороной повседневной работы сектора было составление документации к археологическим исследованиям на объектах строительства будущих лет.

Сектор оказывал конкретную помощь в организации археологических исследований на новостройках Уральскому, Куйбышевскому, Ростовскому, Кемеровскому университетам, Смоленскому, Куйбышевскому, Волгоградскому педагогическим институтам и некоторым другим учреждениям, осуществляя тем самым координационные функции.

Сотрудники сектора прорешили значительную работу в связи с подготовкой Законов Союза ССР и РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а также инструкций к ним.

Кроме постоянной работы по организации и проведению археологических работ на новостройках, некоторые сотрудники сектора работали над темами, не связанными с новостроечной тематикой. Ю. А. Краснов разрабатывал проблемы истории земледелия. Им завершена и опубликована монография «Древнейшие упряжные пахотные орудия» (М., 1975), начата работа над темой «Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы» и отдельными главами к «Истории крестьянства СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)». В. И. Матвеева завершила работу над темой «Славянские памятники Верхнего Дона XIII—XIV вв.» Р. Ф. Воронина работает над темой «Среднепчинская мордва VIII—XI вв. (по материалам могильников)». М. А. Романовская работает над темой «Раскопки гетского городища Рудь в Молдавской ССР», в связи с чем в течение нескольких лет проводит исследования этого памятника. А. Е. Леонтьев готовит к печати монографию «Сарское городище».

О РАБОТЕ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА В 1972—1977 ГГ.

В 1972—1977 гг. сектор палеолита продолжал разработку плановых тем, связанных с изучением истории первобытного строя, проблем возникновения человеческого общества, формирования древних этнических общностей.

Проводились полевые исследования экспедиций и отрядов, руководимых сотрудниками сектора.

В 1972—1977 гг. продолжались многолетние исследования Костенковской палеолитической экспедиции, руководимой А. Н. Рогачевым и Н. Д. Прасловым. С 1974 г. возобновила свои работы Кавказская палеолитическая экспедиция, руководимая В. П. Любиным. Проводились исследования Среднерусского палеолитического отряда (начальник Л. М. Тарасов); палеолитического отряда Красноярской экспедиции (З. А. Абрамова); Авдеевской экспедиции (Г. П. Григорьев). С. Н. Астахов руководил работами Саяно-Тувинской экспедиции. Памятники палеолита Молдавии изучали Н. К. Анисюткин и Г. В. Григорьева. Некоторые экспедиции и отряды изучали памятники мезолита и неолита. Продолжались многолетние исследования Кольской и Верхневолжской неолитической экспедиций, руководимых Н. Н. Гуриной; Степной неолитической экспедиции (начальник Л. Я. Крижевская); Заполярной экспедиции (Л. П. Хлобыстин); Костромского и Мезенского отрядов (И. В. Гаврилова); Калининградского неолитического отряда (В. И. Тимофеев); Смоленского неолитического отряда (В. П. Третьяков).

Информация об основных результатах полевых исследований экспедиций и отрядов публиковалась в ежегоднике «Археологические открытия», об исследованиях памятников палеолита и мезолита — также в сборниках INQUA «Early Man News» (v. I, II).

На заседаниях сектора систематически обсуждались плановые темы сотрудников. Много внимания уделялось работе над разделами «Археологии СССР». Широко обсуждались разделы серии «Палеолит мира», подготовленной сектором (коллектив авторов: З. А. Абрамова, П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев, И. И. Коробков, В. А. Ранов). В марте 1975 г. Ленинградской секцией Ученого совета Института археологии АН СССР была проведена дискуссия по разделам; «Возникновение человеческого общества» (автор П. И. Борисковский) и «Развитие культуры в палеолите по данным археологии. Гипотезы относительно возникновения человеческого общества и общественного устройства» (автор Г. П. Григорьев). Кроме сотрудников Ленинградского отделения Института археологии в дискуссии приняли участие видные антропологи, этнографы, философы Москвы и Ленинграда (В. В. Бунак, В. Р. Кабо, Ю. И. Семенов, М. И. Урысон и др.).

В 1972—1977 гг. некоторые сотрудники сектора завершили индивидуальные плановые темы. Закончены крупные монографические работы З. А. Абрамовой «Палеолит Енисея»; С. А. Семенова «Методологические проблемы археологии каменного века»; Л. Я. Крижевской «Неолит Приазовья»; Л. П. Хлобыстина «Древние культуры Таймыра» и др. П. И. Борисковский подготовил к переизданию свою книгу «Древнейшее прошлое человечества».

Были проведены расширенные заседания сектора. В мае 1974 г. состоялось рабочее совещание по проблеме классификации и номенклатуры зубчатых-выемчатых орудий нижнего палеолита. В работе совещания приняли участие, кроме сотрудников ленинградских учреждений, специалисты из Москвы, Киева, Еревана. Были заслушаны и обсуждены доклады Г. П. Григорьева «Сопряженная группа зубчатых орудий и зубчатый

путь развития»; И. И. Коробкова «Проблемы зубчатых индустрий в палеолите»; Н. К. Анисюткина «Зубчатые орудия стинковской мустьерской культуры»; развернутые выступления В. Н. Гладиллина, В. П. Любина, А. Н. Рогачева, В. Е. Щелинского. Собрание подвело итоги изучения зубчато-выемчатых индустрий.

В мае 1976 г. состоялось расширенное заседание сектора, посвященное вопросам методики и техники исследования каменных орудий палеолита. Были заслушаны и обсуждены доклады специалистов по изучению палеолита из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Душанбе, Иркутска: Г. П. Григорьева «О разграничении понятий культурно-генетического (исторического) и конвергентного развития первобытной техники и каменных орудий в эпоху палеолита»; А. Н. Рогачева «Каменные орудия как исторический источник в свете учения К. Маркса о предметной деятельности, о возникновении труда и производства»; М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьева, Д. В. Деопика, Н. Б. Леоновой «Классификация выше уровня типа»; В. А. Ранова, В. А. Амосовой «Количественный метод и его перспективы»; Г. Н. Матюшина «Принципы классификации пластинчатых изделий»; Н. К. Анисюткина «Опыт выделения технико-морфологических групп и их дифференциации при описании и анализе каменных орудий стинковской культуры»; Ю. Г. Колосова «Специфические орудия Красной Балки как основа для выделения археологической культуры»; Н. З. Бердзенишвили «О кавказской зоне раннего верхнего палеолита (по материалам Грузии)»; В. Е. Щелинского «О технико-функциональном изучении палеолитических изделий»; А. К. Филиппова «Технико-технологическая терминология и классификация активных элементов каменных орудий»; Г. И. Медведева «Номенклатура технико-морфологических понятий для описания артефактов и каменных орудий»; М. В. Аникевича «Опыт выделения технико-морфологических групп и их дифференциации при описании и анализе памятников стрелецкой культуры»; В. И. Беляевой «Опыт выделения технико-морфологических групп и их дифференциации при описании каменных орудий Костенок I (верхний слой)»; Г. В. Григорьевой «Опыт выделения технико-морфологических групп и их дифференциации при описании и анализе позднепалеолитических памятников междуречья Днестра и Прута»; В. А. Ранова «Древние палеолитические стоянки из лёссов Южного Таджикистана»; М. Г. Ниорадзе «Новые данные о палеолите ущелья р. Цхалцители»; О. Квирквелия «Опыт изучения остатков производства из Сванте-Саванья по статистико-математическому методу».

Большое значение для научной жизни сектора имели расширенные совещания, посвященные проблематике каменного века эпохи голоцена, организованные в 1974, 1975 и 1977 гг. Совещания проходили под руководством Н. Н. Гуриной.

В декабре 1974 г. в расширенном заседании сектора, посвященном проблемам изучения мезолита, приняли участие специалисты из ряда археологических центров СССР. Было заслушано более 20 докладов. Материалы, доложенные на заседании, опубликованы¹.

В декабре 1975 г. состоялось расширенное заседание сектора совместно с сектором неолита и бронзы Института археологии и голоценовой комиссией INQUA по теме «Хронологические границы неолита СССР и методы их установления». Было заслушано более 30 докладов специалистов из ряда республик и городов СССР. Несколько докладов сделано специалистами в области естественно-научных методов установления датировки.

Общим вопросам были посвящены доклады: Н. Н. Гуриной «О хронологии неолита»; Н. А. Хотинского «Палеогеографическая основа хронологии и периодизации неолита Русской равнины»; В. И. Тимофеева, Е. Н. Романовой, Ю. С. Свеженцева, Н. С. Малаховой «Радиоуглеродный метод как основа создания хронологии неолита СССР»; Н. М. Ермо-

ловой «К вопросу о времени и месте доместикации». С докладами о хронологии неолитических и энеолитических памятников отдельных крупных регионов СССР выступили Р. К. Римантене (Вильнюс), А. А. Лийва (Тарту), Ф. А. Загорскис и И. А. Лозе (Рига), В. Ф. Исаенко (Минск), М. М. Чернявский (Минск), Д. Я. Телегин (Киев), Т. А. Попова (Ленинград), Л. Я. Крижевская (Ленинград), Т. Д. Белановская (Ленинград), Д. А. Крайнов (Москва), Н. А. Хотинский и М. А. Гуман (Москва), П. М. Долуханов и А. М. Микляев (Ленинград), М. П. Зимина (Москва), В. П. Третьяков (Ленинград), Р. С. Габяшев (Казань), С. В. Ошибкина (Москва), Н. Н. Гурина и Б. И. Кошечкин (Ленинград), Г. А. Панкрушев (Петрозаводск), А. П. Журавлев и Э. А. Врублевская (Петрозаводск), В. Ф. Старков (Москва), Л. П. Хлобыстин (Ленинград), А. Н. Мелентьев (Ленинград), Г. Ф. Коробкова и В. М. Массон (Ленинград). В резолюции были отмечены достижения в разработке хронологии неолита (в частности, увеличение данных естественных наук по датировке неолитических памятников). На совещании отчетливо проявилась тенденция к расширению хронологических границ неолитического периода. Доклады расширенного заседания опубликованы².

В ноябре 1977 г. состоялось расширенное заседание сектора, посвященное проблеме этногенеза древних народов (по данным археологии неолита и бронзового века). В работе расширенного заседания приняли участие более 40 специалистов из республик и городов Советского Союза, а также сотрудники Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Большой интерес вызвали доклады по общим вопросам изучения этнического процесса в первобытности: С. В. Иванова «Орнамент и этнос по этнографическим материалам»; Н. Н. Гуриной «К вопросу о принципах выделения неолитических культур»; И. И. Гохмана «Некоторые проблемы расогенеза на территории лесной полосы Восточной Европы». Опыт математического анализа совокупности археологических и палеогеографических данных был продемонстрирован в докладе П. М. Долуханова «Археологическая культура (опыт математического моделирования)». Ранее этот доклад обсуждался на заседании сектора, где были отмечены, с одной стороны, интересные идеи автора, с другой — серьезные упущения в археологической части подготовки материала.

Большинство докладов было посвящено вопросам изучения конкретных археологических культур эпохи неолита. Этнокультурная принадлежность неолитических памятников Восточной Прибалтики рассматривалась в докладах Ф. А. Загорскиса «Нарвская культура и принципы ее выделения»; И. А. Лозе «Нарвская культура и некоторые вопросы ее изучения»; А. А. Гирининкаса «Связи нарвско-неманской и неманской культур по данным новых памятников Северо-Восточной Литвы»; Р. К. Римантене «Неманская и нарвская культуры»; В. И. Тимофеева «К вопросу об этнокультурной принадлежности неолитических памятников Калининградской обл.». В докладах и при их обсуждении были подытожены результаты изучения памятников нарвской и неманской культур, выявились некоторые дискуссионные вопросы (в частности, различие взглядов латвийских исследователей на культурную атрибуцию памятников с керамикой сарнатского типа).

Вопросы изучения неолита Белоруссии и Украины были рассмотрены в докладах М. М. Чернявского «Неманская культура»; В. Ф. Исаенко «Сравнительное описание неолитических культур Полесья»; В. Ф. Копытина «Мезолит Юго-Восточной Белоруссии и его роль в сложении верхнеднепровской неолитической культуры»; В. И. Неприной «Лисоговская неолитическая культура». Д. Я. Телегин в докладе «Еще раз о принципах выделения и границах распространения днепро-донецкой неолитической культуры» продемонстрировал результаты изучения керамических комплексов с помощью математических методов. Итоги изучения неолитических памятников Приазовья были подведены в докладах

Л. Я. Крижевской «К вопросу о раннеолитической культуре Северного Приазовья» и Т. Д. Белановской «К вопросу о выделении неолитической ракушечноярской культуры на Нижнем Дону». Оппонентом Л. Я. Крижевской выступил Д. Я. Телегин, высказавший мнение, что стоянки Матвеев Курган I и II относятся к позднему мезолиту.

В ряде докладов рассматривались проблемы изучения неолита центральных, северных и восточных районов европейской части СССР. Особенно большой интерес вызвали доклады Н. Н. Гуриной «Принципы выделения валдайской культуры» и Д. А. Крайнова «Принципы выделения верхневолжской культуры». В докладе И. В. Гавриловой были сформулированы принципы выделения галичской культуры. Были заслушаны также доклады: А. П. Журавлева «Об энеолитической культуре Карелии»; В. П. Третьякова «О принципах выделения культуры ямочно-гребенчатой керамики и ее вариантов в эпоху развитого неолита»; С. В. Ошибкиной «О принципах выделения каргопольской культуры на европейском северо-востоке»; Т. М. Гусенцовой «Позднемезолитические памятники Камско-Вятского междуречья и их роль в сложении неолитической культуры»; Л. Л. Косинской «К вопросу о принципах выделения этнокультурных типов неолита и ранней бронзы Северо-Восточной Европы»; Р. С. Габяшева «Культурные группы в неолите и энеолите Прикамья»; В. В. Никитина «Поселения с гребенчато-ямочной керамикой и их место среди археологических памятников Среднего Поволжья».

Культурам неолита и мезолита Средней Азии и прилегающих областей были посвящены доклады: Г. Ф. Коробковой «Этногенез и культурогенез неолита Средней Азии»; В. И. Тимофеева «К вопросу о центральноферганской археологической культуре»; А. Н. Мелентьева «О выделении сероглазовской культуры в Нижнем Поволжье»; В. Ф. Зайберт «К постановке вопроса о выделении североказахстанской этнокультурной области в эпоху неолита». Сибирская тематика рассматривалась в докладах: В. Т. Ковалевой «К вопросу о выделении энеолитических культур Среднего Зауралья»; В. Ф. Старкова «Неолитические культуры Зауралья и Западной Сибири и принципы их выделения»; Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой «Каменный век Северо-Восточной Азии (генезис культур)». В заключение расширенного заседания Н. Я. Мерперт сделал развернутый доклад об исследованиях Иракской экспедиции.

Была принята резолюция, подводящая итоги изучения неолита. Решено в ближайшее время провести совещание, посвященное типологии и номенклатуре керамических, кремневых и других изделий, относящихся к археологическим культурам неолита. Для организации совещания избран оргкомитет, в состав которого вошли Н. Н. Гурина, И. А. Загорска, В. Ф. Исаенко, Г. Ф. Коробкова, Д. А. Крайнов, Г. И. Медведев, Ю. А. Мочанов, Р. К. Римантене, Д. Я. Телегин.

В 1975 г. В. П. Любыным успешно защищена докторская диссертация «Мустьерские культуры Кавказа», а М. В. Аниковичем (научный руководитель А. Н. Рогачев) в 1977 г.— кандидатская диссертация «Памятники стрелецкой культуры в Костенках». На заседаниях сектора обсуждались кандидатские диссертации, подготовленные аспирантами И. А. Борзьяк (научный руководитель П. И. Борисковский) «Поздний палеолит Северо-Западной Молдавии»; В. И. Беляевой (научный руководитель А. Н. Рогачев) «Костенки I, верхний слой (опыт классификации кремневого инвентаря)»; В. Ф. Копытиным (научный руководитель Н. Н. Гурина) «Мезолит Юго-Восточной Белоруссии»; Х. А. Амирхановым (научный руководитель В. П. Любин) «Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий»; Е. А. Окладниковой (научный руководитель П. И. Борисковский) «Наскальное искусство северо-западного побережья Северной Америки и его связи с петроглифами Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии»; Г. В. Сеницыной (научный руководитель Н. Н. Гурина) «Неолитические

памятники Верхней Ангары». Диссертации В. Ф. Копытина и Х. А. Амирханова были успешно защищены в 1977 г., а Е. А. Окладниковой — в 1978 г. Обсуждались кандидатские диссертации сотрудников лаборатории первобытной техники³, подготовленные под научным руководством С. А. Семенова: В. Е. Щелинского «Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения)»; А. Е. Матюхина «Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий»; А. К. Филиппова «Связь формы и функции изделий труда в палеолите (опыт изучения технического и эстетического формообразования)». Диссертация В. Е. Щелинского была успешно защищена в 1974 г., диссертации А. Е. Матюхина и А. К. Филиппова — в 1978 г. Обсуждалась также представленная на соискание ученой степени кандидата биологических наук диссертация Н. М. Ермоловой «Терифауна долины Ангары в позднем антропогене», успешно защищенная в 1973 г.

Продолжали развиваться международные связи сектора. В сентябре 1973 г. П. И. Борисковский участвовал в работе IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Чикаго, выступив с докладом «Некоторые проблемы палеолита Южной и Юго-Восточной Азии». З. А. Абрамова с ноября 1974 г. по январь 1975 г. находилась во Франции по приглашению Коллеж де Франс и прочла там цикл лекций на тему «Изучение верхнего палеолита и первобытного общества в СССР». В феврале-марте 1975 г. Л. П. Хлобыстин изучал археологические коллекции в Финляндии. В апреле 1975 г. Н. Н. Гурина по приглашению университета в Брно (Чехословакия) приняла участие в работе Петроархеологического семинара, выступив с докладом «Кремневое сырье как исторический источник». В сентябре 1975 г. Л. Я. Крижевская участвовала в работе IV Международного конгресса финно-угроведов в Будапеште, сделав содоклад «Роль южных связей уральских культур в сложении прафинноугорских народов в позднем каменном веке». В марте-апреле 1976 г. во Вьетнаме находился в командировке П. И. Борисковский. На IX Международном конгрессе доисториков и протодисториков, проходившем в Ницце (Франция), выступили с докладами: Н. Н. Гурина «Новые наскальные изображения Советской Арктики» и В. П. Любин «Нижний палеолит юга СССР». В октябре-ноябре 1976 г. Н. Д. Праслов в Болгарии изучал палеолитические коллекции и провел рекогносцировочные обследования некоторых памятников. В сентябре 1977 г. Н. Н. Гурина в составе советской делегации находилась в командировке в Чехословакии по приглашению Словацкой Академии наук и выступила с докладом «Итоги и методы изучения неолита в Советском Союзе». В сентябре-октябре 1977 г. В. П. Люин и Н. Д. Праслов в связи с разработкой темы «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами» были в командировке во Франции, где осмотрели ряд палеолитических памятников.

С докладами на заседаниях сектора выступали зарубежные ученые: в 1972 г. — проф. Ч. Мак-Барни (Англия) «Новые исследования по палеолиту Ирана и Афганистана»; в 1973 г. — М. Джармен (Англия) «Проблемы палеоэкономики и ранней доместикации»; в 1977 г. — А. Маршак (США) «Новые методы анализа верхнепалеолитического геометрического орнамента».

В 1972—1977 гг. сотрудниками сектора были опубликованы многочисленные статьи. Вышли из печати следующие монографии и коллективные сборники: Палеолит и неолит СССР, VII. Под ред. З. А. Абрамовой и Н. Д. Праслова (Л., 1972); *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР (Л., 1972); Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР. Под ред. Н. Н. Гуриной (Л., 1973); *Семенов С. А.* Происхождение земледелия (Л., 1974); *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты (Л., 1976); *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая

Курья (Л., 1976); Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Под ред. Н. Д. Праслова (Л., 1977); Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа (Л., 1977); Крижевская Л. Я. Эпоха ранней бронзы на Южном Урале (Л., 1977).

В 1977 г. началось издание серии «Палеолит мира». Первая книга серии «Возникновение общества. Палеолит Африки» (авторы П. И. Борисковский и Г. П. Григорьев) экспонировалась на Выставке Достижений Народного Хозяйства. П. И. Борисковский награжден серебряной медалью Выставки.

¹ КСИА, 149, 1977.

² КСИА, 153, 1978.

³ В сентябре 1973 г. лаборатория первобытной техники была выделена из состава сектора палеолита в отдельное подразделение ЛОИА АН СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВСОРГО — Восточно-сибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока. Сыктывкар
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
AI — Ancient India
AP — Ancient Pakistan
IA — Indian Archaeology. A Review
JA — Journal asiatique
JWAS — Journal Washington Academy of Sciences
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. Н. Рогачев.</i> О методике полевого исследования палеолитических поселений (опыт археологических раскопок палеолитических стоянок в Костенках на Дону)	3
<i>С. В. Смирнов.</i> Мустьерская стоянка Рихта	9
<i>В. Я. Сергин.</i> Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение	15
<i>С. В. Ошибкина.</i> Мезолитическая стоянка Андозеро М	21
<i>В. Ф. Копытин.</i> Мезолитическое поселение Горки в Посожье	27
<i>О. Л. Липницкая.</i> Мезолитическая стоянка Криничная	32
<i>Г. Н. Матюшин.</i> Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири	36
<i>А. Г. Генералов.</i> Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка	43
<i>Э. С. Логинова.</i> Ранний неолит на Средней Вычегде	48
<i>В. М. Раушенбах.</i> Новое местонахождение льяловской культуры	52
<i>В. Н. Малюкович.</i> Археологические разведки на Камчатке	57
<i>В. И. Тимофеев.</i> Памятники каменного века восточной части Калининградской области	61
<i>Т. А. Попова.</i> Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры	69
<i>П. М. Долуханов, А. М. Микляев.</i> Культурно-исторические основы построения абсолютной хронологии неолита и ранней бронзы в бассейне Западной Двины	73
<i>А. П. Журавлев.</i> Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки	82
<i>Э. Л. Врублевская.</i> Металлографическое исследование образцов с поселения Пегрема I	87
<i>Г. В. Симицына.</i> Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной)	88
<i>А. Я. Щетенко.</i> Хронология неолита Индостана	93

Хроника

<i>Ю. А. Краснов.</i> Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1973—1977 гг.	98
<i>В. И. Тимофеев.</i> О работе сектора палеолита в 1972—1977 гг.	104
Список сокращений	110

Памятники первобытной культуры
КСИА, вып. 157

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректор Н. И. Кодыкова

ИБ № 15237

Сдано в набор 27.09.78.
Подписано к печати 5.01.79.
Т-01203. Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 906
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10